

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

Бурмистрова Екатерина Сергеевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТСКИХ ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЫ: ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ И ЛИДЕРСТВЕ**

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
д. и. н., профессор,
Л.А. Фадеева

Пермь – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Правый популизм и женское участие в политике: теоретико-методологические основы анализа.....	27
1.1. Теоретические основы исследования правого популизма.....	27
1.2. Правый популизм и женское политическое участие: исследовательские перспективы.....	44
Глава 2. Стратегические подходы к обновлению повестки правых популистов: политический мейнстриминг и интеграция женской повестки	57
2.1. Восприятие гендерного равенства правыми популистами: дискурсивные и программные сдвиги.....	57
2.2. Эволюция антимигрантской повестки правых популистов: женские права как ключевой элемент европейской идентичности	76
2.3. Семейные ценности и материнство: трансформация в дискурсе и политических программах правых популистов	96
Глава 3. Технологии политического лидерства в правых популистских партиях	127
3.1. Обновление имиджа лидеров правых популистских партий	127
3.2. Женское лидерство в правых популистских партиях Западной Европы	136
Заключение	153
Список сокращений и условных обозначений.....	159
Источники	160
Литература	164

Введение

Актуальность исследования. Рост популярности правых партий и движений, известный как «правый поворот», стал одним из наиболее значимых трендов в современной западноевропейской политике. В начале XXI века мировой экономический кризис, миграционный кризис и коронакризис способствуют поддержанию ситуации нестабильности и неопределенности, в которой правым популистам удастся завоевывать все больше голосов.

Важным фактором электоральных успехов правых популистов становится общий для них тренд на демаргинализацию в попытке продвинуться с политической периферии в центр большой политики, несмотря на то, что их традиционные позиции противоречат меняющемуся политическому ландшафту. Эти изменения характеризуются кризисом традиционных мейнстримных партий, появлением новых политических игроков, таких как Возрождение во Франции (бывшая «Вперед, Республика!», маршисты), возникновением «партий новой формации»¹ из бывших партий националистского и коммунистического толка, ростом влияния популизма (в 2022 году 32% голосов было отдано за популистские, крайне левые или крайне правые партии²). В этих условиях правые популисты, которых исторический опыт тесно связывает с травматичными страницами европейского прошлого, стараются дистанцироваться от экстремистских ассоциаций³, выступая за европейскую либеральную демократию, на протяжении нескольких десятилетий строившей свою идентитарную политику на основе идеи прав человека.

¹ Гуселетов Б. П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное // Современная Европа. – 2018. – №. 2 (81). – С. 19.

² Henley J. Revealed: one in three Europeans now vote anti-establishment terrorism // The Guardian. 2023. 3 September. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/21/revealed-one-in-three-europeans-now-votes-anti-establishment> (дата обращения: 27.01.24).

³ Bos L., Van der Brug W., De Vreese C. How the media shape perceptions of right-wing populist leaders // Political Communication. – 2011. – Т. 28. – №. 2. – P. 182-206.

Гендерное равенство, признанное стандартами Совета Европы краеугольным камнем прав человека и функционирования демократии⁴, основано на обеспечении паритета между женщинами и мужчинами во всех сферах, в частности, в политике. Активное вовлечение женщин в политику является важной современной тенденцией в западноевропейской политике. С момента проведения первой Международной женской конференции ООН в 1975 году наблюдается последовательный рост представительства женщин в политике: от 7 % мест в парламенте в 1975 году до 25% в 2015 году, после чего доля женщин сохраняется примерно на том же уровне⁵. Активизируются женские движения и феминистские протесты, направленные на решение широкого спектра женских проблем, от репродуктивных прав до домашнего насилия⁶. Особое значение имеет политизация репродуктивных прав, в том числе права на аборт, которое стало одним из основных ценностных маркеров в современной политике. Как отмечает Е.К. Рудакова: «именно “право на аборт” сегодня является ведущей темой репродуктивной риторики Европы»⁷, что подчеркивает актуальность женской повестки на политической арене.

Несмотря на свои электоральные победы, правые популистские партии сталкиваются с проблемой гендерного разрыва, который колеблется в районе 70/30 или даже 60/40⁸. Учитывая растущее значение женщин в политике, очевидно, что правые популисты вынуждены устранять этот гендерный разрыв и

⁴ Gender equality and women's rights. Council of Europe Standards // Council of Europe. 2022. URL:<https://rm.coe.int/gender-equality-and-women-s-rights-coe-standards/1680ac787e> (дата обращения: 27.01.24).

⁵ The World's Women: Trends and Statistics 1970-1990. NY: United Nations. 1991; The World's Women: Trends and Statistics 2015. NY: United Nations. 2015; The World's Women: Trends and Statistics 2020. United Nations Department of Economic and Social Affairs Statistics.

⁶ Вершинина Д. Б. Женская тематика в движениях протеста в конце XX-начале XXI века: от глобального контекста к национальному опыту (на примере Ирландии) //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 3 (119). – С. 98-116.

⁷ Рудакова Е. К. Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции //Власть. – 2020. – №. 4. – С. 233.

⁸ Harteveld E. et al. The gender gap in populist radical-right voting: Examining the demand side in Western and Eastern Europe //Patterns of Prejudice. – 2015. – Т. 49. – №. 1-2. – P. 103-134; Gidengil E. et al. Explaining the gender gap in support for the new right: The case of Canada //Comparative Political Studies. – 2005. – Т. 38. – №. 10. – P. 1171-1195; Spierings N., Zaslove A. Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties //West European Politics. – 2017. – Т. 40. – №. 4. – P. 821-847.

апеллировать к более широкому женскому электорату. Устранение этого разрыва требует изменения подходов и технологий, которые признают и учитывают различные проблемы и приоритеты женщин, подчеркивает необходимость принятия проактивных мер, направленных на обеспечение инклюзивности и гендерного равенства в платформах и политике правых популистских партий.

Как отмечают А.В. Алексеев и И.В. Фомин, «праворадикальные популисты сегодня выступают одними из наиболее активных участников интерпретативной борьбы за переосмысление» европейских прав и свобод⁹. В связи с этим отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как современные тенденции, когда женщинам отводится важное место в политике соотносятся с традиционными ценностями, пропагандируемыми правыми популистскими партиями, как они влияют на формирование и использование женской повестки. В контексте данного исследования под женской повесткой понимается часть партийной повестки, ориентированная на политическое участие женщин.

Степень научной разработанности темы.

Зарубежную и отечественную литературу, представляющую интерес для данного исследования, можно разделить на три группы:

1. Работы, посвященные осмыслению феномена правого радикализма и популизма.

Х.-Г. Бетц определяет суть правого радикального популизма, характеризует влияние на него социально-экономических факторов¹⁰. К.Мюдде в своих многочисленных работах, посвященных феномену праворадикального популизма, дает всестороннюю характеристику этого феномена через обращение к популизму, нативизму и авторитаризму¹¹.

П. Хейнсворт проводит тщательный анализ внутривнутриполитических сил, которые способствовали появлению крайне правых партий, дает краткий обзор

⁹ Алексеев А. В., Фомин И. В. «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения») // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 153.

¹⁰ Betz H. G. Radical right-wing populism in Western Europe. – Springer, 1994.

¹¹ Mudde C. The Ideology of the Extreme Right. Manchester, UK: Manchester University Press, 2000; Mudde C. The Populist Radical Right in Europe. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2007; Mudde C. The far right today. – John Wiley & Sons, 2019.

идей, различных траекторий, программ, электората и последствий деятельности крайне правых партий¹². П. Игнаци осуществляет подробный исторический анализ развития крайне правых партий в Западной Европе и связывает это явление с изменением ценностей постиндустриальной цивилизации¹³. Важным для работы выступает блок исследований Д. Альбертацци, объясняющего, почему популистские партии возникают и каким образом они становятся успешными¹⁴. Огромный вклад в исследование правого популизма внесли П. Норрис и Р. Инглхарт в целом комплексе исследований. П. Норрис анализировала результаты деятельности радикальных правых партий в Европе и других странах, различия в программном позиционировании, задействовании электоральных институтов и организационном потенциале лидеров¹⁵. Часть исследований П. Норрис и Р. Инглхарта фокусировалась на мусульманском факторе в изменениях западной культуры, росте правопопулистского тренда¹⁶, уделяли они внимание и культурному откату и феномену трампизма, созвучному правому популизму в Западной Европе¹⁷. Р. Хейниш и О. Маззолени в своем исследовании на примере конкретных кейсов фиксируют организационные особенности праворадикальных популистских партий¹⁸.

В отечественной науке проблематика правого популизма также привлекает внимание многих исследователей. В. С. Грибовский понимает правый популизм

¹² Hainsworth P. *The Extreme Right in Western Europe*. London: Routledge, 2008.

¹³ Ignazi P. *Extreme Right Parties in Western Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2003.

¹⁴ Albertazzi D., Mueller S. *Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland // Government and opposition*. – 2013. – Т. 48. – №. 3. – P. 343-371; Albertazzi D., McDonnell D. *Twenty-first century populism: The spectre of Western European democracy*. – Springer, 2007; Albertazzi, D. and McDonnell, D. *Populists in Power*, London: Routledge, 2015.

¹⁵ Norris, P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005.

¹⁶ Norris P., Inglehart R. F. *Muslim integration into Western cultures: Between origins and destinations // Political Studies*. – 2012. – Т. 60. – №. 2. – С. 228-251; Norris P., Inglehart R. *Public opinion among Muslims and the West // Framing Terrorism*. – Routledge, 2004. – С. 203-228.

¹⁷ Inglehart R. F., Norris P. *Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash*. – 2016; Inglehart R., Norris P. *Trump and the xenophobic populist parties: The silent revolution in reverse // Perspectives on Politics*. – 2017. – Т. 15. – №. 2. – P. 443-454; Inglehart R., Norris P. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. 2019.

¹⁸ Heinisch R., Mazzoleni O. *Understanding populist party organisation*. – Palgrave Macmillan, 2016.

инструментально, как «особый политический стиль поведения партии»¹⁹. Е. В. Хахалкина, К. П. Андреев, А. В. Мунько подчеркивают, что феномен правого популизма требует особого внимания к изучению таких переменных, как «отрыв элит от населения (включая еврократию и дефицит демократии), иммиграция (и исламофобия) и идентичность ЕС (и евроскептицизм)»²⁰. Фиксирует трансформацию и смягчение дискурса правых популистов на примере итальянских партий Е. С. Алексеенкова²¹. Р. Н. Лункин и С. Б. Филатов уделяют внимание противостоянию между «новолиберальным миром и традиционалистским миром»²² важному для контекстуализации правых популистов, Р. Н. Лункин говорит об инструментальном использовании правыми популистами религиозной тематики²³.

Важное значение для исследования представляют работы А. И. Тэвдой-Бурмули и П. В. Осколкова²⁴. А. И. Тэвдой-Бурмули, в частности, предложил основания для проведения раздела между правым популизмом, радикализмом и экстремизмом, прослеживал связь этих феноменов с национализмом. П. В. Осколков сосредоточил внимание на сюжетах, связанных с антимиграционным дискурсом в контексте правопопулистской риторики²⁵. А. В. Алексеев анализирует политический дискурс популистских праворадикальных партий в ЕС, в особенности то, каким образом эти партии вступают в символическую борьбу за переосмысление ключевых понятий - демократия, права и свободы и в этом контексте женской проблематики в

¹⁹ Грибовский В. С. Правый популизм: особенности политического феномена // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2019. – №. 1. – С. 63.

²⁰ Хахалкина Е. В., Андреев К. П., Мунько А. В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – №. 6 (75). – С. 99.

²¹ Алексеенкова Е. С. Трансформация правого популизма в Италии 2018-2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. – 2022. – №. 7 (114). – С. 53.

²² Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. – 2018. – №. 3 (82). – С. 106.

²³ Лункин Р. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. – 2020. С. 144.

²⁴ Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2018. – №. 3. С. 19-33.

²⁵ Осколков П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого // Современная Европа. – 2019. – №. 3 (88). – С. 83-91.

правопопулистской повестке.²⁶ Работы А.В. Белинского²⁷, Г.И. Вайнштейна²⁸, С.В. Погорельской²⁹ посвящены осмыслению феномена правого популизма, его основных врагов, причин роста популярности, проблемам в его исследовании.

2. Исследования, характеризующие женское участие в политике.

Тема включения женщин в политический процесс привлекает внимание многих исследователей, несмотря на то, что, как отмечает И.Р.Чикалова, «устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в политической теории»³⁰.

Г. Алмонд и С. Верба характеризовали особенности женских политических моделей и отмечали влияние таких параметров, как открытость/закрытость семьи, политическое участие и осведомленность, политическая ответственность и компетентность, на степень участия женщин в политических, общественных и религиозных организациях³¹. Л.О.Тернова указывает на «отсутствие модели женского лидерства, которой можно было бы следовать»³². Исследуя российский опыт женского политического лидерства, О.В.Бушуева фиксирует тенденцию, согласно которой «в общественном сознании существует асимметрия в критериях

²⁶ Alekseev A. Sovereignty in Political Discourses of the European Populist Radical Right: The Right of the People and the Right of the Peoples //Sovereignty in Conflict: Political, Constitutional and Economic Dilemmas in the EU. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – P. 211-243; Alekseev A. et al. “Defend your right!” How the populist radical right uses references to rights and freedoms to discursively construct identities //New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. – 2021. – Т. 29. – №. 4. – P. 376-416; Алексеев А. В., Фомин И. В. «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения») //Политическая наука. – 2020. – №. 4. – С. 128-156.

²⁷ Белинский А. В. " Восстание против элит": всплеск праворадикального популизма в Западной Европе //Актуальные проблемы Европы. – 2018. – №. 2. – С. 14-36.; Белинский А. В. Введение. Правый лагерь Старого света: от «конца истории» к ренессансу //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 4 (120). – С. 7-17.

²⁸ Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа //Полис. Политические исследования. – 2017. – Т. 4. – С. 69-89.

²⁹ Погорельская С. В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма //Актуальные проблемы Европы. – 2004. – №. 2. – С. 6-15.

³⁰ Чикалова И. Р. Гендерная проблематика в политической теории //Введение в гендерные исследования. – 2001. – №. 1. – С. 82.

³¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – Социум, 1989.

³² Терновая Л. О. Женское лицо мировой политики //Государственная служба. – 2011. – №. 1. – С. 94.

оценки женщин и мужчин как политических деятелей»³³. Такой тезис прекрасно экстраполируется на опыт изучаемых стран, о чем также писали М. Сетцлер³⁴, Л. Аалдеринг и Д.Дж. Ван Дер Пас³⁵. Проблемой для кандидатов-женщин остается конкуренция с более опытными кандидатами-мужчинами, так как женщины не имеют обширного опыта участия в выборах, о чем говорила, например, Д.Брукс³⁶, но в тоже время фиксируется характерное для женщин отсутствие амбиций и некая внутренняя «самодискриминация» в отношении участия в политической жизни³⁷. Экстраполируются на континентальную Европу и работы о специфике включения женщин в американский политический процесс: как влияют на участие женщин в политике расовые вопросы³⁸, семейное положение³⁹, почему женщины занимают крайне консервативные позиции или вовсе не включаются в политический процесс⁴⁰.

Существуют особенности страновых кейсов относительно изучения женского участия в политическом процессе. Так, французские исследователи, осмысливая свой национальный опыт, отмечают, что в политической жизни долгое время сохранялось критическое отношение к женщинам, которые осмеливались стать участницами политического процесса, а основная доля женщин-политиков приходилась на муниципалитеты, а не на «большую политику», в которой у женщин значительно меньше шансов на успех⁴¹, хотя к

³³ Бушуева Н. В. Женское политическое лидерство: гендерные исследования в России // Социология власти. – 2010. – №. 4. – С. 107.

³⁴ Setzler M. Measuring bias against female political leadership // Politics & Gender. – 2019. – Т. 15. – №. 4. – P. 695-721.

³⁵ Aaldering L., Van Der Pas D. J. Political leadership in the media: Gender bias in leader stereotypes during campaign and routine times // British Journal of Political Science. – 2020. – Т. 50. – №. 3. – P. 911-931.

³⁶ Brooks D. J. He runs, she runs: Why gender stereotypes do not harm women candidates. – Princeton University Press, 2013.

³⁷ Lawless J. L., Fox R. L. It still takes a candidate: Why women don't run for office. – Cambridge University Press, 2010.

³⁸ Chatterjee P. Asian American feminisms and women of color politics. – University of Washington Press, 2018.

³⁹ Greenlee J. The political consequences of motherhood. – University of Michigan Press, 2014.

⁴⁰ Deckman M. Tea party women: Mama grizzlies, grassroots leaders, and the changing face of the American right. – NYU Press, 2016.; Karpowitz C. F., Mendelberg T. The silent sex: Gender, deliberation, and institutions. – Princeton University Press, 2014.

⁴¹ Bird K. Who are the women? Where are the women? And what difference can they make? Effects of gender parity in French municipal elections // French Politics. – 2003. – Т. 1. – P. 5-38.

участию в ней их стимулирует само государство⁴². В ФРГ на протяжении 16 лет у власти находилась женщина-лидер (появился даже термин бундесканцлерин применительно к Ангеле Меркель), что обуславливает повышенный исследовательский интерес к женскому участию в политике. Исследователями отмечается тенденция, согласно которой партии, представленные в Бундестаге, имеют значительно более высокий процент женщин среди своих кандидатов, чем оппозиционные партии⁴³, на что, вероятнее всего, оказывают влияние гендерные квоты, принятые большинством ведущих немецких политических партий⁴⁴. Механизмы расширения женского участия в австрийской политике исследовали Б. Стейнингер⁴⁵, Р. Кёпл⁴⁶, Х. Новотни⁴⁷, отмечая высокую степень участия женщин и женских движений в политической жизни страны. При этом, уровень «видимости» женщин-политиков остается стабильно невысоким, как определено в исследовании Л. Хайек и У. Руссмманн⁴⁸. Исследователи также уделяют внимание специфике продвижения стран Бенилюкс к гендерному паритету в политике, часто вписывая их в общеевропейский опыт⁴⁹. А. Вудвард отмечает, что особенностью участия бельгийских женщин в политике является тот факт, что представительницы этой страны дольше многих европейек вынуждены были бороться за автономию своего тела, поэтому их вхождение в политику носит несколько запоздалый характер⁵⁰. Несмотря на получение политических прав

⁴² Jenson J., Sineau M. *Who Cares? Women's Work, Child Care and Welfare*. – 2001.

⁴³ Coka D. A., Freier R., Mollerstrom J. *Gender parity in German politics: Further effort required //DIW Economic Bulletin*. – 2017. – Т. 7. – №. 37. – P. 365-373.

⁴⁴ см. Xydias C. V. *Inviting more women to the party: Gender quotas and women's substantive representation in Germany //International Journal of Sociology*. – 2007. – Т. 37. – №. 4. – P. 52-66.; Finke D. *Collateral damage: do gender quotas undermine party discipline? //The Journal of Legislative Studies*. – 2019. – Т. 25. – №. 1. – P. 66-87.

⁴⁵ Steininger B. *Representation of women in the Austrian political system 1945-1998: From a token female politician towards an equal ratio? //Women & Politics*. – 2000. – Т. 21. – №. 2. – P. 81-106.

⁴⁶ Köpl R. *Gendering political representation: debates and controversies in Austria //State feminism and political representation*. – 2005. – P. 20-40.

⁴⁷ Nowotny H. *Women in public life in Austria //Access to power*. – Routledge, 2018. – P. 147-156.; Vassallo F. *Political participation and the gender gap in European Union member states //Journal of Contemporary European Studies*. – 2006. – Т. 14. – №. 3. – P. 411-427.

⁴⁸ Hayek L., Russmann U. *Those who have the power get the coverage—Female politicians in campaign coverage in Austria over time //Journalism*. – 2022. – Т. 23. – №. 1. – P. 224-242.

⁴⁹ Hoecker B. *Handbuch Politische Partizipation von Frauen in Europa*. – Springer-Verlag, 2013.

⁵⁰ Woodward A. E. *Politische Partizipation in Belgien: Die gespaltene Frau*. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 17-39.

женщинами Люксембурга еще в начале XX века, как указывает Р. Вагнер⁵¹, доля политически активных женщин в стране росла относительно медленно. Опыт Нидерландов по продвижению политического участия женщин признается исследователями одним из наиболее успешных среди европейских стран⁵². Швейцарская политическая жизнь также характеризуется стабильным ростом женского участия, однако, как отмечает А. Ллорен, несмотря на неуклонный рост, участие женщин в политической жизни все еще не достигает уровня мужского⁵³. Сохраняющийся гендерный разрыв в политике подчеркивают и Х. Коффе и К. Болцендаль⁵⁴, П. Фанк и К. Гатманн⁵⁵.

3. Научные публикации по представленности женщин и гендерной тематики в правых течениях.

Т. Гивенс, анализируя влияние социальных, экономических и политических факторов на количество отданных за правых радикалов голосов, отмечает сохранение тенденции гендерного разрыва в голосовании⁵⁶. Однако в последние годы исследователями был подмечен тренд, согласно которому некорректно продолжать считать правые популистские партии исключительно «мужскими», так как эти партии представляют интересы женщин, хотя и придерживаются традиционных гендерных и антифеминистских позиций⁵⁷. Исследователи фиксируют, что женщины стали более активными в таких движениях, чем когда-

⁵¹ Wagener R. Luxemburg: Verspäteter politischer Einstieg der Frauen. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 233-253.

⁵² Leijenaar M. Vom demokratischen Feigenblatt zur Parität. Politische Partizipation von Frauen in den Niederlanden. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 255-273; Leyenaar M. Political empowerment of women: The Netherlands and other countries. – Brill, 2004.; Oldersma J. High tides in a low country: Gendering political representation in the Netherlands //State feminism and political representation. – 2005. – P. 153-173.

⁵³ Lloren A. Switzerland: Direct Democracy and Women's Political Participation //The Palgrave Handbook of Women's Political Rights. – 2019. – P. 155-167.

⁵⁴ Coffé H., Bolzendahl C. Same game, different rules? Gender differences in political participation //Sex roles. – 2010. – T. 62. – P. 318-333.

⁵⁵ Funk P., Gathmann C. Gender gaps in policy making: Evidence from direct democracy in Switzerland //Economic Policy. – 2015. – T. 30. – №. 81. – P. 141-181.

⁵⁶ Givens T. E. The radical right gender gap //The Populist Radical Right. – Routledge, 2016. – P. 308-326.

⁵⁷ Spierings N., Zaslove A. Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties //West European Politics. 2017. T. 40. №. 4. P. 839

либо прежде⁵⁸. Барбара Манте, исследуя немецкий опыт, говорит о том, что положение женщин в праворадикальных организациях носит двойственный характер: они могут оказаться частью поддерживающей и стабилизирующей среды, часто вступая в отношения с мужчиной-активистом, с другой стороны они также занимают лидирующие позиции на неонацистской сцене, несмотря на проблемы, существующие изнутри⁵⁹.

К. Кламмер и Дж. Гоец говорят о фундаментальном значении категории гендера для анализа правых популистских партий и переформатирования их политики и идеологии. По их мнению, современный правый экстремизм часто опирается на «ренатурализацию», под которой понимается «"восстановление" якобы "естественного" гендерного порядка»⁶⁰. В силу этого анализ гендерной проблематики оказывается важным, так как «бинарная гендерная модель выполняет важные функции в рамках правого экстремизма, например, удерживает предполагаемое влияние "женственности" вне сферы политики, мужских связей или общества, а преобладание гендерной бинарности в современном обществе может рассматриваться как общее основание между ним и крайне правыми»⁶¹. К. Бли пишет, что гендер занимает центральное место в сложном ландшафте крайне правых, сочетающем в себе «мужское доминирование» с «гегемонистскими маскулинными выражениями гнева и бунта» и «женщин, являющихся лидерами, представителями, влиятельными лицами и важными участниками различных форм ультраправой политики»⁶². Т. Аккерман указывает, что фокус на гендерной проблематике может помочь понять, какое место занимают правые популисты в более широком консервативном спектре. Правые популистские партии придерживаются консервативного взгляда на гендерные роли и семью, но

⁵⁸ Spierings N., Zaslove A. Gendering the vote for populist radical-right parties // *Patterns of Prejudice*. – 2015. – Т. 49. – №. 1-2. – P. 135-162.

⁵⁹ Manthe B. Germany: the role of women in radical right terrorism // *OpenDemocracy*. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/germany-role-women-radical-right-terrorism/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁶⁰ Klammer C., Goetz J. Between German nationalism and anti-Muslim racism: Representations of gender in the Freedom Party of Austria (FPÖ) // *Gender and far right politics in Europe*. – 2017. – P. 81.

⁶¹ Klammer C., Goetz J. *Op.cit.* P. 82.

⁶² Blee K. Where do we go from here? Positioning gender in studies of the far right // *Politics, Religion & Ideology*. – 2020. – Т. 21. – №. 4. – P. 417.

некоторые из этих партий выбирают более гибкую современную версию этих взглядов, постепенно начиная отстаивать либеральные позиции⁶³. Таким образом, значение исследования категорий гендера и женских прав в рамках анализа феномена правых популистов и их политических партий отмечалось многими исследователями.

Анализ современного состояния исследований показывает, что, несмотря на многочисленность работ, посвященных феномену правого популизма и росту женского политического участия, в том числе в правых движениях, изучение расширения женской репрезентации в политической повестке и лидерстве партий актуально для понимания особенностей эволюции правых популистских партий Западной Европы.

Объект исследования – правые популистские партии Западной Европы на современном этапе.

Предмет исследования – женская репрезентация в деятельности правых популистских партий Западной Европы.

Цель исследования – определение роли использования женской повестки и соответствующих политических технологий в трансформации правых популистских партий Западной Европы.

Исходя из поставленной цели, в диссертационном исследовании необходимо решить следующие **задачи**:

1. Систематизировать теоретические подходы к анализу правого популизма.
2. Охарактеризовать основные векторы анализа репрезентации женщин в правопопулистских партиях
3. Выявить и описать тактические приемы западноевропейских правых популистских партий в репрезентации проблемы гендерного равенства.
4. Провести анализ того, как партии в Западной Европе модернизируют свои антимигрантские позиции, интегрируя в них защиту прав женщин от насилия мигрантов.

⁶³ Akkerman T. Gender and the radical right in Western Europe: A comparative analysis of policy agendas // Patterns of Prejudice. – 2015. – Т. 49. – №. 1-2. – P. 37-60.

5. Проследить трансформацию дискурса представителей правых популистских партий Западной Европы на примере включения женской повестки в традиционную позицию правых по семейным ценностям.

6. Определить особенности обновленных политических технологий лидерства в правых популистских партиях Западной Европы.

7. Дать характеристику имиджевых технологий, используемых женщинами-лидерами в процессе адаптации правых популистских партий к современным политическим условиям.

В качестве *научной гипотезы* выступает предположение, что правые популисты инструментально используют концепты, связанные с женскими правами, расширяют «видимость» женщин в своих партиях, осуществляют последовательную тактику взаимодополнения содержательной и дескриптивной репрезентации женщин для трансформации своего имиджа, что позволяет им претендовать на закрепление в политическом мейнстриме.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно

- вносит вклад в понимание правого популизма как важного и развивающегося политического явления, влияющего на общественно-политическую жизнь Западной Европы и за ее пределами;
- представляет собой комплексный межстрановой анализ содержательной и дескриптивной репрезентации женщин в правых популистских партиях, в то время как большинство исследований сосредоточено на опыте отдельных стран;
- позволяет понять и объяснить вектор изменения позиции правых популистских партий по женской повестке в контексте сдвигов в их партийной идеологии и применяемых политических технологий;
- характеризует, как женская повестка используется правыми популистами в качестве политической технологии, позволяющей их партиям войти в политический мейнстрим;
- демонстрирует технологии правых популистов по нормализации антимигрантской, антиэлитарной, антиплюралистической повестки с привлечением женской повестки;

- конструирует портрет лидеров ведущих правых популистских партий Западной Европы;
- верифицирует подход гендерного дисплея (как позиционируются женщины и мужчины, являющиеся лидерами партий) в правых популистских партиях, изученный относительно слабо, но важный для понимания выработки новых технологических моделей партийной работы.

Теоретическая значимость

Фокусируясь на феномене правого популизма, исследование вносит вклад в более глубокое понимание современной политической динамики в Западной Европе. Теоретическое значение имеет анализ растущего участия женщин в политической жизни, особенно в контексте правых популистских движений; исследование меняющейся роли женщин и изменений в их репрезентации в политических партиях; характеристика гендерной динамики в политических сферах, где традиционно доминируют мужчины. Этот анализ позволяет понять технологии, используемые правыми популистами для взаимодействия с различными сегментами электората и адаптации к меняющимся социально-политическим ландшафтам.

Практическая значимость исследования.

Дан детальный анализ выстраивания работы в политических партиях в условиях современных вызовов, определены эффективные электоральные технологии. Это может быть полезно в плане политической практики, в частности, выстраивания технологий женского представительства и лидерства, имиджмейкинга, а также ценностных оснований партийной повестки. Основные выводы могут быть использованы при подготовке курсов по новейшей истории стран Запада, современному политическому процессу, а также при подготовке спецкурсов по современной европейской политике, политическому лидерству.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности.

Диссертационное исследование полностью соответствует форме паспорта специальности 5.5.2. – «Политические институты, процессы, технологии»: п. 12 – Эволюция партийных и избирательных систем: современные модели

политического представительства; п. 23 – Роль и функции политического лидерства. Психологические профили лидеров; п. 30 – Политические технологии и специфика их применения.

Теоретико-методологические основы исследования.

Ключевой категорией исследования выступает концепция правого популизма. Правые популистские партии, по определению П.В. Осколкова, «будучи умеренно антисистемными (не требуя полной перестройки либерально-демократической системы), придерживаются популистской стратегии достижения электоральных успехов и ряда ключевых идеологических позиций»⁶⁴. Среди этих позиций особое значение имеют национализм, антиэлитизм, антиплюрализм и отождествление с народной волей. На основании этих концепций в работе выделены основные проблемные точки для правых популистов в анализе того, как женская повестка используется для их нормализации. Национализм рассматривается сквозь призму угрозы мигрантов по отношению к женщинам, антиэлитизм через критику политических элит за недостаточную экономическую защищенность женщины в контексте семейных ценностей, антиплюрализм связывается с критикой феминизма.

В исследовании использована концепция праворадикального популизма К. Мюдде, в котором он выделяет три ключевых компонента, свойственных праворадикальным течениям: популизм, авторитаризм и нативизм⁶⁵. Женская повестка западноевропейских правых в нашем исследовании рассматривается сквозь призму этих трех концепций: женщина (ассоциируемая с «матерью нации») трактуется как ключевой выразитель воли народа, необходимость ее защиты от внешних угроз становится оправданием установления упорядоченного общества, а женские права и свободы понимаются как неотъемлемая часть прав коренных европейцев.

Одно из ключевых понятий, используемых в исследовании – политический мейнстриминг, который правые популисты используют для продвижения с

⁶⁴ Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. – 2019. С. 22, 27.

⁶⁵ Mudde C. Op. cit. 2007.

политической обочины в центр. Под ним понимается процесс, в ходе которого «партии/акторы, дискурсы и/или установки перемещаются из маргинальных позиций в политическом спектре или общественной сфере в центральные, двигаясь в своей повестке к тому, что считается приемлемым или легитимным в политических, медийных и общественных кругах и контекстах»⁶⁶. В нашем исследовании изменение женской повестки и расширение репрезентации женщин в правых популистских партиях рассматривается именно как часть общего процесса их мейнстриминга.

Важной характеристикой правых популистов является способность поддерживать прямые связи между лидером и последователями, что обусловило использование концепции харизматического лидерства⁶⁷. Современные исследования подчеркивают необходимость более широкого понимания харизматического лидерства, особенно в том, что касается его влияния на гендерные аспекты и роль женщин-лидеров в правых популистских партиях⁶⁸. Опираясь на эти идеи, мы используем концепцию харизматического лидерства в исследовании для того, чтобы не только проанализировать изменения имиджевых технологий лидеров правых популистов, но и уделить внимание особенностям лидерства женщин в правых популистских партиях.

Целесообразным представляется использование в работе понятия гендера в определении Н.Л. Пушкаревой: «гендер – это система отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола ... гендер позволяет создавать, подтверждать и воспроизводить представление о «мужском» и «женском», наделять властью одних (как правило, мужчин) и субординировать других (женщин, так называемые сексуальные меньшинства и т.д.)»⁶⁹. При этом основная задача гендерной концепции состоит в том, чтобы исследовать, *«каким образом»* общество выстраивало традиционную патриархатную иерархию власти,

⁶⁶ Brown K., Mondon A., Winter A. The far right, the mainstream and mainstreaming: Towards a heuristic framework //Journal of Political Ideologies. – 2023. – Т. 28. – №. 2. – P. 165.

⁶⁷ Willner A. R. The spellbinders: Charismatic political leadership. – Yale University Press, 1985.

⁶⁸ Blee K. M., McGee Deutsch S. Women of the Right: International and Transnational Perspectives. – 2012.

⁶⁹ Пушкарева Н. Л. Что такое гендер? Характеристика основных концепций //Гендерная теория и историческое знание. – 2005. –С. 15.

какие нормы, ценности, роли оно предписывало исполнять женщинам, а какие – мужчинам, как использовало для этого систему социализации, разделение труда, стереотипные образы и культурные нормы»⁷⁰.

Содержательная и дескриптивная репрезентация женщин в правых популистских партиях опирается на «Концепцию репрезентации» Х. Питкин. Содержательная репрезентация, связанная с деятельностью по защите прав представляемых, в исследовании анализируется на примере женской повестки правых популистов в их политических программах. Дескриптивная репрезентация, связанная со схожестью представителей с представляемыми, анализируется в исследовании на примере женщин-лидеров правых популистских партий Западной Европы.

Методы исследования. Для работы с политическими программами правых популистов был использован метод контент-анализа: нами были выделены узловые концепты, связанные с женщинами и их правами и проанализировано количественное соотношение этих концептов в политических программах правых популистов (данные были сведены в таблицу, отражающую количество упоминаний концептов в каждой программе), то, как эти концепты используются в качественном отношении, с какими другими проблемными темами правых они связываются.

Для работы с манифестами и выступлениями правых популистов был использован метод анализа политической повестки, представленной «в предвыборных программах и лозунгах политических партий, выступлениях первых лиц, официальных обращениях, опубликованных документах и т. д.»⁷¹. Теория построения повестки дня⁷² задействована для анализа того, как эти партии стратегически формируют и определяют приоритетность вопросов, связанных с правами женщин.

⁷⁰ Там же. С. 18.

⁷¹ Лушанкин С. С. Категория "повестка дня" в структуре политического процесса: понятие "политической повестки дня" и модели её формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 1. – №. 4. – С. 456.

⁷² Cobb R. W., Elder C. D. The politics of agenda-building: An alternative perspective for modern democratic theory // The journal of politics. – 1971. – Т. 33. – №. 4. – С. 892-915.

Для проведения исследования и конструирования портрета правых популистских лидеров была подготовлена сводная таблица на основе сведений о 24 лидерах партий из нашей выборки.

Еще одним инструментом стала концепция гендерного дисплея. Предложенная американским социологом И. Гоффманом⁷³, она позволяет смотреть на визуальные и лингвокультурные образы, презентуемые политиками, как на постоянный процесс «создания гендера», соединяющий требования и ожидания общества, которым необходимо соответствовать для электорального успеха. Метод гендерного дисплея использован в исследовании при анализе имиджа лидеров правых популистских партий, с особым вниманием к имиджу женщин-лидеров.

Важно оговорить и критерии выборки нашего исследования. В центре внимания находятся правые популистские партии Западной Европы: бельгийский «Фламандский интерес» (VB), немецкая «Альтернатива для Германии» (AFD), австрийская «Партия свободы» (FPÖ), люксембургская «Партия альтернативных демократических реформ» (ADR), голландская «Партия свободы» (PVV), «Швейцарская народная партия» (SVP), французское «Национальное объединение» (ранее «Национальный фронт», FN). Такая выборка позволяет сосредоточиться на западноевропейских демократиях со схожим историческим, культурным и экономическим опытом. Эти партии представляют собой самые популярные в своих странах правые популистские движения, некоторые из которых со временем превратились из устоявшихся политических образований в популистские движения. Партии различаются по длительности существования, демонстрируют различные электоральные достижения - от постоянного успеха до политической изоляции. В целом выборка отражает многогранную природу феномена правого популизма.

Характеристика источников. В основе данного исследования лежит комплексное изучение шести групп источников, позволяющих получить ценные

⁷³ Goffman E. Gender advertisements. – 1979.

сведения о позиции правых популистских партий по вопросам, связанных с женской репрезентацией.

Первая группа – политические программы партий⁷⁴, в которых отражена суть партийной идеологии. Эти документы имеют ключевое значение для диссертации, поскольку именно партийные программы дают основное представление о содержательной репрезентации женской повестки у правых популистов.

Вторая группа, официальные сайты партий⁷⁵, дают представление о позиции партии, в том числе, по женской повестке. Особого внимания заслуживают публикуемые на сайтах пресс-релизы, которые углубляют понимание проблемы, свидетельствуют о том, на какие из актуальных проблем, связанных с правами женщин, правые популисты предлагают реагировать.

Третья группа – речи и заявления лидеров и ведущих представителей партий⁷⁶. Дискурс партийных лидеров и влиятельных представителей

⁷⁴ Programmaboek Vlaams Belang. 2007; Verkiezingsprogramma Vlaams Belang «Vlamingen Eerst!». 2010; Verkiezingsprogramma Vlaams Belang «Uw Stok Achter De Deur». 2014; Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2019; Wahlprogramm AFD. 2013; AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017; Programm der Alternative für Deutschland «Deutschland. Aber normal». 2021; Parteiprogramm der FPÖ. 2006; Parteiprogramm der FPÖ «Österreich im Wort». 2008; Parteiprogramm der FPÖ «Liebe deine Nächsten». 2013; Parteiprogramm der FPÖ «Österreicher verdienen Fairness». 2017; Parteiprogramm der FPÖ Fair. Sozial. Heimattreu». 2019; Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2009; Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2013; Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2017; Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2021; Programme Du Front National. 2007; Programme Du Front National. 2012; 144 Présidentiels. 2017; 22 mesures pour 2022. 2022; Verkiezingspamflet Groep Wilders / Partij voor de Vrijheid. 2006; De agenda van hoop en optimisme. Een tijd om te kiezen: PVV 2010-2015. 2010; Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma «Hún Brussel, óns Nederland». 2012; Verkiezingsprogramma PVV. 2017; Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma «Het gaat om u». 2021; SVP Wahlplattform «Mein Zuhause – unsere Schweiz». 2007; Party programme of the Swiss People's Party «SVP – the party for Switzerland». 2015; SVP Parteiprogramm «Frei und sicher». 2019.

⁷⁵ Alternativ Demokratesch Reformpartei URL: www.adr.lu; Alternative für Deutschland. URL: www.afd.de; Rassemblement National. URL: rassemblementnational.fr; Freiheitliche Partei Österreichs. URL: fpoe.at; Partij voor de Vrijheid. URL: www.pvv.nl; Schweizerische Volkspartei. URL: svp.ch; Vlaams Belang. URL: www.vlaamsbelang.org.

⁷⁶ Gauland, Alexander. // Deutscher Bundestag. URL: <https://dip.bundestag.de/suche?term=Gauland%2C%20Alexander&f.typ=Vorgang&rows=25>; Geert Wilders Activities. URL: <https://www.euromonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vg09llkg6xvb>; Jordan Bardella Parliamentary Activities. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/131580/JORDAN_BARDELLA/home; Le Pen M. Presidential Campaign Launch. March 9, 2017. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/09/01/presidential-campaign-launch-march-9-2017/>; Le Pen M. Succession Speech. May 7, 2017. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/09/01/succession-speech-may-7-2017/>; Marine Le Pen. // C-Span. URL: <https://www.c-span.org/person/?103096/MarineLePen>; Marine Le Pen Parliamentary Activities. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/28210/MARINE_LE+PEN/history/8; Petry, Frauke. // Deutscher

представляет собой эмпирический материал, позволяющий взглянуть на подход партии к женской проблематике с субъектной точки зрения. На примере их выступлений и заявлений можно проанализировать политические технологии, используемые в отношении женского вопроса. Иногда заявления и выступления представителей партии противоречат официальной партийной позиции или освещают темы, не затрагиваемые в программах партий. Эта группа источников помогает осветить женскую повестку правых популистов во всем ее противоречии и разнообразии.

Четвертая группа – это материалы СМИ. Исследование охватывает материалы средств массовой информации, включающие прессу и новостные журналы и порталы в исследуемых странах⁷⁷. Поскольку тема правых популистов обсуждается в международном пространстве, в качестве источников также привлекаются крупнейшие медийные корпорации других стран⁷⁸. Эти источники, разнообразные по объему и содержанию, служат важнейшим фундаментом для создания фактологической базы исследования.

Пятая группа, опросы общественного мнения и статистические данные⁷⁹, важна для реализации подхода, основанного на анализе данных. В работе используются данные опросов Ipsos, Pew Research Centre, результаты национальных выборов и т.д.

Шестая группа представлена автобиографиями и мемуарами праворадикальных популистских политиков⁸⁰. Изучение автобиографий и

Bundestag. URL: <https://dip.bundestag.de/suche?term=Petry%2C%20Frauke&f.typ=Vorgang&rows=25>; Storch, Beatrix. // Deutscher Bundestag. URL:

<https://dip.bundestag.de/suche?term=Storch%2C%20Beatrix%20von&f.typ=Vorgang&rows=25>; Tom van Grieken Parliamentary Activities. URL: <https://pace.coe.int/en/members/8136/grieken>; Weidel, Alice. // Deutscher Bundestag. URL: <https://dip.bundestag.de/aktivit%C3%A4t/dr-alice-weidel-mdb-afd/1662840>.

⁷⁷ Австрийские Die Presse, Der Standard; бельгийские The Brussels Times, VRT, De Standaard, DaarDaar, De Tijd, De Morgen; голландские DutchNews, BNNVARA; люксембургские Luxembourg Times; немецкие Die Zeit, Der Spiegel, Deutsche Welle, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Politico Europe; французские L'Express, Le Figaro, France 24; швейцарские Neue Zürcher Zeitung, Swissinfo, Tages-Anzeiger.

⁷⁸ The Guardian, The Economist, Bloomberg, The Washington Post, The Times.

⁷⁹ Ipsos. URL: <https://www.ipsos.com/>; Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/>; Manifesto Project. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/>; Gender Quotas Database. URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas-database>; Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/>.

⁸⁰ Le Pen J.M. Mémoires : Fils de la nation. 2018; Le Pen J.M. Mémoires : Tribun du peuple. 2019; Le Pen M. À contre flots. 2006; Le Pen M. Pour que vive la France. 2012; Rosenkranz B. MenschInnen. Gender

мемуаров политиков правого популистского толка, таких как Марин Ле Пен, Жан-Мари Ле Пен и Том ван Грикен, позволяет лучше понять мотивы их обращения к женской повестке.

В совокупности такая источниковая база обеспечивает всесторонний и целостный анализ роли женской репрезентации в правом популизме, дает возможность в полной мере реализовать цель и задачи исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация идентичности правых популистов происходит в продвижении от маргинальных националистических антимигрантских сил, противоречащих демократической культуре ЕС, к партиям, выступающим в защиту европейской идентичности и прав, в том числе женщин, и тем самым претендующих на то, что они действуют в рамках гражданской культуры с ее акцентом на активности граждан, их права на критику и несогласие с политикой властей.

2. Практики институционализации европейской идентичности, вызванные длительными процессами европейской интеграции, стимулировали гендеризацию повестки правых популистов и изменение используемых ими в электоральной борьбе технологий, это находит отражение в том, что постулирование европейской идентичности для современных правых популистов оказывается неразрывно связанным с утверждением женских прав и эмансипации.

3. В XXI веке происходит изменение и расширение повестки правых партий с целью привлечения женского электората, а потому использование женских образов и женских мифологем становится опорной частью риторики современных западноевропейских правых.

4. Чем более актуализирована исламофобская повестка, тем важнее для правых популистов становятся права женщин и меньшинств как своеобразный идентификационный маркер, отличающий «европейца» от «мусульманина-мигранта».

5. Разработка правыми популистами женской повестки является важной частью процесса развития правых партий, так как включенные в нее ценности, в особенности, семейные, становятся общей платформой для объединения правых популистов на всем западноевропейском пространстве.

6. Несмотря на позиционирование себя как «защитников прогрессивных ценностей и прав женщин», правые популисты в целом сохраняют консервативные позиции по большинству вопросов, связанных с женской повесткой (противодействие праву на аборт, принятию законов, направленных на гендерное равенство). Однако такая консервативная повестка оформляется с использованием либеральной риторики, основанной на «праве выбора» и индивидуальной ответственности. Т.е. в отличие от сторонников борьбы за гендерное равенство, выступающих за борьбу с отношениями доминирования, правые популисты выступают за возвращение консервативно настроенным женщинам свободы выбора, которую у них «забрал феминизм» (что выражается в противостоянии семьи и карьеры для женщины).

7. Для перехода из периферии в мейнстрим важное значение имеет нормализация имиджа партии, которая для правых популистов связана с обновлением политического лидерства в их организациях. Правые популистские лидеры молодеют, становятся более образованными и профессиональными, что ведет к повышению привлекательности и легитимности их лидерства.

8. Важным аспектом нормализации имиджа правых популистских партий становится распространение феномена женского лидерства в партиях. Такое лидерство, с одной стороны, носит «токенизированный» характер – факт наличия женщин среди первых лиц партии позволяет создать ощущение, что вся консервативная повестка партии исходит из женских уст, что позволяет избавиться от обвинений в поддержке «устаревших» патриархальных устоев. С другой стороны, наличие высокообразованных женщин с богатым профессиональным опытом влияет на восприятие женщины в правых популистских партиях, на переход от модели женщины-матери к модели работающей женщины.

9. Содержательная и дескриптивная репрезентации женщин в правых популистских партиях Западной Европы не противоречат друг другу. В своих программах правые популисты создают портрет типичной «европейки», на защиту которой они ориентированы: белая, замужняя, образованная женщина, сочетающая карьеру и материнство, опасаясь мигрантской угрозы. Женщины-лидеры правых популистских партий в общих чертах в такой портрет вписываются и таким образом способствуют привлечению голосов соответствующего электората.

Апробация результатов. Основные выводы, содержащиеся в диссертации, были представлены на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе:

1. II Международная научно-практическая конференция «Современные социальные процессы в контексте глобализации», 21 апреля 2020 г., Краснодар, Кубанский государственный технологический университет. Доклад «Миграционный кризис как угроза правам женщин в риторике европейских правых радикалов»
2. Международная научно-практическая конференция «Гендерные исследования. Теория, научные школы, практика», 4 марта 2021 г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет. Доклад «Смена вектора: образы Фрауке Петри и Алис Вайдель как лидеров “Альтернативы для Германии”»
3. Международная научная конференция «Апрельские тезисы», 2-3 апреля 2021 г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Доклад «”С улыбкой на лице”: образ Фрауке Петри как лидера немецких правых радикалов»
4. International workshop “Identity politics as a tool of security policy”. 23 марта 2022 г. Perm, Perm State National Research University (with the support of Erasmus+ Programme of European Union). Доклад «Looking for Common Ground: Identity Politics and Radical Right Movements»

5. Международный научный симпозиум «Новые концепции и технологии исследований в междисциплинарных областях истории и культуры», 27 октября 2022 г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Доклад «Social Portrait of Female Parliamentarians: A Cross-National Analysis» (совместно с Д.Б. Вершининой)

6. XXII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов Социологический нарратив 2023 «High tech low life. Новая социальная реальность: жизнь на пороге киберпанка», 14 апреля 2023 г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет. Доклад «Модернизация образа лидеров праворадикального движения (на примере Ричарда Спенсера и Тома Ван Грикена)».

По теме исследования в научных изданиях, рекомендованных ВАК, автором опубликованы 3 статьи:

- Бурмистрова Е. С. Трансформация партийной идентичности немецких правых радикалов: в поисках «женской поддержки» //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. №. 4. С. 706-718.
- Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №. 2. С. 221-233.
- Бурмистрова Е. С. От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов //Вестник Пермского университета. Политология. 2023. 17(4). С. 22-31.

Результаты диссертационной работы включены в следующие монографии и учебные пособия:

- Традиционные ценности в меняющемся мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа под ред. Д.Б. Вершининой. Санкт-Петербург: Маматов, 2021. (Разделы: «Защищая женщину»: консервативный дискурс по вопросу женских прав в Западной Европе. С. 102-111; Европейская идентичность – ответ на угрозу миграционного кризиса? С. 166-176; На страже традиции: праворадикальные партии в Западной Европе. С. 233-241.)

- Политика равных прав и возможностей: политическое участие женщин [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. Б. Вершинина, Е. С. Бурмистрова, О. В. Тимофеева, С. А. Снигирев; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2022; 105 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/Politika-ravnyh-prav-i-vozmozhnostej-politicheskoe-uchastie-zhenshchin.pdf>.

По теме исследования в изданиях, индексируемых в иных библиографических базах данных, опубликованы статьи, в том числе:

- Бурмистрова Е.С. Дети, кухня, политическое лидерство: роль женщин в современных праворадикальных партиях Германии, Франции и Швейцарии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Том 2. №3. С.374-383.
- Бурмистрова Е. С. Старый свет-новые ценности: концепт традиционных ценностей в политических и религиозных дискурсах Западной Европы (на примере Франции и Германии) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. №. 3. С. 297-302.
- Бурмистрова Е.С. Гендерная проблематика в антимигрантской повестке европейских правых радикалов // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 4. С. 72-80.
- Fadeeva L., Burmistrova E. Migration and Radical Right Movements in Europe // Europe and the Migration of Christian Communities from the Middle East. Ed. by Tamcke M. Göttinger Orientforschungen. 2022. Т. 65. P. 41-48. <http://www.jstor.org/stable/j.ctv337mjhv.7>
- Vershinina, D., Burmistrova, E. Social Portrait of Female Parliamentarians: A Cross-National Analysis // Isaeva, E., Rocha, Á. (eds) Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications. Perm Forum 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. 2023. Vol 622. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-28086-3_59

Структура работы включает в себя введение, три главы, включающие семь параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1. Правый популизм и женское участие в политике: теоретико-методологические основы анализа

1.1. Теоретические основы исследования правого популизма

С 1980-х годов праворадикальные организации смогли добиться расширения влияния в большинстве стран Западной Европы, а также в некоторых странах Центральной и Восточной Европы. Исследователи пытаются объяснить электоральный подъем праворадикальных популистов, расширить представления о факторах, влияющих на поддержку избирателями этих партий, опираясь на широкий спектр качественных и количественных данных и различные методологические подходы. Центральное место в этой обширной области исследования занимает изучение различий и эволюционной связи между правым радикализмом и правым популизмом.

Один из вариантов теоретического осмысления феномена современных правых предложил профессор института политологии Цюрихского университета Ханс-Георг Бец, эксперт по популизму и правому радикализму в либеральных демократиях. В работе «Радикальный правый популизм в Западной Европе» он говорит о том, что популярность современной праворадикальной идеи берет свои корни в «массовом прорыве, ставшем одним из наиболее значительных сигналов о фундаментальной трансформации политики в развитых западных демократиях», который праворадикальные течения осуществили в конце 1980-х - начале 1990-х годов во многих странах Западной Европы⁸¹. Одной из основных задач правых сил с последней трети 1980-х гг. стало избавление от ультраправого имиджа и представление себя как приемлемой альтернативы мейнстримным партиям. Характеризуя позиции западноевропейских правых, Х.-Г. Бец обращает внимание на их радикальность «в своем неприятии сложившейся социокультурной и социально-политической системы», популизм, выражающийся в «беспринципном использовании и инструментализации общественных чувств тревоги и разочарования и их обращении к простому человеку и его якобы высшему

⁸¹ Betz H. G. Op. cit. P. 3.

здравому смыслу», и на правый характер их взглядов, находящий отражение в «неприятию индивидуального и социального равенства; противодействию социальной интеграции маргинализированных групп; апелляции к ксенофобии, если не к открытому расизму и антисемитизму»⁸².

Значительный вклад в концептуализацию понятия правых радикалов и правых популистов внес нидерландский политолог К. Мюдде. В работе «Идеология крайне правых»⁸³ Мюдде обращается к опыту пяти правых партий в Нидерландах, Германии и Бельгии и на их примере выделяет четыре наиболее значимые и распространенные общие идеологемы радикальных правых: национализм, ксенофобия, вэлфершовинизм и «закон и порядок». В этом исследовании обращает на себя внимание подход к двойственной интерпретации идеологии правых: одна ее сторона направлена на внутреннее потребление членами партий, вторая же направлена не на членов организации, а на широкие слои населения и транслируется посредством памфлетов, манифестов и медийного присутствия организации. В книге «Популистские радикальные правые в Европе», которая представляет собой тщательный анализ литературы о радикально-правых группах как в Западной, так и в Восточной Европе, он определяет три ключевых компонента, праворадикальных течений: популизм, авторитаризм и нативизм⁸⁴. Размышляя о современном состоянии правого спектра политики, К. Мюдде обращает внимание на ключевые различия между третьей и четвертой волнами послевоенных правых⁸⁵. Если в рамках «третьей волны» 1980-2000-х годов праворадикальные партии добились успеха на выборах, но часто оказывались на обочине из-за исключения из политических коалиций и преуменьшения мейнстримными партиями значения их основных тезисов, то в рамках «четвертой волны», которая началась в XXI веке, динамика существенно изменилась. На этом этапе правые радикальные партии переживают процесс актуализации и нормализации не только в Европе, но и во всем мире. Мюдде

⁸² Betz H. G. Op. cit. P. 4.

⁸³ Mudde C. Op. cit. 2002.

⁸⁴ Mudde C. Op.cit. 2007.

⁸⁵ Mudde C. Op. cit. 2019. P. 15.

фиксирует заметную трансформацию, когда даже крайне правые настроения, такие как антисемитизм, исторический ревизионизм и расизм, открыто обсуждаются в СМИ и политике, что знаменует собой явный сдвиг в ландшафте правой политики. Учитывая эти факторы, Мюдде проводит границу между так называемыми «мейнстримными правыми», представленными консерваторами и либералами/либертарианцами, и «антисистемными правыми», опротестовавшими либеральную демократию. Последние, в свою очередь, делятся на крайне правых, отвергающих суть демократии, то есть народный суверенитет и правление большинства, и радикальных правых, принимающих суть демократии, но выступающих против фундаментальных элементов либеральной демократии, в частности, прав меньшинств, верховенства закона и разделения властей⁸⁶.

Эта эволюция связана, в том числе, с изменением политического ландшафта, в котором, как подчеркивает Б. Каммарте, ксенофобские, националистические и изоляционистские дискурсы, некогда считавшиеся неприемлемыми, подверглись процессу нормализации⁸⁷. Во многих странах произошло заметное смещение политического центра в сторону правых, что привело к актуализации того, что раньше считалось крайне правым дискурсом.

С другой стороны, по наблюдениям П. Норрис и Р. Инглхарта, политический и культурный ландшафт в развитых западных обществах претерпевает значительные изменения с 1970-х годов, связанные с ростом ценностей постматериализма и самовыражения⁸⁸. Этот сдвиг привел к усилению внимания к таким вопросам, как защита окружающей среды, гендерное и расовое равенство, более широкое признание социальной терпимости, мультикультурализм, демократическое управление и защита прав человека. Он вписывается в контекст широких культурных преобразований, часто называемых «культурными войнами», как их описывает американский социолог Джеймс Д.

⁸⁶ Mudde C. Op. cit. 2019.

⁸⁷ Cammaerts B. The mainstreaming of extreme right-wing populism in the Low Countries: What is to be done? //Communication Culture & Critique. – 2018. – Т. 11. – №. 1. – P. 8.

⁸⁸ Norris P., Inglehart R. Op. cit. 2019.

Хантер⁸⁹. Зародившись в США, концепция «культурных войн» перекечевала в Европу, отражая конфликт между традиционалистской и прогрессивной идеологиями. Этот культурный разрыв пересекается с различными современными дебатами, охватывающими такие вопросы, как раса, изменение климата, культура отмены, биоэтика, реакция на COVID-19. Последний стал «стал своеобразным стресс-тестом для системы Европейского союза и показал, что национальные интересы пока выше наднациональных»⁹⁰, что создало относительно благоприятную ситуацию для правых популистских сил.

По выражению П. Норрис и Р. Инглхарта, в этих условиях происходит «культурный откат»⁹¹ среди некоторых слоев населения, особенно среди менее образованных и более пожилых людей, преимущественно белых мужчин. Эти люди, которые когда-то занимали привилегированное положение в обществе, теперь чувствуют себя маргиналами и возмущаются тем, что их традиционные ценности считаются «политически неправильными».

В результате «культурного отката» возникла среда, в которой набирают силу движения. Эти движения привлекают людей, которые чувствуют недовольство изменениями в обществе и стремятся сохранить традиционные ценности. Однако, чтобы расширить свою аудиторию и сохранить актуальность эти популистские партии были вынуждены адаптироваться и корректировать свои платформы.

В этих условиях на рубеже веков правые партии, по наблюдениям П.В. Осколкова и А.И. Тэвдой-Бурмули, претерпели трансформационный сдвиг и «окончательно превратились из радикальных в популистские»⁹². Правый популизм российские исследователи определяют как «комбинацию национализма со стратегией политической борьбы, подразумевающей антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и

⁸⁹ Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. 1991.

⁹⁰ Маслова Е. А., Джованни С. Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы // Современная Европа. – 2020. – №. 4. – С. 47.

⁹¹ Norris P., Inglehart R. Op. cit. 2019.

⁹² Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Указ. соч. С. 27

самоотождествление с народной волей»⁹³. При этом граница между радикалами и популистами связывается П.В. Осколковым с тем, что «радикализм и экстремизм лежат вне системного политического поля, предлагают решения, которые способны нарушить сложившийся либерально-демократический консенсус»⁹⁴, а популизм действует в рамках уже существующей модели и не старается ее разрушить. Подобных позиций придерживалась и С.В. Погорельская, отмечавшая, что популизм в отличие от радикализма опирается на такие положения политических программ, которые способны объединить социальные слои с различными интересами⁹⁵. Маркер популизма в разграничении праворадикальных и правых популистских партий, по мнению П.В. Осколкова и А.И. Тэвдой-Бурмули, может быть использован и для дифференциации по параметру электоральной стратегии: «чем более всеохватным и эклектичным будет предвыборный партийный дискурс – тем ближе данная партия к популистской модели и тем дальше она от классической праворадикальной модели с ее узконаправленным и узнаваемым контентом, неоднократно описанным и проанализированным»⁹⁶.

Такое инструментальное понимание правого популизма разделяет и В.С. Грибовский, который рассматривает популизм в большей степени «как политический стиль, нежели в качестве идеологии». При этом суть этого стиля заключается в «завоевании симпатий протестного и пассивного электората посредством предложения простых решений сложнейших проблем и противопоставления одних национальных и социальных групп населения другим»⁹⁷.

П.В. Осколков, рассматривая правые популистские партии как партийную семью, характеризует их наличием «двух дихотомий (в отличие от обычного,

⁹³ Там же. С. 21

⁹⁴ Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. – 2019. С. 13.

⁹⁵ Погорельская С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе //Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №. 3. – С.. 51.

⁹⁶ Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 4 (120). – С. 30.

⁹⁷ Грибовский В. С. Указ. соч. С. 63.

“разреженного” популизма, ограничивающегося одной – вертикальной): вертикальной (элита vs. народ) и горизонтальной (“свои” vs. “чужие”)⁹⁸. Примечательно, что правые популисты склонны давать довольно расплывчатое определение «врагам», в то время как народ, нуждающийся в защите, определяется ими в достаточной степени конкретно. Западноевропейский правый популизм, по оценкам К. Мюдде и К.Р. Калтвассера, носит «исключающий»⁹⁹ (exclusionary) характер, определяя «народ» в гораздо более узком смысле, как правило, фокусируясь на определенной социокультурной группе. Х.Г. Бетц, также характеризуя исключаяющий характер правого популизма, замечал, что он «принимает форму культурного нативизма, который не столько пропагандирует идеи этнокультурного превосходства, сколько направлен на защиту культурной идентичности, идиосинкразических ценностей и образа жизни от чужеродного вторжения и загрязнения»¹⁰⁰. Круг врагов такого узко понимаемого народа широк. А. Заслоув отмечает, что «единый народ» противопоставляется элите не только отдельных стран, но и ЕС и даже элите глобального уровня (например, финансовых центров). Что касается «чужих», то они классифицируются по таким факторам, как раса, религия, этническое происхождение или сексуальная ориентация¹⁰¹. Таким образом, традиционная праворадикальная повестка приобретает все более широкий размах.

Главными ценностями, на которых настаивают правые популисты, становятся, прежде всего, сохранение и защита достижений и завоеваний европейской культуры и цивилизации¹⁰². Именно поэтому основные позиции правых популистов - национализм, антиэлитизм, антиплюрализм – тесно связаны с национальной идентичностью и национальной культурой. А. Бенвенисте, Г.

⁹⁸ Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. – 2019. С. 22, 27.

⁹⁹ Mudde C., Kaltwasser C. R. Exclusionary vs. inclusionary populism: Comparing contemporary Europe and Latin America //Government and opposition. – 2013. – Т. 48. – №. 2. – P. 147-174.

¹⁰⁰ Betz H. G. Xenophobia, identity politics and exclusionary populism in Western Europe //Socialist Register. – 2003. P. 195.

¹⁰¹ Zaslove A. Here to stay? Populism as a new party type //European review. – 2008. – Т. 16. – №. 3. – P. 319-336.

¹⁰² Betz H. G. Op. cit.

Кампани и Г. Лазаридис характеризуют правый популизм как сочетание «националистского видения с консервативными ценностями»¹⁰³.

Главное, что отличает правый популизм от всех прочих – компонент национализма, который они понимают как «активную лояльность индивида к культурной общности, с которой его в данный момент времени связывают самые прочные идентитарные узы»¹⁰⁴. При этом главную роль в таком национализме играет фактор европейской идентичности, имеющей свои корни в христианском прошлом Европы. Как отмечает Р. Н. Лункин, именно «популисты сделали христианский фактор значимым и политическим»¹⁰⁵. Это приводит к актуализации антимигрантской позиции, так как национализм правых популистов Западной Европы носит «в первую очередь, не этнический, а цивилизационный характер»¹⁰⁶. Цивилизаторская миссия Западной Европы тесно связана с метафорой семьи, неотъемлемой частью национализма. Э. Смит утверждает: «Нация изображается как одна большая семья, а ее члены - как братья и сестры родины или отца, говорящие на родном языке. Таким образом, семья нации отменяет и заменяет семью человека, но вызывает такую же сильную лояльность и яркую привязанность»¹⁰⁷.

К. Мюдде отмечал, что «идеи правых популистов не являются чуждыми для идеологии западной демократии, а их взгляды разделяет не только крошечное меньшинство европейского населения. На самом деле, праворадикальных популистов лучше воспринимать как патологическую нормальность, связанную с идеями мейнстрима и во многом совпадающую с широко распространенными массовыми установками и политическими позициями»¹⁰⁸. Мюдде приходит к

¹⁰³ Benveniste A., Campani G., Lazaridis G. Introduction: Populism: The concept and its definitions // *The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and 'Othering'*. – 2016. – P. 10-12

¹⁰⁴ Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. – 2018. – №. 3. С. 25.

¹⁰⁵ Лункин Р. Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // *Современная Европа*. – 2018. – №. 1 (80). – С. 112.

¹⁰⁶ Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1212.

¹⁰⁷ Smith A. D. *National identity*. London: Penguin. 1991. P. 79.

¹⁰⁸ Mudde C. The populist radical right: A pathological normalcy // *West European Politics*. 2010. 33(6). P. 1178.

выводу о том, что ключевое различие во взглядах популистских правых и западной демократии определяется не по виду, а по степени радикальности одних и тех же взглядов; иначе говоря, ценностный портрет правых по своей сути идентичен ценностному портрету западной демократии.

При переходе от радикализма к популизму, важную роль в легитимации своих позиций для этих партий играет процесс смягчения повестки для того, чтобы стать «социально-приемлемыми», частью «национальной традиции»¹⁰⁹ или просто «восприниматься как норма»¹¹⁰. Частью процесса включения в политический мейнстрим для правых популистов становится их стремление сформировать образ «обновленных ультраправых, избегающих экстремизма, выдвигающих реалистичные предложения, проводящих чистку внутреннего состава с целью исключения более радикальных членов и, таким образом, более открыто включающихся в демократическую борьбу за власть»¹¹¹. Это приводит к значительному расширению их повестки и включению в нее тем, ранее правыми популистами не затрагиваемых.

Роль в переосмыслении идентичности праворадикальных популистских партий играет изменение тех ценностей, в борьбу за защиту которых они включаются. Фундаментальные ценности глубоко влияют на политические оценки, суждения и решения политических партий, именно поэтому столь важно изучение ценностного компонента повесток политических партий. В этой связи важно упомянуть наблюдения и теоретические выводы Р.Инглхарта. Он считает, что ценности можно рассматривать в двух основных измерениях. Первый – это спектр от традиционных до светско-рациональных ценностей. Традиционные ценности подразумевают большое значение религии в обществе и абсолютную моральную норму, уважение к власти, повиновение другим, высокий уровень патриотизма и национальной гордости, сохранение института традиционной семьи и родственных связей, негативное отношение к разводам, абортам,

¹⁰⁹ Eatwell R. Ten theories of the extreme right //Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century. London: Frank Cass Publishers. 2003. P. 68.

¹¹⁰ Van der Brug W., Fennema M., Tillie J. Why some anti-immigrant parties fail and others succeed: A two-step model of aggregate electoral support //Comparative Political Studies. – 2005. – Т. 38. – №. 5. –P. 546

¹¹¹ Benveniste A., Campani G., Lazaridis G. Op. cit. P. 10-12.

эвтаназии и самоубийству. Распространение светско-рациональных ценностей ведет к секуляризации общества, либерализации мысли и действия, повышению интереса к чужим образцам (в том числе в отношении семьи, сексуального поведения), усилению склонности к изменениям, росту веры в перемены и новации, к ослаблению роли любых внешних авторитетов. Ко второму большому измерению Инглхарт относит ценности выживания и ценности самовыражения. По мнению исследователя, когда экономическая и физическая безопасность хорошо обеспечены и воспринимаются как должное, интерес людей начинает смещаться в сторону самореализации, качества жизни, субъективного ощущения благополучия. В обществах с ценностями самовыражения больше внимания уделяется защите окружающей среды, толерантному отношению к иностранцам, гендерному равенству. Однако в условиях экономического спада, замечает Инглхарт, социум склонен занимать более «материалистическую» позицию (ценности выживания). Общества могут двигаться также в обратном направлении: от светско-рациональных к традиционным ценностям.

Обращение к тем или иным ценностям для политических партий становится необходимым ресурсом для завоевания голосов тех или иных групп населения. В исследовании, посвященном австрийским политическим партиям, Л.М. Хубер предложила подход «выхода на социальные группы», в рамках которого внимание уделяется апелляции к социальным группам как фундаментальному ресурсу для политических партий¹¹². В частности, она полагает, что партии используют не только позитивные апелляции к группам с положительным имиджем, но и негативные по отношению к непопулярным среди широкой общественности и собственных сторонников группам. Эти призывы используют чувства симпатии или антагонизма по отношению к членам как внутренней, так и внешней группы. На примере FPÖ Хубер отмечала, что праворадикальные партии наиболее склонны к высокой степени выхода на социальные группы. В частности, она сделала вывод о том, что австрийские правые уделяли большое внимание тем

¹¹² Huber L. M. Beyond policy: the use of social group appeals in party communication //Political Communication. – 2022. – Т. 39. – №. 3. – P. 293-310.

группам, которые явно «(не)нравятся» не только их избирателям, но и большому сегменту электората. Это отражается в негативных коннотациях с беженцами, преступниками, государственными служащими и политиками и позитивных акцентах на таких группах, как пенсионеры, женщины, водители автомобилей и люди с низким уровнем дохода¹¹³.

Выборка партий в нашем исследовании позволяет сфокусироваться на странах западноевропейской демократии со схожим историческим и культурным опытом, уровнем экономического развития. Это самые успешные правые популистские партии в своих странах: в XXI веке они не только проходили в национальные парламенты, но часть из них входит в топ самых популярных партий страны. Некоторые партии возникли как структуры, трансформировавшиеся из устоявшихся политических образований в популистские движения. Например, FPÖ изначально не была популистской партией, но со временем превратилась в нее. Напротив, AFD, характеризовалась как популистская партия с самого своего основания.

В выборку отобраны партии с разной продолжительностью присутствия на политической сцене - от давно существующих политических образований до относительно новых формирований. Например, FPÖ была образована в 1956, SVP существует с 1970-х годов, FN был основан Жен-Мари Ле Пенем в 1972 году. Напротив, такие партии, как PVV и AFD, возникли совсем недавно: PVV была основана в 2006 году, а AFD - в 2013-м. Такая разница в возрасте партий отражает различные этапы организационного развития и институционализации в политической сфере.

Партии в выборке демонстрируют широкий диапазон электоральных успехов. SVP выделяется как стабильно успешная партия, регулярно занимающая первые места на выборах и оказывающая значительное влияние на формирование национальной политики. В отличие от них, такие партии, как VB, несмотря на свой электоральный потенциал, сталкиваются с проблемами, поскольку им мешает политическая изоляция из-за введения «санитарного кордона», который

¹¹³ Ibid. P. 304

не позволяет другим политическим силам сотрудничать с ними в парламенте. Такое неравенство в электоральных успехах подчеркивает разную степень институциональной поддержки, которую испытывают различные правые популистские партии. В целом, различное происхождение, исторические траектории и уровни успеха правых популистских партий, включенных в выборку, подчеркивают сложность и неоднородность этого политического явления.

Помимо общих черт, каждая из рассматриваемых семи партий отличается друг от друга в связи со страновыми особенностями. Как отмечала С.В. Погорельская, «даже те характеристики, которые кажутся общими для всех европейских праворадикальных групп и отчасти даже для правых популистских партий, будь то враждебность к мигрантам или же скепсис по отношению к процессам европейской интеграции, имеют свои корни в исторически сложившихся особенностях политических культур отдельных европейских стран»¹¹⁴.

Партия свободы Австрии (FPÖ), основанная в 1956 году как партия, представлявшая пангерманистов и национал-либералов, выступавших против социализма и католического клерикализма, претерпела заметные изменения под руководством Йорга Хайдера, начиная с 1986 года. Харизматическое лидерство Хайдера ознаменовало поворот к правому популизму¹¹⁵, который в конечном итоге сформировал в 1990-е годы особый австрийский праворадикальный бренд партии. Влияние Хайдера сыграло решающую роль в определении успеха партии в этот период. Несмотря на внутренние разногласия в 2005 году, FPÖ удалось перегруппироваться и перестроить свою идеологию под руководством последующих лидеров, в первую очередь Хайнца-Кристиана Штрахе¹¹⁶. Под руководством Штрахе в партии возродился радикализм, а также возобновилось

¹¹⁴ Погорельская С. В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма //Актуальные проблемы Европы. – 2004. – №. 2. – С. 7.

¹¹⁵ Wodak R., Pelinka A. The Haider Phenomenon in Austria. – Transaction Publishers, 2002.

¹¹⁶ Luther K. R. The revival of the radical right: the Austrian parliamentary election of 2008 //West European Politics. – 2009. – Т. 32. – №. 5. – P. 1049-1061.

внимание к максимизации электоральной поддержки¹¹⁷. На фоне ухудшающихся отношений между партиями, основанных на корпоративизме и пропорциональном распределении рабочих мест на государственной службе¹¹⁸, FPÖ использовала существующие политические реалии для продвижения своей повестки дня. В результате в 2017 году она смогла возглавить правительство в коалиции с Австрийской народной партией, что стало возможно, по оценкам исследователей, благодаря сложному взаимодействию политического контекста и партийной идеологии в формировании траектории развития австрийских правых.

Возникшая в 2013 году Альтернатива для Германии (AFD) достаточно быстро реализовала свой потенциал. Уже на выборах 2017 года, вторых в своей истории, немецким правым удалось набрать 12,6% голосов, что позволило им не просто войти в Бундестаг, но стать третьей крупнейшей партией в нем. Особенностью немецкого политического ландшафта является то, что рост популярности праворадикальных партий, характерный для европейского пространства с 1980-х гг., долгое время не влиял на немецкую политическую жизнь. Дэвид Арт, размышляя о причинах неудачи праворадикальной партии Республиканцев, созданной в 1983 году, отмечал, что ключевым фактором для успешного существования праворадикальной партии становится отсутствие противодействия ей со стороны основных политических сил (выражающееся либо в сотрудничестве, либо в игнорировании), благодаря чему такая партия получает электоральную силу и легитимность, в дальнейшем превращаясь в постоянную силу в партийной системе¹¹⁹. Франк Дэкер также относил к причинам, затормозившим рост популярности новых правых в немецкой жизни, наличие элемента популизма в деятельности основных политических партий и СМИ

¹¹⁷ Meret S. The Danish people's party, the Italian Northern league and the Austrian freedom party in a comparative perspective: Party ideology and electoral support. P. 108

¹¹⁸ Williams M. H. The FPÖ Finds a Winning Combination in Leadership and the Third Lager //The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies. – New York : Palgrave Macmillan US, 2006. – P. 153-186.

¹¹⁹ Art D. Reacting to the radical right: Lessons from Germany and Austria //Party Politics. 2007. Т. 13. № 3. P. 331-349.

Германии, а также отсутствие харизматических лидеров среди правых¹²⁰. Именно поэтому AfD значительное внимание в своей репрезентации уделяет тому, чтобы подчеркнуть свой умеренный характер¹²¹, активно пользуется тактикой «конструктивной оппозиции»¹²², большое внимание уделяет имиджевым решениям¹²³.

Швейцарская народная партия (SVP) была образована в 1971 году, после слияния Партии крестьян, бюргеров и ремесленников и части Демократической партии. SVP часто характеризуется как популистская в связи с инкорпорированием в ее идеологию такого элемента, как правый популистский этнонационализм¹²⁴, курс на который был предложен Кристофом Блохером, неофициальным лидером SVP с середины 1990-х годов. Именно Кристоф Блохер считается ответственным за поворот партии к радикализму и «архитектором партийного поворота к популизму»¹²⁵. Блохеру отошло дополнительное место в Федеральном совете после успеха партии на выборах 2003 года. Однако поддержка Блохера в партии не была безусловной, и в 2007 году его место в Федеральном совете было отдано более умеренной представительнице «народников» Эвелине Видмер-Шлумпф. Раскол в партии, состоявшийся в 2007 году, однако, не повлиял на отношение к партии в народе, а Блохер сохранил в ней лидирующие позиции. Можно говорить о том, что для швейцарцев Блохер стал героическим защитником традиционных ценностей, которому удалось превратить небольшую партию крестьян и мелких предпринимателей в самую значительную политическую силу в Швейцарии. Исследователи отмечают

¹²⁰ Decker F. Germany: right-wing populist failures and left-wing successes // *Twenty-First Century Populism*. Palgrave Macmillan. London. 2008. P. 119-134. P. 133.

¹²¹ Arzheimer K. The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? // *West European Politics*. – 2015. – Т. 38. – №. 3. – P. 535-556.

¹²² Погорельская С. В. "Альтернатива для Германии": без внутренней альтернативы? // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2018. – №. 1 (13). – С. 40-55.

¹²³ Doerr N. The Visual Politics of the Alternative for Germany (AfD): Anti-Islam, Ethno-Nationalism, and Gendered Images // *Social Sciences*. 2021. Т. 10: 20. P. 1-15.

¹²⁴ Cranmer M. Populist communication and publicity: An empirical study of contextual differences in Switzerland // *Swiss Political Science Review*. – 2011. – Т. 17. – №. 3. – С. 286-307.

¹²⁵ Albertazzi D. Switzerland: Yet another Populist Paradise // Albertazzi, D., McDonnell D. *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 102.

влияние на партийную повестку идей федерального советника Швейцарии Филиппа Эттера, глубоко консервативного католика, развивавшего концепцию «духовной национальной обороны» («Geistige Landesverteidigung»). Суть этой концепции была выражена Эттером в его программной речи 9 декабря 1938 года: «идея швейцарского государства зиждется не на расе, не на плоти, а на духе. Это нечто грандиозное, монументальное, находящее свое отражение в Готарде: горе разделяющей и проходе объединяющем; великая идея, находящая отражение в человеке и государственном бытии»¹²⁶. Мыслители, исходившие из концепции «духовной национальной обороны», видели Швейцарию не просто как страну, а как идеализированную версию Конфедерации, что находило свое подтверждение в соединении демократии и преуспевания страны. Идеология, проповедуемая Блохером, объединяет консервативные идеи и христианскую мораль. Блохеру не потребовалось изобретать ничего нового: «...его словарный запас, цели, страхи и надежды не были придуманы им самим – они были унаследованы»¹²⁷. Для традиционалистской Швейцарии обращение к историческому прошлому страны является своеобразным «секретом успеха», позволившим Блохеру закрепить успех своей партии. Все это оказывает положительный эффект на политический успех партии: так, после прихода к руководству партии Блохера и радикализации партии процент голосующих за партию вырос с 14,9% в 1995 году до 29,4% в 2015 году.

Говоря об особенностях политической культуры стран Бенилюкс, П.В. Осколков отмечает, что в Нидерландах на политический процесс влияет «разрушение системы опор (пилларизации) и трансформация идеологии основных системных партий в направлении всеохватных партий», в Бельгии – «этнорегиональные противоречия», в Люксембурге – «стремление титульной нации обеспечить культурное доминирование»¹²⁸.

Партия Фламандский интерес (VB) возникла как преемница Vlaams Blok, которой грозил роспуск после судебного процесса 2004 года, осудившего партию

¹²⁶ Bundesblatt №50. Bern. 14 Dezember 1938. P. 998.

¹²⁷ Steinberg J. Why Switzerland? Cambridge University Press, 1996. P. 137.

¹²⁸ Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. – 2019. С. 11.

за расистскую идеологию. VB унаследовала от своей предшественницы приверженность сепаратистской и фламандской националистической программе¹²⁹. Она смогла сохранить свои позиции на выборах и опередить другие правые партии, такие как бельгийский Национальный фронт¹³⁰. Однако партия столкнулась с трудностями, поскольку большинство основных политических структур придерживались санитарного кордона, изначально установленного против ее предшественницы, что фактически исключало участие VB в правительстве. Несмотря на эти препятствия, партия пережила возрождение под руководством Тома Ван Грикена, причем заметное возвращение произошло во время федеральных выборов 2019 года. Лидерство ван Грикена стало поворотным моментом для VB, когда она начала возвращать себе поддержку населения и вновь заявлять о своем присутствии в политическом ландшафте.

Партия за свободу (PVV), основанная в 2006 году Геертом Вилдерсом, является ведущей правой популистской и националистической силой в голландской политике¹³¹. Вилдерс, известный своими откровенными взглядами на ислам, иммиграцию и Европейский союз, привел PVV к значительному успеху на выборах, особенно в начале 2010-х годов. В центре платформы партии – защита голландской культурной самобытности, борьба с исламизацией Нидерландов и евроскептицизм. Под руководством Вилдерса PVV последовательно занимала жесткую позицию в отношении миграции, призывая к ужесточению пограничного контроля, закрытию мечетей и запрету в стране Корана. Риторика партии часто направлена против мультикультурализма и представляет ислам как несовместимый с западными ценностями, вызывая споры и дебаты как внутри страны, так и на международном уровне¹³². Несмотря на высокие результаты на выборах и способность влиять на политическую повестку дня, PVV столкнулась с

¹²⁹ Осколков П. В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правых популистских партий // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – №. 5 (56). – С. 169-182.

¹³⁰ Art D. The organizational origins of the contemporary radical right: The case of Belgium // Comparative Politics. – 2008. – Т. 40. – №. 4. – P. 421-440.

¹³¹ De Lange S. L., Art D. Fortuyn versus Wilders: An agency-based approach to radical right party building // West European Politics. – 2011. – Т. 34. – №. 6. – P. 1229-1249.

¹³² Vossen K. Classifying Wilders: The ideological development of Geert Wilders and his party for freedom // Politics. – 2011. – Т. 31. – №. 3. – P. 179-189.

проблемами при создании коалиции из-за своих противоречивых позиций и нежелания других партий присоединиться к ее платформе. Тем не менее, партия продолжает оказывать значительное влияние на голландскую политику, формируя дискуссии по вопросам иммиграции, интеграции и национальной идентичности.

Партия Альтернативных демократических реформ (ADR), правопопулистская политическая партия Люксембурга, выступающая за консервативную и националистическую политику, была основана в 1987 году. ADR позиционирует себя как сторонницу традиционных ценностей, национального суверенитета и более жесткого миграционного контроля. В платформе партии подчеркиваются защита культурного наследия Люксембурга, поддержка малых и средних предприятий и противодействие дальнейшей европейской интеграции. Партия часто критикует то, что она воспринимает как посягательство наднациональных институтов на суверенитет Люксембурга, особенно Европейского союза¹³³. Одним из ключевых вопросов, на которых сосредоточено внимание ADR, является иммиграция. Партия призывает к ужесточению контроля и ограничению числа мигрантов, въезжающих в Люксембург, утверждает, что бесконтрольная иммиграция угрожает социальной сплоченности и истощает государственные ресурсы, и выступает за политику, которая ставит во главу угла интересы люксембургских граждан. Несмотря на относительно небольшой размер, ADR удалось заручиться поддержкой тех слоев населения, которые недовольны основными партиями и ищут более консервативную и националистическую альтернативу. Несмотря на то, что ADR не является крупным игроком в люксембургской политике, она продолжает оставаться выразителем правых идей и взглядов на политический ландшафт страны.

«Национальное объединение» (до 1 июня 2018 года «Национальный фронт», FN) является одной из наиболее структурированных партий Франции. Национальный фронт, первоначально основанный в 1972 году Жан-Мари Ле

¹³³ Carls P. Approaching right-wing populism in the context of transnational economic integration: lessons from Luxembourg // *European Politics and Society*. – 2023. – Т. 24. – №. 2. – P. 265-283.

Пеном, претерпел значительную эволюцию под руководством Марин Ле Пен. К.Мюдде характеризовал ее как «самую известную популистскую праворадикальную партию»¹³⁴, что находит отражение в ее электоральных успехах. Так, Марин Ле Пен трижды участвовала в президентских выборах, показывая успешные результаты, а сама партия является крупнейшей оппозиционной группировкой во французском парламенте. Партия занимает антииммиграционную позицию, выступая за существенное сокращение легальной иммиграции и делая упор на защиту французской идентичности. Кроме того, она призывает к более жестким мерам по контролю за нелегальной иммиграцией¹³⁵. Важным направлением деятельности Марин Ле Пен становится стремление смягчить имидж партии, дистанцировать ее от более экстремистских элементов, сохраняя при этом основные идеи национальной идентичности и антиглобализма. Несмотря на трудности и внутренние разногласия, FN остается значительной силой во французской политике, постоянно занимая место одной из основных партий страны.

В качестве резюме можно сказать, что правый популизм в Западной Европе характеризуется политической стратегией, сосредоточенной на защите национализма, противостоянии элитам и продвижении традиционных европейских ценностей. Это включает в себя жесткую позицию против иммиграции, отстаивание интересов европейского народа и поддержание традиционных культурных норм. Хотя эти партии сохраняют приверженность этим основополагающим принципам, они также признают необходимость смягчения своего имиджа, чтобы привлечь более широкую аудиторию. Таким образом, партии пытаются встроиться в сложный политический ландшафт, сохраняя при этом свою идеологическую целостность. Одной из тактик, используемых для достижения этой цели, становится интеграция программ, ориентированных на женщин, что позволяет создать более инклюзивный и доступный образ партий, оставаясь верными своим основным ценностям и целям.

¹³⁴ Mudde C. Op. cit. 2007. P. 41.

¹³⁵ Davies P. The National Front in France: ideology, discourse and power. – Routledge, 2012.

1.2. Правый популизм и женское политическое участие: исследовательские перспективы

Своеобразным маркером изменения ценностных ориентиров и идентичности правых популистских партий становится обновление их политических программ и дискурса. В стремлении охватить как можно более широкий электорат, круг проблем, затрагиваемых правыми популистами, существенно расширяется. В том числе это справедливо и в отношении повестки, связанной с женской проблематикой.

Р. Инглхарт и П. Норрис отмечали, что в современном мире партийная позиция касательно гендерной идеологии становится важным фактором в вопросе привлечения голосов¹³⁶. Именно это вынуждает политических игроков, в том числе правых популистов, включаться в борьбу за женские голоса и расширять содержательную и дескриптивную репрезентацию женщин.

Содержательная репрезентация, по Х.Питкин, отражает сфокусированность на проблемах определенной группы и тот предел, до которого политические установки представителей направлены на беспокоящие эту группу проблемы¹³⁷. Вопросы, связанные с положением женщин, как правило, являются частью социальной повестки политических партий. Среди основных проблем, связанных с вопросами равенства женских прав, исследователи часто выделяют следующие темы: воспитание детей, забота о престарелых, репродуктивные права, сексуальное насилие, гендерное квотирование и др. М. Хтун и С. Велдон, размышляя о кросс-национальных различиях в правах женщин, выделяли две группы политик, направленных на достижение гендерного равенства. Во-первых, это статусная политика, направленная на устранение несправедливости, препятствующей их равноправному участию в политической и социальной жизни, и от которой женщины страдают как подчиненная группа. К таким политикам относятся, в частности, семейное законодательство, насилие в отношении

¹³⁶ Inglehart R., Norris P. *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world*. – Cambridge University Press, 2003.

¹³⁷ Pitkin H. F. *The concept of representation*. Berkeley: University of California Press. 1967.

женщин, аборт и другие репродуктивные свободы, гендерные квоты. Во-вторых, это политика, направленная непосредственно на преодоление негативных последствий для женщин в половом разделении труда: возложение на женщин обязанностей по уходу за детьми, больными и престарелыми, ведению домашнего хозяйства¹³⁸. Женская повестка является неотъемлемой частью социальных программ политических партий, охватывая широкий спектр тем – от репродуктивных прав до гендерных квот.

Правые популисты, как правило, характеризуются «по-европейски традиционалистским взглядом на социальную политику и роли женщины в обществе»¹³⁹. Исследуя содержательную репрезентацию женщин в риторике правых популистов Западной Европы, следует обратиться к их политическим программам, проанализировав наличие и представленность в них конструктов, связанных с тематикой гендерного равенства, а также дать анализ дискурса представителей партий, с целью углубить понимание того, как женская проблематика представлена в правопопулистской повестке.

Теория построения повестки дня утверждает, что средства массовой информации, группы интересов и политические акторы конкурируют между собой, чтобы привлечь внимание общественности и правительства к определенным вопросам, тем самым влияя на политическую повестку дня и общественный дискурс¹⁴⁰. Важно учитывать, что правые популисты не только реагируют на существующую повестку дня, но и вынуждают мейнстрим меняться, в «определенной степени синхронизировать и координировать свои стратегии»¹⁴¹. В нашем исследовании, посвященном женской повестке правых популистских партий, мы применили теорию построения повестки дня для анализа того, как эти партии стратегически формируют и определяют

¹³⁸ Htun M., Weldon S. L. When do governments promote women's rights? A framework for the comparative analysis of sex equality policy // *Perspectives on Politics*. – 2010. – Т. 8. – №. 1. – P. 207-216.

¹³⁹ Великая Н. М., Берёзкина Е. Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти европы: левые против популистов // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. №. 2S. С. 10.

¹⁴⁰ Cobb R. W., Elder C. D. The politics of agenda-building: An alternative perspective for modern democratic theory // *The journal of politics*. – 1971. – Т. 33. – №. 4. – P. 892-915.

¹⁴¹ Шейн С. А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 1. – С. 67.

приоритетность вопросов, связанных с правами женщин и гендерной политикой, изучая взаимосвязь между партийной риторикой, освещением в СМИ и вниманием общественности к этим вопросам. Здесь особое внимание привлекает использование популистской тактики, например, апелляции к эмоциям, благодаря чему, например, правые популисты нормализуют негативное отношение к мигрантам с помощью эксплуатирования образа женщины как жертвы сексуального насилия со стороны мусульманских мигрантов.

В вопросах работы с программами и манифестами политических партий одним из ведущих подходов на протяжении многих лет остается подход, предложенный Группой по изучению манифестов (Manifesto Research Group) и продолженный в рамках «Manifesto Project»¹⁴². Смысл подхода заключается в том, чтобы классифицировать каждое предложение в партийной программе как относящееся к одной из ключевых тем и впоследствии сделать выводы о значимости той или иной темы. На настоящий момент аннотирование партийных программ в проекте «Manifesto» включает в себя 56 категорий и 86 подкатегорий, среди которых находящийся в центре внимания вопрос о гендерном измерении политических программ опосредованно затрагивает три категории: равенство (Equality), традиционная мораль (Traditional Morality) и неэкономические демографические группы (Non-economic Demographic Groups). Под равенством понимается социальная справедливость и необходимость справедливого отношения ко всем людям (в том числе, защита социально незащищенных групп, устранение классовых барьеров, справедливое распространение ресурсов и прекращение дискриминации). Под поддержкой или отрицанием традиционной морали понимается отношение к институтам религии и семьи. В рамках категории неэкономических демографических групп женщины рассматриваются наряду со студентами, молодежью, престарелыми и людьми среднего возраста.

Некая ограниченность подхода «Manifesto Project» связана с тем, что он сводится к тематическому контент-анализу, поскольку он сфокусирован на частоте возникновения вопросов или тем. Логичным представляется

¹⁴² The Manifesto Project. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (дата обращения 15.08.2022).

сосредоточиться на взаимоотношении отдельных тем с другими темами и подтемами.

В рамках исследования были обработаны программы правых популистских политических партий Западной Европы, выделены ключевые категории, связанные с женской тематикой, проанализированы как частотность употребления этих концептов в политических программах, так и взаимосвязь между гендерными концептами и другими ведущими идеями правых популистов. В качестве узловых концептов, связанных с женщинами, были выделены следующие ключевые слова: «женщина», «мать», «семья», «аборт», «гендер», «паранджа». Выбор ключевых слов обусловлен как традиционными воззрениями на женскую роль в обществе, как правило, разделяемую правыми популистами («мать», «семья»), так и основными проблемными точками касающихся защиты женских прав («аборт», «хиджаб», «гендер»).

Наиболее полно и широко представлена женская повестка в программе немецкой AFD 2017 года. В ней встречаются все выделенные ключевые слова, более того, процентное соотношение количества упоминаний находится на высоком относительном всех рассматриваемых партий. Большая часть ключевых слов также встречается в программах люксембургской ADR 2009 и 2013 года, AFD 2021 года, FPÖ 2008 года, FN 2007 и 2012 годов. По частотности упоминаний связанных с женщинами концептов на первых местах находятся программы FN 2007 года, VB 2007 года, ADR 2009 и 2013 года, AFD 2017 и 2021 годов. Говоря о наиболее традиционалистском понимании концептов, стоит особо выделить программу французского FN 2007 года. Как отмечал Д. Стокемер, «Национальный фронт высоко оценивает и прославляет традиционные институты, такие как брак и семья»¹⁴³. В программе это отчетливо прослеживается: она содержит наибольшие значения для ключевых слов «Женщина» (24) и «Мать» (18) и третье по величине количество ключевых слов «Семья» (105). Это объясняется подходом партийного лидера Жан-Мари Ле Пена

¹⁴³ Stockemer D. The FN Membership Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen //The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen. – 2017. –P. 81

к пониманию семьи как основы французской нации и, как следствие, сведению роли женщины в обществе к роли матери. В исследовании WomanInc, организации отстаивающей права женщин в Нидерландах, отмечалось, что PVV является одной из двух партий страны, которые в своей риторике и политических манифестах не обращаются к тематике гендерного равенства¹⁴⁴. Действительно, среди выборки программ западноевропейских праворадикальных популистских партий, в которых ключевые слова представлены в наименьшей степени, особо выделяется программа PVV 2017 года: в ней встречается лишь одно ключевое слово – «хиджаб». Следует отметить, что программа PVV 2017 года объемом всего в одну страницу в принципе подвергалась критике общественности за свою немногословность¹⁴⁵. В этой программе были предложены конкретные меры по улучшению социально-экономической ситуации в Нидерландах без особой детализации, однако в пункте, касающемся «деисламизации страны», отдельно подчеркивалась необходимость запрета ношения головного платка в общественных местах.

Однако, формирование целостного представления о содержательной репрезентации гендерной проблематики в правом популистском дискурсе было бы невозможно без обращения к непосредственным высказываниям представителей партий по данной теме. Высказывания представителей партий существенно расширяют представление о взглядах правых касательно гендерной тематики, дополняя общую картину или давая комментарий по темам, не освещенным в политических программах. Таким образом, представления о содержательной репрезентации гендерных концептов в правопопулистском дискурсе могут быть сформулированы на основе рассмотрения как политических программ, так и непосредственных высказываний представителей партий и контекста, в котором эти заявления были сделаны.

¹⁴⁴ Stem Gendergelijkheid. URL: <https://www.stemgendergelijkheid.nl/> (дата обращения 15.08.2022).

¹⁴⁵ Tasch B. Geert Wilders' manifesto is just one page long — and his main pledge is to "de-Islamise" the Netherlands // Business Insider. – 2017 – March 14. – URL: <https://www.businessinsider.com/geert-wilders-pvv-manifesto-2017-2> (дата обращения 15.08.2022).

Второй стороной реакции правых популистов на реалии возрастающего значения женщин в политике становится расширение дескриптивной репрезентации женщин. Х. Питкин определяет дескриптивную репрезентацию как способ, с помощью которого индивидуальный представитель «отстаивает» интересы представляемого в силу того, что имеет с ним схожие характеристики¹⁴⁶. Значение дескриптивной репрезентации находит выражение в электоральной поддержке тех кандидатов, которые представляют определенные социальные группы. Так, например, одним из факторов, который оказывает существенное влияние на голосование мигрантов, является то, что Дж. Берг and Т. Бьёрклунд называют «этническим голосованием»¹⁴⁷. Избиратели-мигранты участвуют в этническом голосовании в том смысле, что они поддерживают кандидатов, имеющих ту же этническую принадлежность, что и они сами. Большинство кандидатов от меньшинств фигурируют в избирательных бюллетенях левоцентристских партий, поэтому это способствует тому, что мигранты голосуют за эти партии. Аналогичным образом политические партии могут использовать разные социальные группы для расширения своей электоральной базы.

Значение представленности женщин в правых популистских организациях с точки зрения расширения дескриптивной репрезентации за счет стратегического продвижения женщин-лидеров отмечалась многими. Исследователями высказываются предположения о том, что женщины также более склонны отдавать свои голоса в пользу тех партий, лидерские позиции в которых занимают женщины¹⁴⁸. Однако, одной дескриптивной репрезентации в этом вопросе недостаточно. Так, исследуя европейские праворадикальные популистские партии, Дж. Чуэри и А. Дамероу резюмируют: хотя предыдущие исследования показали, что женское лидерство играет важную роль в привлечении женских голосов для правых радикальных популистов, обнаруживается слабая

¹⁴⁶ Pitkin H. F. Op. cit. 1967.

¹⁴⁷ Bergh J., Bjørklund T. The revival of group voting: explaining the voting preferences of immigrants in Norway //Political Studies. – 2011. – Т. 59. – №. 2. – P. 308-327.

¹⁴⁸ Banducci S. A., Karp J. A. Gender, leadership and choice in multiparty systems //Political Research Quarterly. – 2000. – Т. 53. – №. 4. – P. 815-848.

зависимость между дескриптивным представительством и увеличением женского электората¹⁴⁹. Даже среди женщин-феминисток, как отмечали Р. Кэмпбелл и О. Хит, влияние пола кандидата на выбор избирателей не особенно сильно, и относительно небольшое число женщин готовы пойти на отказ от привычной предпочитаемой партии только из-за пола кандидата¹⁵⁰. В связи с этим, обращает на себя внимание тренд, согласно которому женщины с большей вероятностью проголосуют за женщину-лидера только в том случае, если кандидатка воспринимается как придерживающаяся феминистских взглядов¹⁵¹. Именно поэтому важным представляется рассмотрение изменения и внедрения женской тематики в западноевропейский правый популизм и в дескриптивной репрезентации, и в содержательной.

Т. Аллен и С. Гудман отмечали, что для праворадикальных партий способом влиться в политический мейнстрим становится «прогрессивный шовинизм», подразумевающий под собой «равенство и терпимость для своих, а не для других»¹⁵², за счет которого правые могут расширить свою электоральную базу, привлекая женщин как новый тип сторонников.

Тенденции в изменении электоральной базы правых популистов отмечались также и К. Ланкастер, которая выделяла три типа сторонников правых: сексуально-модернистских нативистов, консервативных нативистов и отчасти традиционалистских, отчасти авторитарных и не столь ярко выраженных националистов¹⁵³. Проведенный ею анализ подтверждает существование сексуально-модернистских нативистов, а также показывает, что эта категория быстро растет: с 12,7% базы поддержки радикальных правых в 2004 году до 44,5% к 2016 году. Сексуально-модернистские нативисты занимают

¹⁴⁹ Chueri J., Damerow A. Closing the gap: How descriptive and substantive representation affect women's vote for populist radical right parties // *West European Politics*. – 2023. – Т. 46. – №. 5. – P. 928-946.

¹⁵⁰ Campbell R., Heath O. Do women vote for women candidates? Attitudes toward descriptive representation and voting behavior in the 2010 British election // *Politics & Gender*. – 2017. – Т. 13. – №. 2. – P. 209-231.

¹⁵¹ Giger N. et al. The gender gap in same-gender voting: The role of context // *Electoral Studies*. – 2014. – Т. 35. – P. 303-314.

¹⁵² Allen T. J., Goodman S. W. Individual-and party-level determinants of far-right support among women in Western Europe // *European Political Science Review*. – 2021. – Т. 13. – №. 2. – P. 148.

¹⁵³ Lancaster C. M. Not so radical after all: Ideological diversity among radical right supporters and its implications // *Political Studies*. – 2020. – Т. 68. – №. 3. – P. 600-616.

прогрессивные позиции по вопросам, касающимся традиций и гендера, поддерживают сильное правительство, выступают против иммиграции и европейской интеграции. По сравнению с другими сторонниками радикальных правых они моложе, имеют более высокий уровень образования и чаще всего являются женщинами.

Дескриптивная репрезентация женщин, таким образом, становится важной частью понимания женской повестки правых популистов. Для того чтобы всесторонне осмыслить динамику репрезентации женщин в правых популистских партиях, становится необходимым критически исследовать соответствие (или отсутствие такового) между содержательной репрезентацией и ее дескриптивным воплощением. В рамках анализа дескриптивной репрезентации женщин в правых популистских партиях особое внимание привлекают случаи женского лидерства (представленные Фрауке Петри, Алис Вайдель и Марин Ле Пен), так как фактор лидерской харизмы в электоральных успехах партий неоднократно отмечался исследователями¹⁵⁴. Следует уделять внимание и случаям, которые бросают вызов традиционным ожиданиям в контексте правого популизма, включая, помимо женщин, молодых лидеров и представителей этнических и сексуальных меньшинств.

Для проведения исследования и конструирования портрета правых популистских лидеров была подготовлена сводная таблица, включающая в себя 24 лидера рассматриваемых партий (3 лидера Фламандского интереса, 7 лидеров Альтернативы для Германии, 3 лидера Партии свободы, 4 лидера Партии альтернативных демократических реформ, 1 лидер Партии за свободу, 3 лидера Швейцарской народной партии, 3 лидера Национального объединения). Информация по 24 лидерам политических партий собиралась в источниках открытого типа: СМИ, официальные сайты политических партий, сайты представительных органов власти рассматриваемых стран, персональные страницы лидеров в социальных сетях и персональные сайты в сети Интернет. В

¹⁵⁴ Michel E. et al. Leader effects and voting for the populist radical right in Western Europe // Swiss Political Science Review. – 2020. – Т. 26. – №. 3. – P. 273-295.

таблицу были включены следующие характеристики, необходимые для построения комплексного портрета партийных лидеров: пол, возраст, этничность (рассматриваемая в рамках (не)принадлежности к национальному большинству в стране самого политика или его ближайших родственников), год вступления в должность партийного лидера, возраст на момент вступления в должность, уровень и направление образования, профессиональный опыт, семейное положение (брак и количество детей). На выбор этих характеристик повлияли идеи К. Мюнде о портрете типичного лидера правых популистов. Кроме того, внимание уделено и гендерному дисплею политических лидеров правых популистов. С учетом гендерного дисплея стиля лидерства была введена дополнительная колонка, содержащая ключевые слова, связанные с презентацией каждого лидера. Эти ключевые слова выделялись на основании того, как сам лидер характеризует себя (в своих аккаунтах в социальных сетях, на официальных сайтах своих партий, в своих речах и выступлениях), а также на основании того, какие клише, связанные с политическим имиджем, используются в отношении этого лидера в СМИ.

Особый интерес представляют те случаи, которые демонстрируют отклонения лидерских имиджей от устоявшихся норм, характерных для правых популистов, и тем самым вызывают необходимость всестороннего исследования гендерного дисплея таких лидеров. Центральное место в этом исследовании занимает анализ того, как представители партий, особенно женщины, ориентируются на критерии, заложенные в политических программах правых партий. Необходимо подчеркнуть важность интерпретации многомерных аспектов гендерной репрезентации: ведь гендерный дисплей политиков может сочетать в себе, как маскулинные, так и феминные черты. Таким образом, исследование выходит за рамки простой количественной оценки гендерного баланса лидерства в правых популистских партиях и изучает сложную взаимосвязь между гендерным дисплеем и нюансами контекстуализации партийных программ. Обращая внимание на нетипичную гендерную динамику в сфере правого популизма, анализ может позволить глубже понять сложную и

зачастую парадоксальную взаимосвязь между гендерными идеологиями и политическими нарративами правых популистов.

Правые популисты в своей риторике достаточно часто опираются на гендерные стереотипы и используют концепцию гендерного дисплея. Гендерные стереотипы имеют большое значение в восприятии политика электоратом. Исследовательницы Леони Хадди и Нэйда Теркилдсен в 1993 году провели исследование того, как гендерные стереотипы влияют на оценку людьми кандидатов на политические должности. Для этого ими была проведена серия экспериментов, в рамках которых участников просили оценить уровень компетентности, привлекательности и харизматичности кандидатов мужчин и женщин. В результате участники оценивали кандидатов-мужчин как более компетентных и напористых, а кандидатов-женщин считали более привлекательными и сострадательными. Хадди и Теркилдсен предположили, что на эти оценки в значительной степени повлияли гендерные стереотипы, которые глубоко укоренились в нашем обществе и влияют на то, как мы воспринимаем и оцениваем людей в зависимости от их пола¹⁵⁵. Исследователи также предложили возможные способы преодоления гендерных стереотипов, например, посредством воздействия контрстереотипной информации и гендерно-нейтрального языка в политическом дискурсе.

Как правило, партии придерживаются принципов «общепринятой» гендерной иерархии, выступая за сохранение традиционных гендерных ролей и ценностей. Это часто включает в себя акцент на мужском доминировании и подчиненном положении женщин в обществе. Некоторые партии, например, выступают за политику, ограничивающую репродуктивные права женщин, или одобряют традиционные гендерные роли в сфере работы и семьи. Правые популисты могут позиционировать себя как защитники традиционных ценностей или института семьи, чтобы апеллировать к более консервативным или традиционно настроенным избирателям. Более того, они часто используют

¹⁵⁵ Huddy L., Terkildsen N. Gender stereotypes and the perception of male and female candidates // American journal of political science. – 1993. – P. 119-147.

риторику, характеризующуюся мачизмом, превознося мужественность и принижая женственность.

Такая склонность правых популистов к поддержке традиционного гендерного порядка неоднократно отмечалась исследователями. Так, Пирсон, Уинтерботэм и Браун в работе 2020 года говорили о том, что многие правые радикалы «разделяют традиционный и консервативный взгляд на гендерные отношения, где естественное место женщины закреплено за выполнением роли заботливой матери в доме, а мужчины выступают в роли кормильцев и защитников. Такие перформативные и структурные гендерные установки представляют собой иерархии, которые поддерживают другие расистские и экстремистские иерархии»¹⁵⁶.

На схожих позициях стоят австралийские исследовательницы Люси Николас и Кристин Адьо. Исследуя маскулинистские дискурсы, они пришли к выводу о том, что «наиболее яростной и явной попыткой защитить маскулинное мировоззрение является современная свободная коалиция социальных и политических движений вокруг прав мужчин и прав отцов, имеющих общие корни с альтернативными правами, в англосфере и Европе»¹⁵⁷.

Тем не менее, меняющийся политический ландшафт заставляет правых популистов приспосабливаться к меняющимся нормам и ценностям. По мере того, как общество все больше осознает значимость таких понятий, как толерантность и политкорректность, некоторые правые популисты начинают позиционировать себя как хранителей европейских ценностей. Для улучшения общественного мнения, они постепенно смягчают свою позицию, касающуюся гендерных стереотипов, меняют подход к гендерному дисплею. Эта трансформация также находит отражение в меняющихся образах лидеров политических партий с появлением женщин-лидеров и изменением образа лидеров-мужчин.

¹⁵⁶ Pearson E., Winterbotham E., Brown K. E. Countering violent extremism: Making gender matter. – Springer Nature. 2021. P. 315

¹⁵⁷ Nicholas L., Agius C. The persistence of global masculinism: Discourse, gender and neo-colonial re-articulations of violence. – Springer, 2017. P. 34.

Говоря о нормах восприятия лидеров политических партий, исследователи отмечают что женщины-политики, как правило, ассоциируются с такими чертами, как «сострадательность, честность, поддержка, левые/либеральные взгляды, феминистский настрой, высокая степень компетентности в вопросах социального обеспечения»¹⁵⁸. Мужчины же воспринимаются «сильными, умными, консервативными и лучше справляются с вопросами безопасности (преступность, оборона и внешняя политика)»¹⁵⁹. Такое гендерная стереотипизация отмечается как со стороны мужского, так и женского электората в равной степени.

Х. Коффе, исследуя роль гендера и гендеризированных черт личности и их влияние на политические взгляды, особое внимание обращала на праворадикальных популистов и их сторонников. В своем исследовании она использовала Полоролевой опросник Бем (Bem Sex-Role Inventory, BSRI) для анализа электората голландской Партии свободы¹⁶⁰. В статье сделан вывод о том, что маскулинные черты характера существенно влияют на поддержку PVV, а фемининные – нет. Также отмечается, что женщины реже, чем мужчины, поддерживают PVV, даже при учете маскулинных или фемининных черт личности. Кроме того, исследование показало, что пол и гендерные черты личности оказывают сходное влияние независимо от того, является ли человек мужчиной или женщиной. Несмотря на эти выводы, в работе высказывается предположение, что для понимания различий в идеологической поддержке необходимы более полные исследования гендерных черт личности политиков. В русле этого предложения в исследовании для отслеживания тех изменений, что затрагивают гендерный дисплей лидеров правых популистских партий, инструментом выступает BSRI, метрика, измеряющая маскулинные и фемининные черты личности. BSRI использует двухмерную структуру, которая признает маскулинность и фемининность как отдельные черты, что позволяет более тонко оценить гендерный дисплей политика. Анализируя гендерную

¹⁵⁸ Giger N. et al. The gender gap in same-gender voting: The role of context //Electoral Studies. – 2014. – Т. 35. – P. 305.

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Coffé H. Gender, gendered personality traits and radical right populist voting //Politics. – 2019. – Т. 39. – №. 2. – P. 170-185.

динамику в партиях, BSRI помогает определить, в какой степени политик соответствует традиционным маскулинным или фемининным чертам. Изучение того, как эти черты проявляются в поведении и публичных имиджах политиков, позволяет понять эволюцию их гендерного дисплея и ее влияние на позицию партий по гендерным вопросам. Такой подход дает возможность исследовать не только дескриптивную репрезентацию женщин, но и ее содержательные аспекты, проливая свет на соответствие между гендерным дисплеем политиков и политикой, которую они отстаивают или против которой выступают.

Проанализировав основные подходы и проблемы в исследовании женской репрезентации в правых популистских партиях, была выработана стратегия по оценке основных технологий правых популистов в отношении женщин в политической повестке и лидерстве. Ученые, как правило, подчеркивают попытки партий представить женщин-избирателей как в содержательной, так и в дескриптивной репрезентации¹⁶¹, уделяя основное внимание тому, в какой степени содержательные и дескриптивные репрезентации женщин в правых популистских партиях увеличивают их долю среди избирателей-женщин. В рамках данного исследования основной задачей становится выявление степени последовательной связи содержательной и дескриптивной репрезентаций женщин в правых популистских партиях Западной Европы. Предполагая, что образы женщин-политиков согласуются с тем образом женщины, что конструируется правыми популистами в их политических программах, мы анализируем оба вида репрезентации. Содержательная репрезентация рассмотрена нами через анализ политической повестки, дескриптивная – через анализ лидерства правых популистских лидеров с использованием концепции гендерного дисплея.

¹⁶¹ Mudde C. Op. cit. 2007. P. 9.

Глава 2. Стратегические подходы к обновлению повестки правых популистов: политический мейнстриминг и интеграция женской повестки

2.1. Восприятие гендерного равенства правыми популистами: дискурсивные и программные сдвиги

В современном политическом ландшафте дискурс, связанный с правами женщин, эволюционировал, отражая сложности трансформации общества и смену культурных парадигм. Проблема женских прав выходит на первое место по значимости во многих европейских странах. Так, результаты опроса Евробарометра за 2023 год демонстрируют, что ценности защиты прав человека и гендерного равенства сохраняют свои позиции в первой пятерке приоритетов для европейцев¹⁶². Данные опроса также свидетельствуют о том, что для французов и бельгийцев равенство между мужчинами и женщинами является приоритетом, который нуждается в защите со стороны Европарламента. В русле этих изменений партии также предлагают обновленные взгляды на роль женщины в обществе.

Женские права становятся неотъемлемой частью политической повестки правых популистов. При этом, равные права и возможности женщин для правых популистов не являются сферой, в которой они ставят какие-то цели, которых необходимо достигнуть. Для них гендерное равенство – уже состоявшийся факт европейской жизни, отрицание которого не вписывается в их ценностные ориентиры. Так, в 2015 году Марин Ле Пен и Герт Вилдерс от лица группы Europe of Nations and Freedom в Европарламенте отказывались от сотрудничества с польским Конгрессом новых правых и Янушем Корвин-Микке, поскольку сочли высказывания Корвин-Микке по таким вопросам, как отмена избирательного права для женщин и отрицание Холокоста, слишком экстремальными. Присоединение членов КНП к группе Europe of Nations and Freedom было одобрено лишь после того, как Корвин-Микке ушел с поста председателя и основал свою новую партию под названием KORWiN.

¹⁶² EP Spring 2023 Survey: Democracy in action - One year before the European elections. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3093> (дата обращения 25.09.2023).

Отказ от специального курса, направленного на достижение женского равноправия, провозглашался швейцарскими правыми. Так, в 2016 году вице-президент SVP Оскар Фрайзингер заявил о том, что его партии не нужна отдельная женская повестка: «Нет необходимости в политике для женщин, потому что у женщин нет особых потребностей, а нужна политика для людей. Политика SVP более дружественна к женщинам, чем любая другая, поскольку это единственная партия, которая последовательно борется с иностранными преступлениями, от которых часто страдают женщины»¹⁶³. Таким образом, в целом права женщин воспринимаются правыми популистами в русле прав человека, и требуют защиты лишь в случае нарушения статуса-кво. Источников нарушения установленного порядка в политических программах правых популистов несколько: неспособность государства обеспечивать экономические условия для нормального функционирования общества (и женщин как его части), гендерная идеология, заставляющая женщин отказываться от «естественной» для них роли матери, и мигрантская угроза.

Политические программы правых популистов, не упоминающие женщин, женские права и свободы, скорее являются исключением, нежели правилом. Так, среди программ, в которых не встречаются упоминания женщин, можно назвать программу AFD 2013 года (хронологически их первая программа, в дальнейшем компонент в программах немецких правых, связанный с женской проблематикой, был значительно расширен), программы PVV 2006 и 2017 годов, ADR 2017 года. В большинстве политических программ права женщин упоминаются, но не являются предметом отдельного интереса. Отдельные разделы, посвященные правам женщин, присутствуют в программах FPÖ 2006, 2008 и 2017 годов, программах ADR 2009 и 2013 годов, программе FN 2017 года. Основное содержание этих программ связано с тем, что правые популисты обосновывают принципы женского равноправия как ключевой элемент, отличающий европейский цивилизационный проект от всех прочих (прежде всего исламского).

¹⁶³ Mangelndes Interesse: SVP will ihre Frauen-Sektion abschaffen //Watson. 2016. January 20. URL: <https://www.watson.ch/schweiz/svp/501383207-mangelndes-interesse-svp-will-ihre-frauen-sektion-abschaffen>. (дата обращения 15.08.2022).

Использование ключевого слова «гендер» в правых популистских политических программах носит ограниченный характер и встречается в нескольких контекстах: либо гендерного равенства, либо гендерных квот в политике и бизнесе, либо «гендерной идеологии». Наиболее активно эта тематика используется в политических программах AFD 2017 и 2021 годов (по 14 упоминаний). Также гендер как ключевое слово встречается в программах SVP 2015 и 2019 годов (5 и 2 упоминаний соответственно), программах ADR 2009 и 2013 (1 и 2 упоминания соответственно), программе VB 2019 года (1 упоминание). Правые популисты признают, что гендерное равенство является одним из европейских достижений, а равные права мужчины и женщины являются одним из столпов современной европейской цивилизации.

Говоря о представлении женского равноправия в повестке австрийский правых популистов, стоит отметить их последовательность в этом вопросе. Так, в программе 2008 года отмечается, что «только равенство женщин и мужчин в Австрии обеспечит процветающее будущее. Это означает как равные права, так и равные обязанности, но прежде всего равные возможности»¹⁶⁴. Сам заголовок раздела, в котором речь идет о равных правах, четко обозначает цель гендерного равенства между мужчинами и женщинами: «партнерство и семья». В программе 2017 года условием успешного будущего также выступает «равное сосуществование мужчины и женщин», которое обеспечивается «равными правами и равными обязанностями, но прежде всего равенством в равенстве»¹⁶⁵. При этом одной из главных мер обеспечению такого равенства австрийцами становится защита женщин от мигрантской угрозы; реальная свобода выбора между воспитанием детей и карьерой, обеспечиваемой за счет расширения системы детских пособий; финансовая поддержка молодых матерей; снижение налогового бремени для семей. Таким образом, для австрийцев защита женских прав фокусируется на области семейной политики, а также дополняется антимигрантской риторикой.

¹⁶⁴ Parteiprogramm der FPÖ. 2008.

¹⁶⁵ Parteiprogramm der FPÖ. 2017.

В программах ADR 2009 и 2013 годов обширные разделы посвящены равноправию мужчин и женщин, при том что большая часть программы 2013 года повторяет программу 2009 года. Люксембургские правые отмечают, что они выступают за «прагматичную и справедливую политику равных возможностей без какой-либо идеологии»¹⁶⁶. При этом роль государства в построении такого равенства должна быть четко ограничена уважением к частной жизни людей: «государство должно уважать личные решения всех людей по планированию их жизни, не имея на них влияния или даже желания покровительствовать»¹⁶⁷. Гендерное равенство, по мнению ADR, должно быть достигнуто в четырех областях: политике, семье и образовании, профессиональной деятельности, перед законом и судом. Отдельное внимание в программе 2013 года также уделяется проблемам сексуальной идентичности: с одной стороны, ADR признают необходимость «гуманного отношения» к вопросам сексуальной ориентации и идентичности, но, с другой, отмечают недопустимость влияния этой тематики на детей¹⁶⁸. Главной целью ADR является создание равных возможностей («égalité des chances») для мужчин и женщин, а не созданию гендерного равенства («politique d'égalité»). ADR «решительно выступает против тоталитарной иллюзии равенства, которая хотела бы уничтожить все различия между людьми, а в конечном итоге и все свободы и индивидуальные решения»¹⁶⁹.

Меры по обеспечению такого равенства возможностей весьма многообразны. Так, для обеспечения равенства в сфере политики ADR считают необходимым реструктурировать администрацию (устранив отдельное министерство, занимающееся вопросами равноправия), уменьшить бюрократизацию, провести переоценку гендерных подходов и обеспечить свободу слова и мнений («ADR выступает против попыток подвергать СМИ цензуре или регулировать язык и культурное достояние в соответствии с

¹⁶⁶ Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2009.P. 34.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2013. P. 61.

¹⁶⁹ Ibid. P. 61.

установленными государством гендерными критериями»¹⁷⁰). Таким образом, правые популисты Люксембурга, используя знамя гендерного равенства, стремятся, напротив, снизить количество институтов, обеспечивающих равноправие, а также активно критикуют государственную политику в этой области как неэффективную.

Понимание женских прав и гендерного равноправия, преобладающим образом связанное с семейной сферой, характерно и для программ VB. Так, в программе 2007 года бельгийские правые «приветствуют факт равноправия мужчин и женщин», называя его «важным достижением европейской цивилизации»¹⁷¹. В то же время, они обращают внимание на то, что такое равноправие является причиной появления новой «несвободы», выражающейся в том, что хотя во многих случаях один из родителей хотел бы остаться дома, чтобы заботиться о детях, в современном обществе это часто невозможно. Защита женских прав для VB чаще всего оказывается связана с финансовыми гарантиями матерям, упоминаемыми во всех программах партии. В программе 2019 года также обращается внимание на проблемы насилия в отношении женщин и пожилых. В рамках решения этой проблемы VB предлагают использовать устройства, издающие громкие сигналы при нападении, что является «хорошим способом отпугнуть преступников или побудить находящихся поблизости граждан вмешаться»¹⁷², которые VB хочет, чтобы муниципалитеты раздавали пожилым людям и женщинам.

Тема равноправия мужчин и женщин регулярно возникает в политических программах SVP. Одним из способов подчеркнуть тот факт, что партия является приверженцем гендерного равноправия, становится используемая в программе фраза «für Frauen und Männer» (*нем.* для женщин и мужчин), используемая в контексте того, что все усилия швейцарских правых направлены на всех швейцарцев, как мужчин, так и женщин. В программе 2007 года отдельно подчеркивается наличие среди депутатов партии мужчин и женщин: «в 2003 году

¹⁷⁰ Walprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei.2009. P. 35.

¹⁷¹ Programaboek Vlaams Belang. 2007. P. 14.

¹⁷² Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2019. P. 51.

граждане Швейцарии сделали SVP партией с наибольшим количеством голосов. Она вошла в федеральный парламент с 64 женщинами и мужчинами и, таким образом, сформировала самую крупную фракцию»¹⁷³. Лейтмотивом всех программ швейцарских правых является противостояние «битве полов»: женщин и мужчин они называют «равными партнерами, которые должны стремиться к образу жизни, соответствующему их положению и разделению труда, при котором никем – и прежде всего детьми – не пренебрегают»¹⁷⁴. Требования гендерного равенства распространяются и на профессиональную сферу: помимо равной оплаты на труд, SVP также говорит о том, что «мужчины и женщины должны дополнять друг друга. Решения о том, кто получит должность, должны основываться исключительно на профессиональной пригодности, а не на поле кандидата»¹⁷⁵.

В программе AFD 2017 года заостряется внимание на том, что в современном мире «неправильно понятого феминизма»¹⁷⁶ под угрозой оказываются женщины, так как феминизм в первую очередь ценит их лишь как рабочую силу и обходит вниманием, даже дискриминирует женщин, не работающих, а занимающихся семьей и домашним хозяйством. AFD ставит перед собой задачу по укреплению роли таких женщин в обществе и возвращению к идеалу традиционной семьи. Отмечая, что «центром нынешней семейной политики в Германии является женщина, занятая полный рабочий день»¹⁷⁷, немецкие правые говорят о том, что это негативно сказывается на воспитании детей. Они призывают создать в обществе условия, как экономические, так и социальные, которые позволят существовать «реальной свободе выбора», когда родители или один из родителей будет принимать решение о том, хочет ли он заниматься исключительно воспитанием детей, или хочет совмещать это с работой. Интересно при этом отметить, что к равным правам, гарантированным конституцией, правые популисты предлагают добавить одно: при восстановлении

¹⁷³ SVP Wahlplattform. 2007. P. 6.

¹⁷⁴ Ibid. P. 79.

¹⁷⁵ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 96.

¹⁷⁶ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017. P. 44.

¹⁷⁷ Ibid. P. 46.

обязательной военной службы для мужчин, женщинам должна быть дана возможность добровольно поступать на службу в армию. Указывая на то, что гендерное равенство, «являющееся благом и закрепленное в конституции», в стране уже достигнуто, AFD призывает «рассматривать биологический пол людей не как бремя, а как дар ... ценить традиционный уклад жизни и ценить силы женщин, семьи и воспитания детей»¹⁷⁸. При этом основные усилия по защите прав женщин для AFD ограничиваются мерами по защите прав матерей, что они объясняют тем, что «женщинам так же, как и мужчинам, разрешается выбирать свой путь в жизни, не подвергаясь социальному остракизму»¹⁷⁹, а значит их права и так соблюдаются.

Таким образом, в области гендерного равенства правые популисты особо обращают внимание на экономические препятствия, мешающие женщинам либо выбирать для себя материнство, либо комфортно сочетать материнство с карьерой, а также на мигрантскую угрозу. Помимо этого, они особо выделяют препятствия идейного характера, которые, прежде всего, связаны с феминистской идеологией.

Дискурс представителей правых популистов в критике феминистской идеологии логически развивает положения, связанные с критикой феминизма в их политических программах. Так, в 2022 году в социальных сетях AFD было использовано изображение, призванное подчеркнуть контраст между «традиционной женщиной» и «современной феминисткой». Основные характеристики «традиционной» женщины: «здоровое эго она подкрепляет естественной кожей и волосами» и «живет для семьи, гордится тем, что живет для своих детей». «Феминистка», в представлении AFD, носит «тонны макияжа из-за своей низкой уверенности в себе» и «сделала третий аборт в 22 года и гордится этим»¹⁸⁰. Изображение вызвало бурю негодования в социальных сетях и было быстро удалено. Использование подобных образов и риторики призвано

¹⁷⁸ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 112.

¹⁷⁹ Ibid. P. 113.

¹⁸⁰ Riechelmann A. AfD schockt mit Post über traditionelles Frauenbild – „Und sowas wird gewählt?“ // Der Westen. – 2022. – 25 October. – URL: <https://www.derwesten.de/politik/afd-bild-frauenbild-sachsen-instagram-traditionell-feministin-a-id300095447.html> (дата обращения 25.09.2023).

подчеркнуть контраст между традиционным восприятием женщины правыми популистами и тем, что они характеризуют как чрезмерный индивидуализм и пренебрежение семейными ценностями. Однако полемика, вызванная подобными изображениями, также отражает спорный характер этих тем в широком общественном дискурсе.

Если говорить о гендерных квотах и «гендерной идеологии», то в целом, можно отметить негативное отношение правых популистов к этой тематике.

Гендерное квотирование в политике на современном этапе признается одним из решающих способов по превращению дескриптивной презентации женщин в политике в содержательную. Д. Далеруп, исследовавшая гендерные квоты в политике через призму двух различных концепций равенства: равенства возможностей и равенства результатов, пришла к выводам о том, что гендерные квоты в политике, как правило, способствуют в большей степени равенству возможностей, а не равенству результатов. Более того, она пришла к выводу о том, что введение квот может даже способствовать усилению конкуренции за выборные должности, нарушая традиционный статус-кво, когда кандидаты-мужчины в основном соревнуются с другими кандидатами-мужчинами, и приведет к участию в политике наиболее компетентных специалистов¹⁸¹.

Некоторые страны законодательно закрепляют гендерное квотирование в политике, часто встречаются случаи, когда гендерное квотирование внедряется политическими партиями самостоятельно. Среди рассматриваемых в исследовании стран, большая часть характеризуется слабым регулированием гендерного квотирования на государственном уровне. Так в Австрии, Голландии, Швейцарии и Германии нет законодательно установленных гендерных квот для кандидатов на выборах, что, однако, не мешает отдельным партиям внедрять институты гендерного квотирования самостоятельно (так, например, поступают Зеленые, OVP, SPO в Австрии, PvdA и Зеленые в Голландии, SPS/PSS, партия Центра, PdA в Швейцарии, SPD, Левая, Зеленые, ХДС/ХСС в Германии). Во

¹⁸¹ Dahlerup D. Electoral gender quotas: Between equality of opportunity and equality of result //Representation. – 2007. – Т. 43. – №. 2. – P. 73-92.

Франции добровольные гендерные квоты на уровне партий (PS, UDI) соседствуют с законодательно установленными квотами для кандидатов на выборах в парламент на национальном и региональном уровнях (разрыв между количеством кандидатов-мужчин и кандидаток-женщин не может превышать 2%). В Люксембурге добровольные гендерные квоты на уровне партий (CSV, Левая, Зеленые) дополняются законодательно установленными квотами для кандидатов на выборах в однопалатный парламент на национальном уровне (не менее 24 (из 60) кандидатов каждого пола). В Бельгии квотирование на уровне партий не применяется, законодательно установлены квоты для кандидатов на выборах в парламент на национальном и региональном уровнях: в каждом из списков ни интервал между числом действующих кандидатов каждого пола, ни число запасных кандидатов каждого пола не может быть больше единицы; ни первые два действующих кандидата, ни первые два запасных кандидата в каждом из списков не должны быть одного пола (иными словами, в Бельгии используется так называемый принцип «замка на молнии»: если партийный список возглавляет мужчина, то второе место в списке должна занимать женщина).

Интересно, что даже в условиях наличия регулирования квотирования на государственном уровне, правые партии стараются не только выступать против гендерных квот на словах, но и саботировать процесс использования этого инструмента. Так, VB на выборах 2019 года выдвигали «фиктивных» кандидатов-женщин для обеспечения избрания мужчин. Две кандидатки – Пэтси Ватлет в Европарламент и Лют Дефорш-Дегруте во Фламандский парламент – были заявлены в предвыборных списках партий на вторых позициях, в соответствии с принципом «замка на молнии», обеспечивающим гендерный баланс в партийных списках. Однако сразу после своего успешного избрания обе женщины добровольно отказались от своих мест, и их место заняли кандидаты-мужчины – Том Вандендриесше в Европарламент и Иммануэль де Резе во Фламандский парламент. При этом партийные представители даже и не думали скрывать тот факт, что «фиктивные» кандидаты с самого начала были в курсе плана. Пэтси Ватлет, занимающая позицию казначея в партии, по словам Герольфа Аннеманса,

просто не смогла оставить свою значимую позицию, и ее место в списке было обеспечено лишь под предлогом выполнения требований законодательных гендерных квот. Лют Дефорш-Дегруте также прокомментировала, что была в курсе происходящего с момента своего выдвижения: «У меня смешанные чувства, но ладно, с этим можно справиться. Я женщина слова. Всем известно, что Иммануэль очень амбициозен. Но третье место было под вопросом, а женщина должна была быть на втором месте, поэтому меня пригласили и сделали его первым в списке на мою замену»¹⁸². Такая махинация открыто осуждалась в бельгийской прессе, в очередной раз закрепив за VB титул «самой женоненавистнической партии»¹⁸³.

Таким образом, можно наблюдать то, что добровольные гендерные квоты правыми популистскими партиями игнорируются. А. Еломаки говорит о том, что для правых популистов характерна тактика, заключающаяся в пренебрежении нормативными и фактическими аргументами в пользу квотирования, а также использование аргументов о том, что квоты способствуют игнорированию заслуг женщин и тем самым «квотируемых женщин» представляют как гораздо менее способных к политике специалистов¹⁸⁴. На примере фракции Европарламента «Европа за свободу и демократию» Дж. Кантола и Е. Ломбардо отмечали, что для правых популистов характерно выстраивание дискурса, в рамках которого конструируется образ «более достойных» женщин, добившихся места в политике своими силами, противопоставляемых «квотируемым женщинам», которые, якобы, не способны добиться должностей самостоятельно¹⁸⁵.

Критика гендерного квотирования закрепляется и в политических программах правых популистов. Так, в программе SVP 2015 года говорится о том,

¹⁸² Hope A. Vlaams Belang put up “dummy” female candidates to ensure election of men. / A. Hope // The Brussels Times. – 2019. – 30 May. URL: <https://www.brusselstimes.com/57558/vlaams-belang-put-up-dummy-female-candidates-to-ensure-election-of-men> (дата обращения 25.09.2023).

¹⁸³ Vlaams Belang, Belgium's most misogynistic party ever, says women's council. // The Brussels Times. – 2019. – 30 May. URL: <https://www.brusselstimes.com/57582/vlaams-belang-belgiums-most-misogynistic-party-ever-womens-council> (дата обращения 25.09.2023).

¹⁸⁴ Elomäki A. Gender quotas for corporate boards: depoliticizing gender and the economy // NORA-Nordic Journal of Feminist and Gender Research. – 2018. – Т. 26. – №. 1. – P. 53-68.

¹⁸⁵ Kantola J., Lombardo E. Strategies of right populists in opposing gender equality in a polarized European Parliament // International Political Science Review. – 2021. – Т. 42. – №. 5. – P. 565-579.

что «решение о том, кто получит работу или должность, должно основываться исключительно на профессиональной пригодности, а не на гендерной принадлежности»¹⁸⁶, а в программе ADR 2009 года отмечается, что «так называемый «гендерный» аспект подвергается критике»¹⁸⁷ со стороны партии. ADR выступает против введения квот в различных сферах, таких как политика, работа, семья. Вместо этого они подчеркивают важность функционального отбора и критериев, учитывающих объективную пригодность человека к той или иной роли. Квоты рассматриваются как нарушение принципа равенства – одного из основополагающих аспектов демократии. ADR оспаривает распространенные аргументы, связанные с равными возможностями, утверждая, что «интерпретация статистических данных и поведения людей требует как специальных знаний, так и объективного, тонкого подхода»¹⁸⁸. Партия отвергает навязывание гендерных критериев отношения к человеку и выступает за не дискриминацию? по половому признаку. ADR признает концепцию «позитивной» дискриминации, но предостерегает от потенциальной несправедливости, которую она может породить, отдавая предпочтение одним людям перед другими.

Введение квот расценивается немецкими правыми популистами отрицательно, они придерживаются принципа «равенство должно вновь означать равные возможности»¹⁸⁹. Заявляя о том, что равные возможности для мужчин и женщин гарантированы конституцией, они призывают отказаться от таких «неэффективных, несправедливых и способствующих ущемлению прав» проявлений гендерной идеологии, как гендерный мейнстриминг, квоты и изменение языка, путем добавления в него гендерно-нейтральных слов¹⁹⁰. Своеобразным слоганом AFD становится фраза «производительность вместо квоты – свобода вместо дискриминации»¹⁹¹. Они обращают внимание на то, что реальное равенство мужчин и женщин, гарантированное конституцией, не имеет

¹⁸⁶ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 96.

¹⁸⁷ Wahlprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei. 2009. P. 35.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017. P. 60.

¹⁹⁰ Ibid. P. 61.

¹⁹¹ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 19.

ничего общего с тем эгалитаризмом, курс на который ведут правящие партии. Они отрицают институт квотирования как «антирезультативный, несправедливый и представляющий собой неконституционную дискриминацию в отношении тех, кто не пользуется квотой»¹⁹². Изменения языка оказываются для AFD неприемлемыми, так как немецкий язык является «центром и сердцем» национальной идентичности, а «так называемый "гендерно-адекватный язык", по сути, гротескное уродство немецкого языка, которое не создает равенства»¹⁹³.

Швейцарские правые также говорят о том, что государственные квоты и контроль за распределением зарплат являются неэффективным средством в установлении равноправия. В разделе «Нет борьбе между полами» их программы 2015 года утверждается, что равноправие должно достигаться за счет «осознанного взаимного сотрудничества мужчин и женщин в семье, обществе, работе и политике»¹⁹⁴. Швейцарская народная партия выступает за упразднение государственных организаций, пропагандирующих гендерное равенство, так как такие организации, на их взгляд, «стремятся регулировать частную жизнь и перевоспитывать общество»¹⁹⁵. Такая позиция сохранится и в более поздней программе 2019 года, в которой SVP «отвергает правила государственного квотирования и распространение новых положений и правил под названием "гендерная политика"»¹⁹⁶. Австрийские правые также обращают внимание на то, что являясь сторонниками гендерного равенства, они однозначно выступают «против лицемерных символических действий по улучшению положения женщин, которые не годятся для реального улучшения положения женщин»¹⁹⁷.

Правые популисты активно заявляют о своем неприятии института квотирования, как в политической, так и экономической жизни. Так, например, ADR регулярно участвуют в собраниях противников квот и подписывают петиции против гендерного квотирования. Обращала внимание на «абсурдность»

¹⁹² Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 19.

¹⁹³ Ibid. P. 156.

¹⁹⁴ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 96.

¹⁹⁵ Ibid. P. 97.

¹⁹⁶ SVP Parteiprogramm. 2019. P. 128.

¹⁹⁷ Parteiprogramm der FPÖ. 2017. P. 24-25.

инструмента квотирования и национальный канцлер SVP Натали Рикли, которая отреагировала на заявление Федерального совета о том, что компании, акции которых котируются на бирже, должны иметь квоту в 30% женщин в совете директоров и исполнительном совете. В своих социальных сетях она иронически призывала принять на работу в Бундесрат «30% неакадемиков с опытом работы в частном секторе, 30% молодежи, 30% блондинок, 30% горожан и т.д.»¹⁹⁸.

Прослеживается тенденция, что в условиях свободного выбора, правые популисты не только отказываются от применения инструмента гендерного квотирования, что объяснимо их программными установками, и заявляют о своем неприятии гендерных квот, но и участвуют в действиях, направленных на подрыв их реализации. Эта склонность сопротивляться гендерным квотам подчеркивает двойственность повестки правых популистских партий в отношении гендерного равенства, позиционируя их как противников инициатив по его обеспечению.

Феминизм и «гендерная идеология» для правых выступает в качестве врага в области культуры и образования. Рассматривая пример деятельности Европейского парламента, Дж. Кантола и Э. Ломбардо обращают внимание на то, что арсенал правых популистов против гендерного равенства не только шире, но и изощреннее, чем принято считать. Они отмечают, что правые популисты активно используют стратегии непрямой оппозиции, включающие в себя целый ряд тактик, в том числе «самовиктимизацию и деполитизацию»¹⁹⁹. Их использование приводит к поляризации дискуссий по гендерным вопросам, а также к целенаправленным атакам на такие понятия, как гендерные квоты и гендерное насилие. Такой подход позволяет переключить внимание с гендерного равенства на другие цели, в том числе ксенофобские, евроскептические и нелиберальные.

На основе 24 интервью с представительницами партий AFD и FPÖ Н. Рой исследовала убеждения женщин, состоящих в правых политических партиях

¹⁹⁸ Rickli N. (@NatalieRickli) «Bitte 30% Nicht-Akademiker mit Erfahrung aus der Privatwirtschaft, 30% Junge, 30% Blondinen, 30% Städter, usw. in den Bundesrat!». // Twitter. – 2014. – 28 ноября. URL: <https://twitter.com/NatalieRickli/status/538331125585047552> (дата обращения 19.10.2021).

¹⁹⁹ Kantola J., Lombardo E. Strategies of right populists in opposing gender equality in a polarized European Parliament // *International Political Science Review*. – 2021. – Т. 42. – №. 5. – P. 569.

Германии и Австрии, в отношении таких тем, как гендер и феминизм. Результаты исследования показали, что женщины верят в биологические различия между мужчинами и женщинами, причем многие из них придерживаются мнения, что женщины от природы отличаются от мужчин. Они также считают, что феминизм может повредить этим естественным различиям. Интересно, что некоторые высказываются в пользу умеренного феминизма, который поддерживает эти естественные различия, а не искореняет их. При этом роли участниц в партиях несколько противоречат их представлениям о поле/гендере, большинство из них описывают себя как исключительно сильных женщин. Автор подчеркивает важность понимания этих установок, поскольку они помогают формировать образ этих партий как проженских и одновременно распространяют убеждения, направленные против гендерного равенства²⁰⁰.

Гендер для правых становится «символическим и реальным полем битвы»²⁰¹. ADR в своей политической программе 2013 года отмечает, что партия не приемлет гендерных теорий, утверждающих, что сексуальность человека есть чисто социальная конструкция, совершенно независимая от биологических основ его тела, которая поэтому может свободно выбираться и изменяться по желанию в любой момент²⁰². Противником финансирования гендерных исследований является и глава фракции ADR в парламенте, Фернан Картайзер, который осуждал растущий «государственный заказ на все более и более дорогостоящие исследования, чтобы проводить чисто идеологическую политику, связанную с гендерной идеологией и колониальной историей Люксембурга»²⁰³.

В программе AFD отмечается, что гендерные исследования не отвечают научным критериям, так как они политически ангажированы. Также в программе

²⁰⁰ Roy N. "Women Are Women": Right-Wing Women's (Essentialist) Conceptualisation of Sex/Gender in Germany and Austria // *Cultivate. The Feminist Journal of the Centre for Women's Studies*. 2021. № 3. P. 60-66.

²⁰¹ Petó A. Reproductive rights as battlefield in the new cold war: A historical comparison of illiberal gender politics regarding reproductive rights in Hungary // *Global Contestations of Gender Rights*. 2022. Bielefeld: Bielefeld University Press. P. 231.

²⁰² Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2013. P. 61.

²⁰³ Budget 2022: Eng Belaaschtung fir déi zukünfteg Generatiounen!. – 2021. 19 December. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rfXO3K5b3GQ> (дата обращения 25.09.2023).

немецких правых подчеркивается, что гендерная идеология вступает в противоречие с традиционными ценностями, столь важными для немецкой культуры, а потому не должна поощряться государством и преподаваться в школах. Они обращают внимание на то, что детей следует ограждать от «гендерных заблуждений» и «ранней сексуализации в смысле пропаганды "различных" гендерных ролей»²⁰⁴. Партия развернула дискуссию по поводу программ гендерных исследований в университетах. Предложение партии прекратить финансирование этих программ вызвало дискуссию среди делегатов немецкого Бундестага в 2020 году²⁰⁵. AfD, резко критикуя то, что она называет «Gender-Wahn» или «гендерным безумием», позиционирует себя в противоречии с гендерной идеологией. Эта позиция получила дальнейшее развитие в ходе интернет-кампании, проведенной молодежной организацией AfD «Молодая альтернатива». В ходе этой кампании ее члены заявили о своей нефеминистской позиции, утверждая понятия традиционных гендерных ролей и заявляя о наличии равенства возможностей между мужчинами и женщинами в Германии²⁰⁶.

Л. Берг, исследуя антифеминистский и этнизированный сексизм в Германии, отмечала, что гендерная политика AfD, в частности, строится на антигендерном подходе, по сути, противостоящем элементам, действиям и институтам, связанным с эмансипацией. Позиционирование партии находит отклик в ее ориентации на «народ», представляя себя в качестве защитника выживания простых немецких людей и пропагандируя его якобы врожденное понимание гендера и сексуальности²⁰⁷. Эта перспектива часто изображается через призму нормативной семьи, символизирующей идеальное представление традиционных гендерных ролей. Дж. Сири также отмечала, что гендерная и семейная политика партии риторически преподносится как защита традиционных

²⁰⁴ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 111.

²⁰⁵ Debatte über AfD-Forderung für ein Ende der Gender-Forschung. – 2020. 17 December. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2020/kw51-de-gender-forschung-812898> (дата обращения 25.09.2023).

²⁰⁶ Siri J. Geschlechterpolitische Positionen der Partei Alternative für Deutschland // Die Alternative für Deutschland: Programmatik, Entwicklung und politische Verortung. – 2016. – P. 69-80.

²⁰⁷ Berg L. Between anti-feminism and ethnicized sexism: Far-right gender politics in Germany. – 2019. P. 82-83.

семейных ценностей, направленная на прекращение дискриминации матерей, работающих полный рабочий день, и рассматривается как поддержка и содействие свободе выбора женщин в отношении материнства²⁰⁸. Это мнение разделяет Томас Прантль, депутат законодательного собрания земли Саксония от AfD, который подчеркивает, что «гендерная идеология – это атака на проверенную временем модель семьи, состоящую из мужа, жены и детей, которая является образом жизни для большинства жителей Саксонии»²⁰⁹. В этом контексте AfD становится ключевым участником дискурса о гендерной и семейной политике, выдвигая на первый план свою позицию против господства гендерной идеологии и ассоциируя себя с предполагаемым хранителем традиционных ценностей.

Иллюстрацией отношения FPÖ к проблеме гендерной идеологии является позиция Барбары Розенкранц, члена Австрийской партии свободы до 2017 года и видной фигуры в австрийской политике, которая занимала критическую позицию по вопросам, связанным с гендерной идеологией и гендерным мейнстримингом. Критика Розенкранц гендерной идеологии часто фокусируется на том, что она считает ее неверным направлением и непредвиденными последствиями. Ее характеристика феминизма как «ошибочного направления»²¹⁰ и утверждение о том, что актуализация гендерной проблематики направлена на создание «бесполох людей», связаны с опасениями по поводу потенциальной гомогенизации общества, и несовместимостью подобного курса с реальной поддержкой равенства между мужчинами и женщинами²¹¹. Это демонстрирует пример того, как правые популисты чрезмерно упрощают гендерные проблемы с целью их последующей критики.

²⁰⁸ Siri J. Op. cit.

²⁰⁹ Planlose Grüne Politik von Einer Vergrünten cdu. // WochenENDSpiegel –2019. – 30 August. URL: <https://www.wochenendspiegel.de/thomas-prantl-afd-planlose-gruene-politik-von-einer-ver-gruenten-cdu/> (дата обращения 25.09.2023).

²¹⁰ Barbara Rosenkranz: "Der Feminismus ist ein Irrweg". // Die Presse – 2010. 30 March. URL: <https://www.diepresse.com/543751/barbara-rosenkranz-der-feminismus-ist-ein-irrweg> (дата обращения 25.09.2023).

²¹¹ Rosenkranz B. MenschInnen. Gender Mainstreaming – Auf dem Weg zum geschlechtslosen Menschen. Ares-Verlag: Graz. –2008.

Выступают против гендерных исследований и представители VB, в программе 2019 года отмечающие, что «степень инженера представляет большую ценность для нашего общества, чем степень по гендерным исследованиям»²¹². SVP, говоря о гендерных исследованиях и преподавании гендерного и сексуального воспитания в школе, призывают отказаться от них как от «идеологических»²¹³. В программе 2019 года они также указывают на отсутствие практического смысла в преподавании гендерных исследований в школах: «начальные школы должны снова сосредоточиться на региональном языке, математике и естественных науках и отказаться от идеологического гендерного и полового воспитания, а также от антипредпринимательских уроков экологии и защиты прав потребителей»²¹⁴. Том Ван Грикен подвергался критике за свою позицию по гендерным вопросам, в частности, за его взгляды на то, что он называет «гендерным одурманиванием». В одном из интервью Ван Грикен выразил обеспокоенность тенденциями в обществе, которые, по его мнению, преувеличивают значение гендера, заявив: «В обществе существует тенденция, усиленная средствами массовой информации, когда тема гендера чрезмерно преувеличивается, и мы с этим не согласны». Ван Грикен обосновал свою точку зрения, сославшись на основы биологии: «Я уделял немного внимания на уроках биологии: пол определяется в 23-й паре хромосом – XX и XY хромосомах. Это определяет пол»²¹⁵. Во время интервью экономист по вопросам труда Стейн Баерт, также присутствовавший в студии, выразил явное несогласие с высказываниями Ван Грикена. Баерт задался вопросом, не принижает ли Ван Грикен сложность гендерной идентичности и проблемы, с которыми могут столкнуться трансгендеры. Впоследствии в бельгийских СМИ также появились публикации, осуждающие позицию Ван Грикена, сосредоточившиеся на том, что провозглашение того, что гендерная принадлежность проста как X и Y, является

²¹² Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2019. P. 75.

²¹³ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 51.

²¹⁴ SVP Parteiprogramm. 2019. P. 116.

²¹⁵ Vlaams Belang-voorzitter Van Grieken: "13 procent K3-kandidaten geeft zich op als genderneutraal, ik geloof dat niet". // VRT Be. – 2021. 15 March. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2021/03/15/vlaams-belang-voorzitter-van-grieken-13-procent-van-de-k3-kand/> (дата обращения 07.04.2023).

отрицанием науки²¹⁶. Ван Грикенутверждал, что взгляды его партию на проблемы гендера характерны для более широких слоев общества и обращался к опыту Дж.К. Роулинг, автора серии книг о Гарри Поттере, которая подверглась шквалу критики за ее позицию касательно использования термина «женщины»: «нельзя назвать Дж.К. Роулинг поклонницей правого движения в Европе»²¹⁷.

Еще одним врагом правых популистов в сфере равенства мужчин и женщин становится вокизм²¹⁸. Так, в ответ на расширение применения политики разнообразия крупнейшим швейцарским банком UBS в 2022 году, члены молодежного крыла Швейцарской народной партии, заявили о закрытии своих счетов в банке и призвали членов партии сделать то же самое в знак протеста против «вокистской» политики банка. Активисты обвинили банк в продвижении «нетолерантной» политики, включающей «заумные гендерные правила» и пропагандирующей «трансгендерную идеологию»²¹⁹. Поддерживают молодёжную организацию и старшие члены партии: Эстер Фридли, представляющая SVP в совете кантонов Швейцарии, обращала внимание на тенденцию, согласно которой «вокистская культура имеет множество черт, роднящих ее с религиозным фанатизмом»²²⁰ и призывала к активному противостоянию такой идеологии и блокированию гендера на всех политических уровнях.

Гирт Вилдерс высказывался против распространения ценностей вокизма, обращая внимание на установление над «политически корректными»

²¹⁶«Verkondigen dat geslacht zo simpel is als X en Y, is de wetenschap ontkennen». // Knack. – 2021. 23 March. URL: <https://www.knack.be/nieuws/verkondigen-dat-geslacht-zo-simpel-is-als-x-en-y-is-de-wetenschap-ontkennen/> (дата обращения 07.04.2023).

²¹⁷ Vlaams Belang-voorzitter Van Grieken: "13 procent K3-kandidaten geeft zich op als genderneutraal, ik geloof dat niet". // VRT Be. – 2021. 15 March. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2021/03/15/vlaams-belang-voorzitter-van-grieken-13-procent-van-de-k3-kand/> (дата обращения 07.04.2023).

²¹⁸ От английского “woke” – проснуться. Под вокизмом понимается усиленное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и гендерной справедливости.

²¹⁹ Neuhaus C. Nach «Layla» kommt die «woke UBS» an die Reihe – die Junge SVP startet eine Gegenrevolution. / C. Neuhaus // NZZ. – 2022. 28 July. URL: <https://www.nzz.ch/schweiz/layla-und-die-woke-ubs-ein-fall-fuer-die-junge-svp-ld.1695581?reduced=true>. (дата обращения 25.09.2023).

²²⁰«Die Woke-Kultur hat religiös-fanatistische Züge». // Tages Anzeiger. – 2023. 27 January. URL: <https://www.tagesanzeiger.ch/wir-werden-auf-allen-ebenen-anti-gender-vorstoesse-einreichen-820896833362>. (дата обращения 25.09.2023).

Нидерландами «ужасной вокистской диктатуры»²²¹. Поводом к подобному высказыванию послужила замена обращения «дамы и господа» в голландском железнодорожном транспорте на гендерно-нейтральное слово «путешественники». Подобный пример сопротивления инклюзивному языку и предпочтения традиционных выражений согласуется с более широкой политической позицией Вилдерса, известного своими резкими антииммиграционными и антимультикультуралистскими взглядами. Это отражает его убеждение в том, что голландское общество должно сохранять свои традиционные ценности и язык, сопротивляясь внешнему влиянию, которое, по его мнению, угрожает этим традициям.

FN обратился к теме гендерной идеологии как части идеологии «вокизма» только в последнее время. В мае 2023 года Марин Ле Пен высказалась по поводу своих чувств в отношении к «вокистской идеологии», охарактеризовав ее как «зачинщика цивилизационного перелома в образе секты, которая не произносит своего имени». Она резко осудила «новый инквизиторский пуританизм» и призвала к «моральному оздоровлению»²²². В прессе это было расценено как попытка использования общественных проблем для того, чтобы попытаться заманить в свои сети электорат, отступающий от левых позиций²²³.

Правые популисты используют проблему равенства между мужчинами и женщинами двойственно. С одной стороны, признавая гендерное равенство как неотъемлемую часть европейской идентичности и традиции, защитниками которых они себя позиционируют, правые популисты провозглашают курс на поддержку и защиту равенства. При этом они обращают внимание на то, что равенство мужчин и женщин должно поддерживаться в обществе изнутри, без всякого стороннего вмешательства – как в жизнь, так и в образование, и не

²²¹ Geert Wilders binnenkort te gast bij Vandaag Inside. // Gids TV. – 2023. 15 November. URL:<https://www.gids.tv/video/375457/video-geert-wilders-hekelt-woke-dictatuur-van-politiek-correct-nederland-en-is-klaar-met-genderneutraliteit>. (дата обращения 25.09.2023).

²²² Au Havre, Marine Le Pen dénonce "l'idéologie woke". // Youtube. – 2023. 1 May. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=1XOtvgd7GzU>. (дата обращения 25.09.2023).

²²³ Marine Le Pen à l'assaut du wokisme. // Charlie Hebdo. – 2023. 1 May. URL:<https://charliehebdo.fr/2023/05/politique/rn-marine-le-pen-a-lassaut-du-wokisme/> (дата обращения 25.09.2023).

является предметом для государственного регулирования и воздействия. Парадоксальным образом, одним из главных врагов равенства женщин и мужчин для правых популистов становится феминизм, а также связанные с ним гендерная и вокистская идеология. Они обращают внимание на то, что гендерная идеология антинаучна, стремится ограничить права женщин, «одурманить» их, и в перспективе может привести к ограничению прав части общества и отказу от традиционных ценностей, которые и делают европейскую цивилизацию европейской.

2.2. Эволюция антимигрантской повестки правых популистов: женские права как ключевой элемент европейской идентичности

Вопрос миграции стал центральным для правых популистских движений, стремящихся укрепить власть и изменить общественные нормы. В основе этого явления лежит стратегическая эксплуатация страха, особенно в отношении предполагаемого воздействия мигрантов на европейские общественные структуры и культурные ценности. Центральным элементом этого нарратива является представление мигрантов как угрозы благополучию и безопасности женщин, получившего распространение в риторике правых популистов. Эти движения стремятся нормализовать и оправдать свою антимигрантскую повестку тем, что они рассматривают миграцию через призму прав и безопасности женщин. В этом параграфе исследовательский фокус сосредоточен на пересечении проблемы женских прав и антимигрантского курса в повестке правых популистов. Анализ того, как правые популисты включают женские права в контекст европейской идентичности, может помочь объяснить, как правые популисты используют гендерную динамику для достижения своих политических целей.

Общим трендом для европейских правых становится радикальная смена имиджа: из оплота ксенофобски настроенных консерваторов они стремятся превратиться в движение, привлекающее к себе новый электорат: прежде всего, голоса молодежи и женщин. В рамках таких изменений (которые находят свое

отражение, в частности, в «дедемонизации» французского «Национального объединения» Марин Ле Пен и в продвижении «Альтернативы для Германии», как партии готовой предложить свежий взгляд на решение немецких проблем, поворота Фламандского интереса к более умеренной риторике) правые популисты по-прежнему остаются защитниками традиционных ценностей, однако, они меняют само наполнение этого концепта. Теперь под традиционными ценностями они понимают ценности европейские, а европейская идентичность становится одним из важнейших опорных пунктов в политических программах правых. Можно говорить и о том, что катализатором формирования и осознания европейской идентичности в современности выступает миграционный кризис, который привел к противопоставлению европейских и «неевропейских» ценностей. Именно на острие противостояния двух ценностных матриц и происходят наиболее активные дебаты по поводу того, что значит быть европейцем. Таким образом, складывается ситуация, в которой идентичность мусульман-мигрантов теперь противопоставляется европейской идентичности, одним из ключевых элементов которой правые популисты называют права женщин²²⁴.

Такая адаптивность традиционно ассоциировавшихся с патриархальными устоями правых популистов связана с тем, что «традиционный», неприкрытый расизм уступил место новым формам нетерпимости, в связи с чем, правые оказались вынуждены искать новые оправдания своим взглядам²²⁵. Одним из таких оправданий становится женская эмансипация как один из основополагающих элементов европейского самосознания, что позволяет правым популистам выступать не в качестве расистов, а в качестве поборников гендерного равенства и защитников Европы. Завоевания феминизма признаются правыми популистами в качестве утвердившегося европейского наследия, которое теперь необходимо защитить от патриархальной угрозы ислама. Как отмечает С. Фаррис, стигматизация мусульманских мужчин-мигрантов как

²²⁴ Бурмистрова Е. С. Гендерная проблематика в антимигрантской повестке европейских правых радикалов //История и современное мировоззрение. – 2020. – №. 4. – С. 72-80.

²²⁵ Barker M. The new racism: Conservatives and the ideology of the tribe. – Junction Books. 1981. P. 23-25.

«женоненавистников и отсталых» помогла правым партиям не только соответствовать современным мейнстримным требованиям, но и добиться беспрецедентного успеха на выборах²²⁶.

Помимо угрозы «своим» ценностям, таким как гендерное равенство, более конкретные угрозы конструируются вокруг социальных вопросов и проблем безопасности. Они также часто представляются в гендерном ключе, в обращении к местным женщинам как к (потенциальным) жертвам, а к местным мужчинам – как к спасителям, или к «своим» семьям, которые всегда представляются как гетеросексуальные и соответствующие «правильному» гендерному порядку. Фоном для этих угроз служит идея о том, что на карту поставлена наша «этническая идентичность» – понятие, связанное с пониманием «народа», основанным как на биологии, так и на культуре. Оба эти аспекта являются гендерными, поскольку женщинам и мужчинам приписываются определенные роли как в биологическом, так и в культурном воспроизводстве «народа»²²⁷.

Современные правые часто выступают против консервативных мусульманских общин. Так, согласно исследованию К. Вуда и В. Финли, Британская национальная партия склонна характеризовать мусульман как некую единую общность, представляющую угрозу британской культуре. В рамках исследования было особо подчеркнуто, что такое отношение характерно для «новой исламофобии», в рамках которой представители исламской культуры изображаются как культурно и идеологически несовместимые с христианством, доминирующим в Европе²²⁸. Схожих позиций придерживаются и непартийные британские правые, в частности, представители «Лиги английской обороны» часто говорят о распространении законов шариата в Европе. В качестве своей миссии они указывают противостояние шариату, исламскому понятию «неверных» и политически корректному изображению ислама в Великобритании.

²²⁶ Farris S. In the name of women's right. The rise of femonationalism. – Duke University Press. 2017. P. 28.

²²⁷ Mayer S., Šori I., Sauer B. Gendering 'the People'. Heteronormativity and 'Ethnomasochism' in Populist Imaginary // Populism, media and education: Challenging discrimination in contemporary digital societies. – 2016. – P. 84-104.

²²⁸ Wood C., Finlay W. M. British National Party representations of Muslims in the month after the London bombings: Homogeneity, threat, and the conspiracy tradition / British Journal of Social Psychology. 2008. № 47. P. 707-726.

Их главная цель – защита рабочего класса от «глобальной исламификации», которая в частности находит отражение в «принижении и притеснении женщин, организованном сексуальном насилии над детьми, калечащих операциях на женских половых органах, так называемых убийствах чести и гомофобии»²²⁹. При этом члены Лиги английской обороны признают, что сами мусульмане также являются жертвами исламских традиций и права отдельных британских мусульман, включая равные права для мусульманок, следует защищать. Таким образом, критика правых популистов зачастую становится направленной против идеологии ислама в целом, а не против отдельных мусульман. Так, стержнем политических предложений PVV во время выборов 2017 года стала «деисламизация Нидерландов»²³⁰, в рамках которой предлагались такие меры как налог в размере 1000 евро на ношение хиджаба, запрет в стране на Коран и предложение закрыть все мечети в Нидерландах.

Связь между угрозой женским правам и безопасности с угрозой со стороны мигрантов прослеживается в большинстве политических программ правых популистов.

Одним из пунктов в 144 президентских обещаниях Марин Ле Пен является защита женских прав. При этом основным содержанием восстановления прав женщин является «борьба с исламизмом, отнимающим основные женские свободы»²³¹. В программе FPÖ 2008 года также обращается внимание на то, что результатом иммиграции из неевропейских стран становится угроза женскому равноправию²³². В программе PVV 2012 года дискриминация женщин связывается с ростом количества мигрантов неевропейского происхождения²³³, в программе 2021 года отмечается, что «женщины часто становятся первыми

²²⁹ English Defence League Mission Statement. // English Defence League. – 2016. 3 January. URL: <http://www.englishdefenceleague.org.uk/mission-statement> (дата обращения 25.09.2023).

²³⁰ Dutch MP vows to 'de-Islamize' nation, calls mosques 'Nazi temples' // Times of Israel. 2017. 14 February. URL: <https://www.timesofisrael.com/dutch-mp-vows-to-de-islamize-nation-calls-mosques-nazi-temples/> (дата обращения 25.09.2023).

²³¹ 144 Présidentiels. 2017. P. 4.

²³² Parteiprogramm der FPÖ. 2008. P. 12.

²³³ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2012. P. 35.

жертвами исламизации»²³⁴. В политических программах VB проблема угнетения женских прав встроена в контекст увеличения влияния незападных ценностей на жизнь бельгийцев. Отмечая, что «приоритет шариата и исламского права неприемлем в условиях демократии», представители VB ставят во главу угла «свободу выражения мнений, терпимость, недискриминацию, отделение церкви от государства»²³⁵. Они обращают внимание на то, что в исламском праве «не считается само собой разумеющимся, что к мужчинам и женщинам нужно относиться одинаково ... что человек может свободно выбирать, с кем он хочет вступить в брак»²³⁶. Ислам не «не признает равных прав для женщин»²³⁷, что делает его несовместимым с европейским пониманием прав человека. AFD в своих программах предлагает обратить внимание на то, что ислам угрожает не только правам европейцев, но и «сами мусульманки становятся жертвами угнетения»,²³⁸ и призывает к повсеместному поддержанию равенства между мужчинами и женщинами. В противовес немецким правым, PVV обращает внимание на то, что мусульманки, являясь частью тренда исламизации страны, также приносят нидерландскому обществу множество проблем: «мусульманки отказываются от лечения у врачей-мужчин, мусульманки не хотят, чтобы за ними ухаживали медбратья-мужчины»²³⁹. В отличие от своих европейских коллег, швейцарские правые не поднимают «женскую тему» по отношению к проблемам ислама и мигрантов, хотя в программе все же упоминается необходимость запрета паранджи, хоть и без всякого основания. Использование темы ислама как одной из главных угроз для женских прав в политических программах правых популистов дополняется акцентом на том, что источником проблем в отношении реализации женского равноправия является государство, которое не борется с мигрантской угрозой и не способно создать условия для комфортного существования женщины.

²³⁴ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2021. P. 6.

²³⁵ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 20.

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2010. P. 18.

²³⁸ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 84.

²³⁹ De agenda van hoop en optimisme. 2010.

PVV в своей программе 2010 года предстают защитниками Нидерландов от серии угроз, с которыми сталкивается страна. Так, в ней говорится о том, что предыдущая угроза, мультикультурный эксперимент, лишь стал причиной неудобств, в том время как «ислам приносит нам не культурное обогащение, а шариатский фатализм, джихад-терроризм и ненависть к геям и евреям»²⁴⁰. Задавая в своей программе основные ценностные ориентиры в социально-экономической политике, PVV ставят на первое место права людей, под которыми они подразумевают «хорошую заботу о пожилых, права женщин и геев»²⁴¹. Противопоставляя ислам традиционным иудео-христианским и гуманистическим ценностям, которые «сделали Нидерланды такими успешными», PVV в своей программе отмечают, что нельзя воспринимать всерьез тех, кто считает, что исламизация сводится к одной проблеме. Массовая иммиграция не только ведет к экономическому краху и исламизации здравоохранения, но и «усиливает незащищенность на улицах, ведет к исходу из наших городов, вытесняет евреев и геев, и смывает эмансипацию женщин в унитазах»²⁴². Вина в угнетении прав незащищенных групп населения при этом лежит не только на мигрантах, но и на государстве, которое в последние десятилетия проводило политику «открытых границ» и «культурного релятивизма», что привело к «зависимости от пособий, насилию в отношении геев и женщин, убийствам чести, массовым отчислениям из школы»²⁴³. Раздел, посвященный национальной культуре, в очередной раз заостряет внимание на том, что иудео-христианские и гуманистические корни культуры Нидерландов ведут к необходимости сделать выбор в пользу защиты «основных частей нашей культуры», включая равенство мужчин и женщин»²⁴⁴. Программа 2012 года продолжает тот же курс, фокусируясь на том, что ислам становится причиной импорта в Нидерланды множества проблемобия²⁴⁵.

²⁴⁰ De agenda van hoop en optimisme. P. 6.

²⁴¹ Ibid.

²⁴² Ibid. P. 7.

²⁴³ Ibid. P. 13.

²⁴⁴ Ibid. P. 33.

²⁴⁵ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2012. P. 35.

Жертвами исламизации в программе PVV 2021 года признаются женщины, престарелые, евреи и христиане²⁴⁶.

Для более яркой иллюстрации партийной повестки Гирт Вилдерс на протяжении долгого времени постоянно ссылаясь на Хенка и Ингрид – вымышленных персонажей, олицетворяющих рядовых граждан Нидерландов, которых он представляет. Хенк и Ингрид, проживающие в кварталах Vinex, являются семьей, характеризующийся двойным доходом и двумя детьми, посещающими школу, что является символом той демографической группы, на которую ориентирована политика PVV. Они служат примером обычных голландских семей, находящихся под защитой политики PVV, особенно в отношении проблем, связанных с иммиграцией. Об этом свидетельствует лозунг «Хенку и Ингрид надоело платить за Али и Фатиму»²⁴⁷, активно использовавшийся в избирательных кампаниях PVV вплоть до 2012 г. Перелом произошел в 2012 г., когда в СМИ получила широкую огласку ссора соседей, приведшая к трагическому убийству 64-летней Кары Азиз: виновника преступления, по совпадению, звали Хенк, а его супругу – Ингрид²⁴⁸. Этот инцидент, ставший для PVV пиар-ударом, заставил Вилдерса отказаться от дальнейшего упоминания этих имен.

В программах SVP женщины также включаются правыми в круг наиболее уязвимых к насилию и преступности групп населения, наряду с пожилыми людьми: «многие женщины и пожилые люди больше не осмеливаются выходить на улицу вечером и ночью»²⁴⁹, «пожилые люди, а также, женщины больше не осмеливаются выходить в темноте на улицу. Молодые люди, особенно молодые женщины, становятся жертвами неподобающих прикосновений, угроз или даже нападений на улице»²⁵⁰. И хотя в этих разделах напрямую не говорится о том, что

²⁴⁶ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2021. P. 7, 19.

²⁴⁷ Geert Wilders' PVV is ready to rule on behalf of Henk and Ingrid. // Dutch News. – 2010 – 23 April. – URL: https://www.dutchnews.nl/2010/04/geert_wilders_pvv_is_ready_to/ (дата обращения 25.09.2023).

²⁴⁸ Dutch embrace radical left as European dream sours. // The Guardian. – 2012 – 2 September. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/sep/02/netherlands-elections-socialist-party> (дата обращения 25.09.2023).

²⁴⁹ SVP Wahlplattform. 2007. P. 34.

²⁵⁰ SVP Parteiprogramm. 2019. P. 54.

угроза исходит от мигрантов, иллюстративный материал, используемый SVP, прямо связывает рост преступности с ростом мигрантского присутствия в стране.

Анке Ван Дермерш, представитель VB в бельгийском Сенате, в своей риторике активно подчеркивает, что одной из главных задач партии является защита женских интересов. В книге «Ни шлюха, ни рабыня – женщины и ислам», она говорит о том, что ислам представляет собой символ патриархального угнетения и порабощения женщин. В рамках этого нарратива понятие равенства связывается исключительно с «европейской культурой», которая находится под угрозой из-за иммиграции и влияния ислама. Ван Дермерш выносит заботу об «эмансипированной женщине» за пределы охраны исключительно гендерного равноправия и включает борьбу за женские права в более широкое понятие «европейской идентичности». В рамках этой концепции женщины играют ключевую роль в предполагаемом «столкновении цивилизаций» в Европе²⁵¹. Однако, понятие эмансипации ограничено конкретным подмножеством людей, а именно «белой европейской женщиной». Соответственно, не существует достаточного стимула для расширения равных прав и участия женщин за пределами «европейской культуры».

Представительницы правых популистских партий создают сети организаций в Европе, разделяющих общее видение Европы как конгломерата однородных национальных государств и пропагандируя «гетеросексуальную семью» как ее основополагающую ячейку. Примером такого транснационального сотрудничества является появление в 2012 г. инициативной организации «Женщины против исламизации», инициатором которой стала бельгийская партия VB. Возглавляемое Анке Ван Дермерш, это движение объединило видных представительниц правых фракций, в том числе Фрауке Петри (бывшую участницу AFD), Анну Клинг (FN) и Сюзанну Винтер (FPÖ). Их коллективная деятельность направлена на переосмысление таких понятий, как феминизм, либерализм и эмансипация в соответствии со своей идеологией. Примечательно, что они стратегически трактуют эмансипацию как «западную норму»,

²⁵¹ Van dermeersch A. Weder Hure noch Sklavin – Frauen und Islam. Medienvielfalt Verlags GmbH. 2012.

противопоставляя ее исламским ценностям и тем самым усиливая ее несовместимость с последними. Это явление подчеркивает меняющуюся роль женщин в правых кругах, которые стремятся изменить социальные и политические нарративы в более широком, наднациональном масштабе.

На новостных порталах, близких по ориентациям к правым популистам, наблюдается тенденция выносить в заголовки новостей преступления мигрантов по отношению к женщинам. И немецкие Junge Freiheit и Compact Online, и французский L'Incorrect регулярно освещают проблемы насилия по отношению к женщинам со стороны мигрантов. Так, в 2020 году в новостных лентах этих ресурсов то и дело поднималась тема об изнасиловании 15-летней девочки-подростка несколькими мигрантами арабского происхождения в Берлине в августе и похищении, избиении и изнасиловании 20-летней студентки в Анже в сентябре рецидивистами из Косово²⁵². При этом особо обращается внимание на тот факт, что несмотря на то, что женщины регулярно подвергаются изнасилованию со стороны мигрантов, органы правопорядка, либеральные СМИ и действующая власть оказываются не готовы публично рассматривать эти дела и предпочитают замалчивать их. Таким образом, проблема мигрантской угрозы по отношению к женщинам становится не только смягчающим оправданием ксенофобских настроений правых популистов, но и позволяет им активно упрекать в бездействии своих политических оппонентов.

Особо крупная волна высказываний о мигрантской угрозе по отношению к женщинам была связана с массовыми нападениями мигрантов на женщин, совершенных в канун нового 2016 года в Кельне. По данным местных властей Кельна, более тысячи женщин заявили в полицию о преступных действиях со стороны мигрантов (из них около пятисот жалоб на сексуальное насилие). В результате расследования было выявлено, что большинство подозреваемых в

²⁵² См.: Politik als kriminelle Beihilfe // Junge Freiheit. 21 August 2020. URL: <https://jungefreiheit.de/debatte/kommentar/2020/politik-als-kriminelle-beihilfe/> (дата обращения: 10.10.2020); Tenue correcte exigée // L'Incorrect. 15 septembre 2020. URL: <https://lincorrect.org/tenue-correcte-exigee-lincorrect/> (дата обращения: 10.10.2020).

нападении были беженцами и нелегальными мигрантами североафриканского происхождения.

Реакция на эти события, на которые полиция в очередной раз, по мнению правых популистов, отреагировала недостаточно быстро и в недостаточной мере публично, вышла за пределы Германии и, в частности, активно использовались в дискурсе французских правых. Так, например, Марион Марешаль Ле Пен, представительница либерально-консервативного крыла французских правых, в своей яркой парламентской речи 2017 года использовала пример этих событий (заявив о 1200 случаях сексуального насилия) для того, чтобы в очередной раз обратить внимание на то, что истинным врагом женщин являются исламисты, а также на то, что «феминистки и исламисты выступают заодно»²⁵³.

Особого внимания в данном контексте заслуживает позиция Марин Ле Пен, которая воспользовалась сложившейся ситуацией, чтобы «обратиться к французскому народу не только как политический лидер, но также как женщина». В своем комментарии для L'Opinion Марин заявила о «новой форме социального, человеческого и морального регресса, навязанного миграционным кризисом» и лишаящего француженок в частности и европейек в целом «драгоценных свобод, за которые так долго и упорно боролись их матери и бабушки»²⁵⁴. Цитируя Симону де Бовуар, Марин также отметила, что, по ее мнению, «миграционный кризис сигнализирует о начале конца прав женщин». В очередной раз проблема мигрантов стала поводом упрекнуть политических конкурентов в безответственности и слабости. В целом, весь дискурс Марин Ле Пен по данной проблеме напрямую направлен на то, чтобы связать харассмент на французских улицах с последствиями иммиграции: «Уличные домогательства в подавляющем большинстве случаев являются связаны с гражданами-мигрантами, которые привозят с собой культуру, которая, прежде всего, является культурой неуважения к женщинам, подчинения женщин и даже, для многих из них,

²⁵³ Marion Maréchal Le Pen explains why feminists are hypocrites. // Youtube – 2017. 1 February. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cmhFLUesQB8> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁵⁴ Marine Le Pen: «Un référendum pour sortir de la crise migratoire». // L'Opinion. – 2016. 13 Janvier. URL: <https://www.lopinion.fr/edition/politique/marine-pen-referendum-sortir-crise-migratoire-94568> (дата обращения: 10.10.2020).

презрения к женщинам»²⁵⁵. Отдельное внимание уделяется и имущественным правам женщин-мусульманок, в связи с дискуссиями о возможности применения исламского права наследования в Европе. Накануне выборов в Европарламент 2019 года французские правые обращали в своих предвыборных материалах внимание на то, что некоторые французские мусульманки могут быть лишены наследства посредством применения исламского права, что, по их мнению, считается недопустимым²⁵⁶. Такая точка зрения полностью соотносится с общим духом политической программы «Национального объединения» и углубляет понимание этой проблемы правыми популистами, закрепляя в качестве главной угрозы женскому благополучию ислам. Французские правые популисты утверждают, что, борясь с исламом, а именно с мужчинами-мусульманами, которых они считают главными виновниками сексуального насилия, они борются за женские права.

Риторика «Альтернативы для Германии» в отношении положения женщины, также тесно связана с проблемами противостояния исламизации. Так, внимание партии заострено на том, что главной угрозой положению женщины выступают патриархальные исламисты. Кроме того, мягкая политика немецких властей в отношении мигрантов активно подвергается критике немецких правых. Так, Алис Вайдель, лидер «Альтернативы для Германии» прямо обвиняет Ангелу Меркель в возросшем уровне изнасилований и сексуальных домогательств: «молодые женщины и девушки расплачиваются за совершенно неправильную политику федерального правительства!»²⁵⁷. Женщинам настойчиво прививают идеи о том, что их безопасность находится под угрозой, когда мигрантам, особенно из мусульманских стран, разрешается пересекать границу. В условиях,

²⁵⁵ Marine Le Pen associe le harcèlement de rue aux "ressortissants de l'immigration". // L'Express. – 2018. 15 Janvier. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/fn/marine-le-pen-associe-le-harcelement-de-rue-aux-ressortissants-de-l-immigration_1976268.html (дата обращения: 10.10.2020).

²⁵⁶ Femmes françaises fières de nos libertés!. // Rassemblement national. – 2019. URL: https://rassemblementnational.fr/telecharger/publications/A4_4_PAGES_JOURNEE_FEMME_2019_HD.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

²⁵⁷ Weidel A. Frauen und Mädchen sind Leidtragende verfehlter Migrationspolitik der Regierung. // Alternative für Deutschland. – 2019. 10. Juli. URL: <https://www.afd.de/alice-weidel-frauen-und-maedchen-sind-die-leidtragenden-verfehlter-migrationspolitik-der-regierung/> (дата обращения: 10.10.2020).

когда немецкое правительство оказывается неспособным защитить простых немцев от угроз со стороны мигрантов, AFD называют себя «единственной партией в Германии, которая действительно борется за права женщин»²⁵⁸, и призывают ужесточить миграционную политику.

Беатрис фон Шторх, представительница AFD, обращала внимание на то, что действия правительства лишь способствуют нарастанию угрозы по отношению к женщинам со стороны мигрантов. Особым поводом для критики со стороны Шторх послужил случай в августе 2023 года, когда 23-летний Мохаммад М., обвиненный в сексуальных домогательствах и изнасиловании и признавший свою вину, был отпущен судом: «Что это за страна, где многократным сексуальным преступникам и насильникам разрешено свободно передвигаться, потому что они “интегрировались” как мигранты и “хорошо вели себя” в Германии? Судебная система уже присуждает бонусы мигрантам- насильникам? Какая сломанная судебная система посылает такой фатальный сигнал молодым “мужчинам” относиться к девушкам и женщинам в Германии как к добыче?»²⁵⁹ Шторх выступает за более жесткие меры против мигрантов и их влияния на безопасность и благополучие женщин, а также за ответственность государства в этом контексте.

Яркой иллюстрацией к позициям немецких правых выступают плакаты, используемые ими во время предвыборных кампаний различного уровня – как национальных, так и европейских. В ходе предвыборной кампании 2019 года «Альтернативой» были использованы плакаты, на которых была изображена картина Жана-Леона Жерома «Арабский рынок наложниц», на которой мужчины с темным цветом кожи рассматривают светлокожую рабыню, выставленную на продажу. Поверх картины располагался призыв «Не дать Европе стать Еврабией» (Damit aus Europa kein “Eurabien” wird!), подчеркивающий противоречия между

²⁵⁸ From Le Pen to Alice Weidel: how the European far-right set its sights on women. // The Guardian. –2019. 29 January. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/jan/29/from-le-pen-to-alice-weidel-how-the-european-far-right-set-its-sights-on-women> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁵⁹ Beatrix von Storch: Schandurteil – Mädchen und Frauen werden Freiwild für „Männer“. // AFD Bundestag. –2023. 3 August. URL: <https://afdbundestag.de/beatrix-von-storch-schandurteil-maedchen-und-frauen-werden-freiwild-fuer-maenner/> (дата обращения: 25.10.2023).

европейскими ценностями уважения к женщине и исламистским патриархатом. Исследуя визуальную репрезентацию мигрантов в риторике AFD, Николь Дорр отмечает, что «профессиональное сочетание дискурсивных и визуальных риторических стратегий позволяет партии высмеивать, стыдить мусульманские меньшинства и осуждать их “инаковость”, а также присваивать феминистские нормы гендерного равенства и сексуальной свободы»²⁶⁰.

Права женщин становятся для правых популистов ключевой категорией, благодаря которой проводится водораздел между европейцами, разделяющими ценности развитого современного мира, и мусульманами, стоящими на позициях патриархата. Иначе говоря, «современное большинство» противопоставляется «отсталому меньшинству»²⁶¹. Соответственно, любой продвинутой европейец, разделяющий опасения по поводу мигрантской угрозы, по мнению правых популистов, предпочтет поддержать не основные политические партии страны, а движения, одновременно выступающие и за защиту от внешнего вторжения, и за укрепление женского равноправия.

Одной из самых популярных тем для правых популистов в отношении гендерной ограниченности мигрантов являются дебаты о праве на ношение мусульманками хиджаба в общественных местах.

В исследовании, посвященном деятельности FPÖ за период с 2006 по 2020 г., Б. Сауэр прибегает к теории биополитики (власть контролировать население) и некрополитики (власть решать, кому жить или умереть), позволяющие по-новому взглянуть на то, как религия используется правопопулистскими партиями. Эти теории применяются при рассмотрении того, как FPÖ изображает ношение хиджаба как угнетение, предполагая, что мусульманские женщины являются жертвами, нуждающимися в освобождении. Это создает аргументацию против ношения головных платков в школах. Таким образом, исследование показывает, каким образом FPÖ и подобные ей партии используют гендерные, религиозные

²⁶⁰ Doerr N. The visual politics of the alternative for Germany (AfD): Anti-Islam, ethno-nationalism, and gendered images // Social Sciences. – 2021. – Т. 10. – №. 1. – P. 12.

²⁶¹ Spierings N., Lubbers M., Zaslove A., «Sexually Modern Nativist Voters»: Do They Exist and Do They Vote for the Populist Radical Right? // Gender and Education. 2017. № 29 (2). P. 216–237.

аспекты и иммиграционный контроль для создания ощущения противостояния между «своими» и «другими», способствуя маргинализации мигрантских групп населения. В рамках такого дискурса партия делает акцент на женском теле и конструирует представление об австрийском «народе», противопоставляемом мусульманским мигрантам, изображаемым как чужаки, которые должны быть исключены из общества. Б. Сауэр фиксирует противостояние христианства и ислама, причем ислам рассматривается скорее как политическая идеология, чем как вера²⁶².

Хиджаб становится символом, олицетворяющим собой противоречия между европейской и мусульманской ценностной парадигмами. С одной стороны, хиджаб становится символом женского угнетения, а с другой – выступает как политический символ ислама. В исследованиях отмечается, что согласно политической пропаганде правых, свобода женщин в основном связана со «свободным» использованием своей сексуальности, что связано с демонстрацией тела. Отсутствие этой свободы отождествляется с хиджабами, бурками, буркини и любыми другими видами тканевых покровов²⁶³. Таким образом, сексуальная свобода становится критерием, исходя из которого оценивается возможность интеграции мигрантов в западное общество.

Образ женщины, носящей хиджаб, используется для обозначения завоеваний радикального ислама в стране. Такая мысленная конструкция обозначает границу между «своими» и «чужими» посредством национализации гендера – или, что еще более важно, посредством использования женских (прикрытых или неприкрытых) тел в качестве маркеров этой границы²⁶⁴.

Говоря о том, что паранджа по своей сути является ущемлением женской свободы, члены «Лиги английской обороны» отмечают, что паранджа и никаб вселяют страх в немусульман, унижают достоинство женщин и способствуют

²⁶² Sauer B. Radical right populist debates on female Muslim body-coverings in Austria. Between biopolitics and necropolitics // *Identities*. – 2022. – Т. 29. – №. 4. – P. 447-465.

²⁶³ Spini D. Unveiling Violence: Gender and Migration in the Discourse of Right-Wing Populism // *Women and migration: responses in art and history*. Ed. by Willis D., Toscano E., Brooks Nelson K. Cambridge. Open Book Publishers. 2019. P. 135-154.

²⁶⁴ Yuval-Davis N. Ethnicity, gender relations and multiculturalism // *Debating cultural hybridity: multicultural identities and the politics of anti-racism*. – 1997. – P. 193-207.

сокрытию преступников и террористов²⁶⁵. Схожих позиций придерживаются представители AFD, которые в духе своей политической программы говорят о том, что мусульманский обычай закрывать лицо женщины создает барьер между носителем и его окружением, и тем самым затрудняет сосуществование в обществе мигранток и окружающих. Представители AFD говорят о том, что необходимо последовать французскому примеру (во Франции запрет на ношение хиджаба в общественных местах был принят в 2010 году) и запретить носить паранджу на государственной службе, учителям и ученикам образовательных учреждений. Алис Вайдель утверждает, что «запрет на ношение вуали в лекционном зале является правильным и необходимым. Полное отрицание социальных коммуникаций посредством полной завесы – это провокация против устоев нашей цивилизации»²⁶⁶. Образ хиджаба использовался немецкими правыми для подчеркивания разницы между европейским и исламским восприятием нормы того, как должна выглядеть женщина: так, в предвыборной кампании AFD 2017 года использовался плакат, изображавший двух девушек в купальниках с надписью «”Бурка”? Мы предпочитаем бикини» (“Burkas?” Wir steh’n auf Bikinis).

При этом призыв запретить ношение паранджи пропагандируется правыми популистами не только как способ защитить европейскую женщину от посягательств на ее отвоеванные в ходе истории права, но и как способ спасти от угнетения самих мусульманок. Запрет на ношение платков трактуется как защита от проблем, связанных с религиозным воспитанием, сексуализацией и стигматизацией²⁶⁷. В русле этой политики в 2019 в Австрии было запрещено ношение хиджаба для учениц начальной школы. Правые говорят о том, что отказ от ношения паранджи поможет мусульманкам лучше интегрироваться в

²⁶⁵ Pilkington H. Loud and Proud: Passion and Politics in the English Defence League. 2016. Manchester: Manchester University Press.

²⁶⁶ Weidel A. Frauen und Mädchen sind Leidtragende verfehlter Migrationspolitik der Regierung. // Alternative für Deutschland. – 2019. 10. Juli. URL: <https://www.afd.de/alice-weidel-frauen-und-maedchen-sind-die-leidtragenden-verfehlter-migrationspolitik-der-regierung/> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁶⁷ Kopftuchverbot in Österreich für Grundschülerinnen: Gegen politischen Islam und Unterwerfung. // Compact Online. – 2019. 16. Mai. URL: <https://www.compact-online.de/kopftuchverbot-in-oesterreich-fuer-grundschuelerinnen-gegen-politischen-islam-und-unterwerfung/> (дата обращения: 10.10.2020).

европейское сообщество, указывая, например, на исследования, согласно которым люди в меньшей степени готовы оказать помощь женщине, носящей паранджу.

Кроме того французские правые отмечают, что паранджа является одновременно и «принижением женщины, низведенной до состояния сексуального объекта» и «оскорблением мужчины, образ которого сводится к потенциальному сексуальному хищнику»²⁶⁸. Таким образом, опрессивность паранджи воздействует не только на женщин, но и на мужчин. В очередной раз постулируется несовместимость европейских ценностей и ислама.

Ношение паранджи становится символом провала европейской миграционной политики. Однако, правых беспокоит не только то, что на улицах можно видеть мусульманок, одетых в паранджу, но и то, что платок на голове входит в европейскую моду²⁶⁹. Такие опасения правых приводят их к смычке с феминистскими организациями, в том числе Terre des Femmes. На правых новостных порталах активно освещалась дискуссия «Паранджа: модный аксессуар, религиозный символ или политический инструмент?»²⁷⁰. Основной задачей этого мероприятия было обратить внимание на то, что тенденция, в рамках которой паранджа отождествляется с модой или искусством, сводит на нет всю феминистскую борьбу против патриархальной религии. Паранджа в таком контексте продолжает выступать в качестве способа контроля над физическим и сексуальным самоопределением женщины со стороны религии и государства. И женщин, добившихся свободы носить брюки и мини-юбки, не устраивает такой откат назад, приводящий к насаждению принижающего женщину мировоззрения.

Эта позиция тесно связана с взглядом на паранджу как на некий символ «завоевания» мусульманами Европы. Рено Камю, размышляя о Великом

²⁶⁸ La laïcité peut-elle constituer un rempart face au communautarisme islamique?. // L'Incorrect. – 2019. 14 octobre. URL: <https://lincorrect.org/la-laicite-peut-elle-constituer-un-rempart-face-au-communautarisme-islamique/> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁶⁹ Achtung, das Kopftuch kommt!. // Der Spiegel. – 2018. 11 August. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/fashion-guerilla-achtung-das-kopftuch-kommt-kolumne-a-1222437.html> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁷⁰ Prügelei in Uni Frankfurt: Beim Thema „Verschleierung“ fliegen die Fäuste. // Compact Online. – 2020. 17 Januar. URL: <https://www.compact-online.de/pruegelei-in-uni-frankfurt-beim-thema-verschleierung-fliegen-die-faeuste/> (дата обращения: 10.10.2020).

замещении, говорил о том, что нашествие мигрантов можно сравнить с военной оккупацией Европы. При этом попытки возразить, что эти армии не носят мундиров, также бессмысленны – «ее носят их женщины, чьи чадры, никабы и паранджи крайне важны в нынешней захватнической войне как способ заявить о завоеванных территориях, развернуть аванпост на карте и снизить моральный дух побежденных народов»²⁷¹. Французские правые отмечают, что «паранджа является знаменем политического ислама, нацеленным на завоевание публичного пространства»²⁷². В русле подобных размышлений паранджа трактуется как политический инструмент для насаждения исламского мировоззрения, а запрет на ношение паранджи должен сыграть роль сигнала, направленного против политического ислама. Одним из проявлений такой политики можно назвать эпизод, который привлек внимание прессы в 2017 году, когда запланированная встреча Марин Ле Пен с верховным муфтием Ливана была отменена из-за того, что Марин отказалась надеть платок, отметив, что он не совместим с теми ценностями, в которых она была выращена как француженка.

Проблема ношения головного платка закреплена и в политических программах правых популистов. Ключевое слово «хиджаб» упоминается во всех программах VB и PVV, программах AFD 2017 и 2021 годов, FPÖ 2008, 2017 и 2019 годов, программах SVP 2015 и 2019 годов, программе FN 2007 года и программе ADR 2017 года.

В случае швейцарских правых хиджаб рассматривается, прежде всего, как религиозный символ, связанный с исламом. В программе SVP запрет на ношение головного платка для тех, кто работает в системе здравоохранения, полиции, на государственной службе или в преподавательской среде²⁷³ или для учениц школ,²⁷⁴ связывается с необходимостью защиты христианского фундамента европейской культуры и государства.

²⁷¹ Camus R. You will not replace us! Plieux. 2018. P. 56.

²⁷² La laïcité peut-elle constituer un rempart face au communautarisme islamique?. // L'Incorrect. – 2019. 14 octobre. URL: <https://lincorrect.org/la-laicite-peut-elle-constituer-un-rempart-face-au-communautarisme-islamique/> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁷³ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 93.

²⁷⁴ SVP Parteiprogramm. 2019. P. 123.

Хиджаб также выступает символом исламизации страны для голландских правых популистов; однако они рассматривают этот вопрос не в религиозном, а в социально-экономическом измерении. Если в программах PVV 2006 и 2010 годов необходимость запрета ношения хиджаба в государственных учреждениях указывалась без всякого обоснования²⁷⁵, то в программе 2012 года хиджаб понимается как маркер распространения и нормализации ислама в стране: «на практике это означает все больше ислама, все больше головных платков, все больше преступности, обнищания, зависимости от пособий и средневековых взглядов»²⁷⁶. Распространение ислама, согласно политическим программам PVV, приведет не только к тому, что «*Henk and Ingrid pay for Ali and Fatima*» (Хенк и Ингрид платят за Али и Фатиму), но и к «исламскому апартеиду в сфере гендерных отношений»²⁷⁷. PVV в своей программе призывают бороться с «триумфом ислама»²⁷⁸, находящим отражение в парандже и требуют запретить ношение паранджи, запретить ношение головных платков в государственных учреждениях и обложить их ношение налогом.

Часто в программах правых встречается и понимание хиджаба как символа наступления на женские права. Так, отдельные пункты программ AFD посвящены головным платкам. Немецкие правые призывают запретить ношение хиджаба в общественных местах, так как он не только препятствует сосуществованию мусульманских женщин в немецком обществе, но и «как религиозно-политический символ подчинения мусульманских женщин мужчинам несовместим с интеграцией и равноправием женщин и девушек, а также со свободным развитием личности»²⁷⁹.

Австрийская FPÖ также говорит о том, что «принудительные браки, калечащие операции на половых органах или принудительное ношение головных платков являются явными сигналами угнетения женщин»²⁸⁰ и им нет места в

²⁷⁵ De agenda van hoop en optimisme. 2010. P. 15.

²⁷⁶ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2012. P. 11.

²⁷⁷ De agenda van hoop en optimisme. 2010.

²⁷⁸ Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma. 2012. P. 26.

²⁷⁹ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017. P. 55.

²⁸⁰ Parteiprogramm der FPÖ. 2008. P. 12.

австрийском обществе, где эмансипация женщин является основной ценностью. Наличие прямой связи между угнетением женщины и ношением головного платка приводит к требованию о запрете ношения хиджабов в общественных местах: «платкам и паранджам нет места в государственных учреждениях. Они являются символом не эмансипации женщин, а их угнетения»²⁸¹.

В программе VB 2007 года в качестве обоснования для запрета ношения хиджаба для государственных служащих указывалось то, что головные платки «экстернализируют идеологический аспект ислама, а именно неравное социальное взаимодействие между мужчинами и женщинами»²⁸². Таким образом, головной платок трактуется не как религиозный символ, а как публичный символ подчиненного положения женщин по отношению к мужчинам. В программе 2010 года VB расширили список сфер, в которых ношение хиджаба должно быть запрещено (школы, армия, судебные учреждения) в очередной раз подчеркивая, что головной платок – это «политическое заявление, а не религиозный символ»²⁸³. В программе 2014 года можно отметить легкое смягчение в риторике относительно ношения хиджаба ученицами в школах: «каждая школа должна иметь свободу, например, не разрешать ношение исламского головного платка в школьных зданиях и во время экскурсий»²⁸⁴, то есть решение должно приниматься на локальном уровне, а не на государственном. В программе VB 2019 года «навязанный женщинам головной платок» понимается как символ отрицания гражданских свобод и равенства между мужчинами и женщинами, входящих в список достижений Запада²⁸⁵. Опасения VB вызывает тот факт, что ношение головного платка стало «частью общественной культуры»²⁸⁶ в некоторых районах крупных городов, поэтому они вновь возвращаются к идее общего законодательного запрета на ношение головного платка в учебных заведениях и для государственных служащих. В программе ADR 2017 года запрет

²⁸¹ Parteiprogramm der FPÖ. 2019.

²⁸² Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 23.

²⁸³ Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2010. P. 18.

²⁸⁴ Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2014. P. 29.

²⁸⁵ Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2019. P. 31.

²⁸⁶ Ibid. P. 33.

ношения паранджи также упоминается как пример того, что некоторые вопросы, требующие общего урегулирования, должны решаться на национальном, а не муниципальном уровне²⁸⁷.

Можно заключить, что использование темы защиты женских прав является важной частью смягчения антимигрантской повестки правых популистов. Обращая внимание на то, что женское равноправие отличает европейскую идентичность от идентичности мусульман, правые популисты получают еще один стратегический рычаг воздействия на общество. В этом контексте жесткая антимигрантская позиция нормализуется тем, что она направлена на защиту женщин от патриархально настроенных мужчин-мусульман, которых правые популисты изображают как главных источников угрозы для женщин.

Одним из главных символов ислама в политических программах правых популистских партий наравне с Кораном, шариатом и мечетями становится хиджаб, который прежде всего знаменует собой угнетение женских прав. Правые популисты обращают внимание на то, что ношение хиджаба не совместимо с европейским обществом: во-первых, являющимся частью христианской ценностной матрицы, во-вторых, строящимся на признании женщины как равноправного партнера, чьи права являются неотъемлемой составляющей прав человека. Таким образом, дискуссии о запрете на ношение различных видов женского головного платка, как на уровне учебных заведений, так и просто в общественных местах, позволяют правым популистам подчеркнуть свою роль защитников гендерного равенства, а также в очередной раз указать на тот факт, что культурный код ислама несовместим с европейскими ценностями.

Преобладающее стремление изображать женщин как жертв, требующих постоянной защиты от мигрантской угрозы, затушевывает признание присущей женщинам способности к самоопределению. Правые популисты одновременно заявляют о том, что равноправие женщины является важной составляющей европейской идентичности, и в то же время виктимизация женщин в контексте антимигрантской повестки правых ставит их в подчиненное положение.

²⁸⁷ Walprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei. 2017. P. 8.

Антимигрантский нарратив в сфере женских прав переплетается с аргументами, претендующими на женскую эмансипацию, однако сами эти аргументы сохраняют по своей сути консервативный, а не инклюзивный характер. Это подчеркивает противоречивость дискурса, связанного с ролью и правами женщин в правых популистских партиях.

2.3. Семейные ценности и материнство: трансформация в дискурсе и политических программах правых популистов

Значительная часть усилий правых популистов направлена на улучшение экономических условий, в которых существуют женщины. Это тесно связано с теми проблемами, которые представляются для европейских женщин наиболее актуальными. Так, по данным опросов, проведенных группами Focus 2030 и Women Deliver, главными препятствиями на пути достижения равенства между женщинами и мужчинами признаются неравное распределение неоплачиваемой домашней работы и родительских обязанностей между женщинами и мужчинами, а также неравные возможности при устройстве на работу²⁸⁸. При этом данные опросов также показывают разнообразие женских стремлений относительно сочетания карьеры и семейной жизни: так, по данным опроса 2016 года Международной организации труда, 29% женщин во всем мире предпочли бы работать на оплачиваемой работе, и такой же процент предпочел бы остаться дома (27%), 41% женщин предпочли бы совмещать и то, и другое²⁸⁹. Исследование под руководством Карстена Виппермана 2016 года показало, что наиболее важными проблемами для молодых женщин Германии являются равная оплата труда, равные возможности в профессиональной жизни, а также качественный и бесплатный уход за детьми²⁹⁰. Команда исследователей пришла к

²⁸⁸ Citizens call for a gender-equal world: a roadmap for action. Findings from a 17-country public opinion survey on gender equality prepared for the Generation Equality Forum. 2021. P. 28.

²⁸⁹ Towards a better future for women and work: Voices of women and men. // ILO – 2017. 8 March. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_546256/lang--en/index.htm (дата обращения: 31.01.2022).

²⁹⁰ New flagship study is out: "What young women want". // Friedrich-Ebert-Stiftung. – 2016. November 21. URL: <https://connect.fes.de/trending/new-flagship-study-is-out-what-young-women-want/> (дата обращения: 31.01.2022).

выводу о том, что отсутствие справедливости в вопросе оплаты труда является основной причиной отказа от традиционных гендерных ролей для немецких женщин.

Правопопулистский дискурс, прежде всего, сосредоточен на создании таких экономических условий, в которых женщины будут чувствовать себя достаточно экономически защищенными для того, чтобы иметь возможность быть матерью-домохозяйкой. Как в своих политических программах, так и в своем дискурсе правые популисты уделяют особое внимание созданию условий для совмещения карьеры материнства для женщины, отдавая предпочтение последнему. При этом гарантом благополучия женщины становится традиционная семья, на защиту которой и направлена деятельность правых. Как отмечала представительница AFD Беатрис фон Шторх: «если женщины выбирают классическую семью как свой образ жизни, они находятся в гораздо лучшем финансовом положении, чем родители-одиночки»²⁹¹. В целом, можно говорить о том, что проблема защиты женских прав для правых популистов тесно связана с защитой института семьи.

Исследуя повестку правых, Дж. Джулиани отмечал, что современной политической науке мало известно о конкретных позициях правых в области семейной политики²⁹². Он выдвигал два предположения: правые выступают в пользу фамилиализма, укрепляющего традиционное разделение гендерных ролей и в то же время не поддерживают расширение дефамилизирующих мер.

Семья воспринимается правыми популистами как основная ячейка европейского общества, на защиту которой направлена их деятельность. Ценность семьи является одним из ключевых пунктов для правых популистов и часто связана с их самоидентификацией на политической арене. Так, VB называют себя «откровенно семейной партией»²⁹³ и заявляют о том, что «семья является

²⁹¹ Beatrix von Storch: "Die traditionelle Familie ist und bleibt für Frauen das Beste - auch finanziell". // Presse Portal. – 2022. 30 April. URL: <https://www.presseportal.de/pm/110332/5209655> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁹² Giuliani G. A. Investigating the radical right's family policy agenda: evidence from six European countries // Italian Political Science Review/Rivista Italiana di Scienza Politica. – 2023. – Т. 53. – №. 2. – P. 179-200.

²⁹³ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 14.

краеугольным камнем общества»²⁹⁴. На схожих позициях стоят и AFD, которые понимают защиту семьи как «защиту ядра общества»²⁹⁵, и FPÖ, в своих программах заявляющие о том, что «семья является самым важным фактором для функционирования общества»²⁹⁶, и SVP, стоящие на позиции, согласно которой «семья и, вместе с ней, брак между мужчиной и женщиной составляют основу нашего общества»²⁹⁷. За редкими исключениями, в основе семьи для правых популистов в первую очередь лежит союз мужчины и женщины. Интересно расширенное традиционалистское понимание семьи, используемое в программе FN 2007 года, в которой весь французский народ олицетворяется с одной семьей, детьми отечества и предыдущих поколений французов: «мы – сыновья и дочери тех мужчин и женщин, которые создали Францию»²⁹⁸. Стоит также отметить тенденцию к постепенному расширению понимания семьи. Так, VB, изначально выступавшие против разводов и добрачных сожительств, претерпела значительные изменения в своей семейной повестке. Если раньше партия занимала жесткую позицию по этим вопросам, то с 2014 года она стала признавать сложность современных отношений. Она активно пропагандирует доступность процедуры развода и предлагает поддержку в воспитании детей в случае необходимости. Более того, признавая меняющуюся динамику семейной жизни, VB поддержали идею более активного участия женщин в трудовой деятельности. Этот сдвиг проявился в программе партии за 2019 год, где она выступила за более широкое толкование понятия «семья», выходящее за рамки традиционной модели XX века.

Правые популисты признают, что семья меняется по своему составу, однако одно остается неизменным – основополагающая роль семьи в строительстве общества. Правые популисты особо обращают внимание на игнорирование экономических нужд семей со стороны государства. Например, Беатрис фон Шторх заявляла о том, что необходимо создавать экономические условия для

²⁹⁴ Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2010. P. 24.

²⁹⁵ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 102.

²⁹⁶ Parteiprogramm der FPÖ. 2017.

²⁹⁷ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 96.

²⁹⁸ Programme Du Front National. 2007.

процветания семьи в классическом понимании этого слова, так как «традиционная семья желанна и обеспечивает более высокий уровень жизни, особенно для женщин. Следовательно, необходимо больше пропагандировать классическую семью и в то же время ограничивать пропаганду всего за рамками традиционного: больше семей отца-матери-ребенка вместо общей ответственности, представленных, например, детскими садами полного дня»²⁹⁹.

Ценность семьи используется правыми популистами в политических программах в нескольких измерениях. Так, семья может выступать водораздельным пунктом между правильными партиями, направляющими свои усилия на защиту семейных ценностей (т.е. правыми популистами), и эксплуатирующими власть элитами (как правило, партиями, находящимися у власти). Так, во французской программе 2007 года целый раздел «Семья как цель для всех нападков»³⁰⁰ был посвящен критике действующей в стране семейной политики. FPÖ в критике своих политических оппонентов также обращаются к теме семьи: «Семьи и дети обеспечивают наше будущее. Вместо того, чтобы поддержать их, SPÖ и ÖVP несправедливо сократили для них пособия. Зеленые хотят полностью разрушить модель семьи. Как и SPÖ и ÖVP, они предпочитают иммиграцию поддержке семьи»³⁰¹.

Большое внимание правые популисты уделяют тем экономическим мерам, которые, по их мнению, смогут способствовать укреплению семьи. Среди самых популярных методов, разделяемых многими правопопулистскими партиями по улучшению положения семьи, становится снижение налогового бремени и введение института материнского/семейного дохода.

Для FPÖ поддержка семей на протяжении десятилетий остается центральной темой в политической повестке. Используя всеобъемлющее определение семьи, включающее как одиноких родителей, так и пожилых людей, FPÖ инициировала предложения по их поддержке еще в 1990-х и начале 2000-х

²⁹⁹ Beatrix von Storch: "Die traditionelle Familie ist und bleibt für Frauen das Beste - auch finanziell". // Presse Portal. – 2022. 30 April. URL: <https://www.presseportal.de/pm/110332/5209655>. (дата обращения: 25.10.2023).

³⁰⁰ Programme Du Front National. 2007.

³⁰¹ Parteiprogramm der FPÖ «Liebe deine Nächsten». 2013.

годов. Эти предложения были направлены на то, чтобы переложить часть финансовой ответственности с государственной распределительной пенсионной системы на работодателей и физических лиц. К числу основных мер, носящих преимущественно экономический характер, относятся введение «детского чека» – ежемесячной выплаты родителям в течение трех лет после рождения ребенка, поддержка разделения налогов между семьями, периодическое повышение семейных пособий, а также помощь одиноким родителям. Поддержка последних особенно значима для FPÖ в русле их противостояния с христианскими демократами, исключаящими из числа поддерживаемых семей родителей-одиночек. Это объясняется, по мнению Л. Эннсер-Джеденастика тем, что FPÖ склонна акцентировать внимание на семье как на локусе воспроизводства (коренного населения), а не как на сфере традиционного (христианского) брака. При этом нетрадиционные семейные отношения, не преследующие репродуктивных целей (например, брак и усыновление однополыми парами), не поддерживаются³⁰².

Дискурс SVP в области защиты семьи тесно связан с их политической программой, основанной на убеждении, что брак и семья являются основополагающими элементами общества. Соответственно, они выступают за сохранение традиционной семьи. Эта точка зрения переплетается с их позицией в отношении политики социального обеспечения, в которой SVP отвергает расширение государства всеобщего благосостояния, предпочитая более консервативную социальную структуру. Они выступают против государственного финансирования таких инициатив, как декретный отпуск и детские сады, против попыток переложить обязанности по воспитанию детей с семьи на государственные учреждения. Показательным примером такой позиции является народная инициатива 2012 г., касающаяся налоговых вычетов для родителей,

³⁰² Ennser-Jedenastik L. A welfare state for whom? a group-based account of the Austrian Freedom Party's social policy profile //Swiss Political Science Review. – 2016. – Т. 22. – №. 3. – P. 409-427.

непосредственно осуществляющих уход за детьми³⁰³. В рамках этой инициативы SVP предлагали предоставить налоговые льготы семьям с детьми, гарантируя, что эта льгота не будет распространяться исключительно на тех, кто пользуется услугами внешних детских учреждений, и тем самым предотвращая потенциальные налоговые неудобства для родителей, решивших воспитывать детей самостоятельно. Эта позиция отражает общее сопротивление партии тому, что, по мнению ее членов, является вмешательством государства в вопросы семьи и детства. Размышляя о внешнеполитическом курсе правых популистов, С.А. Шеин и А.А. Аликин приводят к выводу о том, что одна из причин «непроводимости» популистской политики заключается в «принятии правил игры после прихода к власти, даже при сохранении антиэлитистского дискурса»³⁰⁴. Это может быть экстраполировано и на семейную повестку правых популистов: регулярно завоевывшая на протяжении XXI века голоса большинства швейцарцев SVP, сохраняя общую антиэлитистскую направленность своей повестки, отказывается от требований использования финансовой помощи семьям со стороны государства.

Одним из центральных постулатов в дискурсе ADR является упор на сохранение традиционных семейных ценностей. Как отмечал Макс Ворошило, президент ADRenalin, молодежной организации ADR, «семья – это основа любого сильного и процветающего общества»³⁰⁵. АДР утверждает, что за последнее десятилетие правления левых сил были реализованы процедуры, которые систематически ослабляли семью как социальную структуру. В качестве примера М. Ворошило отмечал, что в официальных документах такие термины, как «отец» и «мать», заменяются на «родитель 1» и «родитель 2», что вызывает у членов

³⁰³ Familieninitiative: Steuerabzüge auch für Eltern, die ihre Kinder selber betreuen. // SVP. – 2012. URL: <https://www.svp.ch/aktuell/kampagnen/familieninitiative-steuerabzuege-auch-fuer-eltern-die-ihre-kinder-selber-betreuen/> (дата обращения: 31.01.2022).

³⁰⁴ Шеин С. А., Аликин А. А. Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – №. 2. – С. 213.

³⁰⁵ “ADR is on the side of reason in Luxembourg”: An Interview with Maks Woroszylo. // European Conservative. – 2023. 2 October. URL: <https://europeanconservative.com/articles/interviews/interview-with-maks-woroszylo/> (дата обращения: 25.10.2023).

ADR обеспокоенность по поводу разрушения традиционных семейных ценностей. Еще одним важным аспектом семейной программы ADR является ее позиция в отношении родительских ролей и обязанностей. Главная задача семьи как института, по мнению ADR, заключается в защите благополучия детей³⁰⁶. ADR продвигает политику поддержки отношения к семье, подчеркивая, что родители не должны быть вынуждены передавать заботу о ребенке учреждению из-за политического, финансового или идеологического давления. Краеугольным камнем их политики является родительская субсидия³⁰⁷, которая позволяет одному из родителей частично или полностью оставаться дома с семьей до достижения ребенком 12-летнего возраста. ADR также выступают против монополии государства на определение семьи. Не государство должно решать, какая модель семьи «лучше» – та, где оба родителя работают, или та, где один из родителей может оставаться с детьми, пока они маленькие. Поэтому государство не может поощрять и финансово поддерживать одну модель, а не другую.

Позиции VB по вопросам семьи близки тому, что партия продвигает в своих политических программах. Однако существуют и различия: партийный дискурс чаще сосредотачивается на более инклюзивном подходе, признающем разнообразие семейных структур в современном обществе. Программы партии, как правило, больше ориентированы на финансовые и политические меры. Семейная повестка дня становится для VB потенциально нацеленной на расширение привлекательности и дистанцирование от своей прежней, более спорной и конфронтационной репутации. П. Лукарди, Т. Аккерман и Т. Пауэлс отмечают усилия партии по проведению «ребрендинга», который включал в себя заметный сдвиг в визуальных образах³⁰⁸. С приходом Тома ван Грикена к лидерству, партия отказалась от изображений, связанных с боксерскими перчатками, которые часто использовались в кампании и политическом стиле

³⁰⁶ Eng staark Famill als Garant fir d'Wuelbefanne vun de Kanner. // ADR. – 2021. 2 December. URL: <https://adr.lu/eng-staark-famill-als-garant-fir-dwuelbefanne-vun-de-kanner/> (дата обращения: 31.01.2022).

³⁰⁷ Eng Nidderlag fir d'Famillen!. // ADR. – 2023. URL: <https://adr.lu/eng-nidderlag-fir-dfamillen/> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁰⁸ Lucardie P., Akkerman T., Pauwels T. It is still a long way from Madou Square to Law Street: The evolution of the Flemish Bloc //Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe. – Routledge, 2016. – P. 208-224.

Девинтера, и вместо них стала использовать изображения семей и детей. Подобное стратегическое изменение имиджа фиксирует осознание партией важности общественного мнения и готовность адаптироваться к меняющемуся политическому ландшафту. В случае с VB смена имиджа стала важным шагом на пути к изменению имиджа партии и привлечению более широкого круга избирателей.

П. Дэвис, изучая Национальный фронт, пришел к выводу о том, что для него характерна стратегия соотнесения всех вопросов, независимо от их характера, с нацией, ее благополучием и целостностью, такая стратегия является последовательным элементом большей части партийного дискурса³⁰⁹. Дж. Эванс отмечал, что ключевое значение для политической повестки французских правых сохраняет примат идентичности, опирающийся на исторический опыт и чувство³¹⁰. В этом русле движется и семейная повестка Национального фронта, «пообещавшего вернуть Францию к славным дням прошлого и единой культуры»³¹¹.

Основным методом спасения нации от внешней угрозы изнутри становится укрепление французской семьи и стимулирование рождаемости. Жан-Мари Ле Пен еще 30 лет назад отмечал, что всё население страны «обеспокоено последствиями иммиграции, которая постепенно превращает их в иностранцев в собственной стране»³¹². Хотя уровень рождаемости во Франции традиционно находится на относительно высоком для Европы уровне (на протяжении существования партии индекс рождаемости во Франции составлял примерно 1,9)³¹³, это не мешало Ж.-М. Ле Пену заявлять о том, что главным вызовом остается демографическая проблема, в результате которой «стареющий белый

³⁰⁹ Davies P. *The National Front in France: ideology, discourse and power.* – Routledge, 2012. P. 25.

³¹⁰ Evans J. 'La politique du dehors avec les raisons du dedans': Foreign and Defence Policy of the French Front National // *Europe for the Europeans.* Routledge, 2016. P. 143-156.

³¹¹ Mudde C. Europe's populist surge: A long time in the making // *Foreign affairs.* – 2016. – Т. 95. – №. 6. – С. 25-30. P. 26.

³¹² Le Pen J.M. Les raisons du Front. // *Le Monde.* – 1991. 8 septembre. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/234924-jean-marie-le-pen-18091991-front-national> (дата обращения: 31.01.2022).

³¹³ France Fertility Rate 1950-2022. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/SWE/france/fertility-rate> (дата обращения: 31.01.2022).

мир» будет поглощен «молодым и динамичным третьим миром»³¹⁴. Проблему снижения рождаемости, по мнению Ле Пена, можно было решить следующими способами: запретить аборт, использовать финансовые инструменты («материнское пособие»); ввести «семейное голосование» («familial vote»), рамках которого родители могут на выборах проголосовать столько раз, сколько у них детей.

Ценностью признается лишь семья французов. Впоследствии, в предвыборной программе 2002 года отдельный пункт был посвящен необходимости переломить ход миграции, а среди основных мер по ограничению притока мигрантов предлагалось установление национальных и европейских предпочтений во всех сферах социальной поддержки (жилье, занятость, социальная помощь) и прекращение воссоединения мигрантских семей³¹⁵. Институт воссоединения, как отмечалось в программе FN 2007 года, является причиной ежегодного въезда во Францию десятков тысяч женщин, детей или родственников иностранных рабочих, что следует прекратить, так как «семейные сборы должны проходить на родине»³¹⁶. Таким образом, широкий спектр мер поддержки, направленный на поддержание института семьи, должен использоваться лишь по отношению к этническим французам. Такой подход сохранялся и на протяжении конца 2000-х годов и в последующем, когда FN под руководством Жан-Мари Ле Пена все свои предложения обобщал под девизом «национального интереса», утверждая, что при любой возможности предпочтение должно отдаваться гражданам страны (под которыми понимались этнические французы), и этот принцип должен быть включен в Конституцию Франции³¹⁷. В дальнейшем, уже под руководством Марин Ле Пен, акценты в семейной повестке FN окажутся расставлены иным образом. Экономическая повестка в отношении

³¹⁴ A question of colour, a matter of faith. // The Economist. – 2002. November 16. URL: <https://www.economist.com/special-report/2002/11/16/a-question-of-colour-a-matter-of-faith> (дата обращения: 31.01.2022).

³¹⁵ Le Pen J.M. Pour un avenir français. 2002. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/129981-programme-de-m-jean-marie-le-pen-president-du-front-national-et-candid> (дата обращения: 31.01.2022).

³¹⁶ Programme Du Front National. 2007.

³¹⁷ Stockemer D. The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen. Springer. 2017. P. 29.

семейной проблематики продолжит логику программ предыдущих лет: часть запланированных Национальным фронтом экономических мероприятий направлена на поддержку многодетных семей, сохраняется идея родительского дохода для людей, решивших посвятить себя семье и детям. Предпочтение в оказании социальной помощи по-прежнему отводится этническим французам, однако появилось важное добавление о том, что в приоритете отныне будут находиться также семьи мигрантов из других европейских стран: «семейные пособия будут предназначены для семей, в которых хотя бы один из родителей – француз или европеец»³¹⁸.

Представление мигрантов и их семей, проживающих на территории западноевропейских стран в качестве одной из главных угроз для европейской семьи характерно не только для французских правых, но и для риторики всех западноевропейских правых популистов. Теоретическое осмысление идеи мигранта как угрозы для выживания европейских семей в частности, и европейцев в целом, связано с именем Рено Камю, создателем теории Великого замещения. Идея Великого замещения пришла к Камю во время его пребывания в департаменте Эро на юге Франции, где он «обнаружил значительные изменения в населении деревень тысячелетней давности: женщины, одетые в исламские хиджабы, собирались у основания фонтана 18 века, были видны в готических окнах»³¹⁹. В своих работах он отмечает тенденцию, согласно которой у небелых жителей Европы рождается детей больше, чем у белых европейцев, что в результате приведет к демографическим изменениям, угрожающим всей европейской культуре. Он говорит о том, что «лицо страны преобразилось до невообразимой степени»³²⁰, а единственный способ спасти Францию и Европу – это положить конец иммиграции и отправить мигрантов и их детей обратно в страны их происхождения. Иллюстрацией подобных взглядов выступает, например, кампания AFD 2017 года, когда особое внимание общественности привлекли плакаты, на которых был запечатлен округлившийся живот

³¹⁸ Le Pen M. Mon projet pour la France et les français. Le Front National. 2012. P. 6.

³¹⁹ Camus R. You will not replace us! Plieux. 2018. P. 19.

³²⁰ Ibid. P. 20.

беременной женщины с надписью «”Новые немцы””? Мы сделаем их сами» (“Neue Deutsche?” Machen wir selber)

Отдельного внимания заслуживает развиваемый во многих политических программах правых популистов сюжет, согласно которому способствование со стороны государства воссоединению семей мигрантов и экономическая помощь им, подрывают основы европейской семьи, лишают ее необходимой степени защиты от внешних угроз. Опасения правых популистов вызывает привычка многих мигрантов, в том числе второго или более позднего поколения, вступать в брак с представителями их родной страны, что является тормозом для адаптации. В результате такие семьи остаются мигрантами первого поколения, и «колесо ассимиляции» приходится запускать снова и снова³²¹. Так, в программе VB 2014 года перспектива использования мигрантами института воссоединения семьи сравнивалась со «снежным комом»³²², благодаря которому нарастают проблемы увеличения числа мигрантов. Отрицает необходимость наличия института «воссоединения семей» мигрантов и FPÖ³²³, вместе с тем подчеркивающая в своих программах, что все усилия по защите семей должны быть направлены именно на австрийские семьи³²⁴.

Сердцем семейной повестки является защита института материнства, которой правые популисты уделяют значительное внимание. Ориентация правых популистов на защиту материнских прав обусловлена, прежде всего, их убежденностью в том, что, несмотря на распространенную риторику, пропагандирующую гендерный паритет и самоопределение женщины в выборе жизненного пути, главная роль женщины, по их мнению, должна определяться материнством. Эта позиция имеет ключевое значение для понимания их отношения к правам женщин, для них «идентичность» матери имеет первостепенное значение для женщины. Эта ориентация перекликается с традиционными семейными ценностями и отражает их подход к формулированию

³²¹ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 20.

³²² Verkiezingsprogramma Vlaams Belang . 2014. P. 21.

³²³ Parteiprogramm der FPÖ. 2006. P. 4.

³²⁴ Parteiprogramm der FPÖ. 2013.

и решению вопросов, касающихся женщин, оказывая тем самым влияние на формирование их повестки.

Использование тематики, связанной с материнством, довольно распространено в политических программах правых популистов: это ключевое слово встречается в 15 из 27 программ. Наиболее пристальное внимание к проблемам материнства в политических программах оказывается связанным с расширенным блоком, посвященным проблемам семьи.

Однако следует учитывать, что часто правые популисты часто не сосредотачивают свое внимание именно на понимании женщины как матери, а рассматривают отдельные аспекты проблем, связанных с материнством. Так, это ключевое слово встречается в разделах, посвященных правам приемных родителей (программы VB 2007 и 2010 годов), а также в разделах, посвященных защите жизни и вопросам суррогатного материнства (к примеру, из трех упоминаний матерей в программе ADR 2021 года, два связаны с суррогатным материнством).

Обращает на себя внимания тенденция к тому, чтобы в рамках политических программ правые популисты стремятся подчеркнуть, что в процессе воспитания ребенка должны участвовать и мать, и отец. Так, пункт программы FN 2017 года под номером 55, посвященный политике рождаемости, содержит обещание того, что отпуск по уходу за ребенком будет свободно распределяться между двумя родителями³²⁵, таким образом, подчеркивая, что в современном мире воспитание детей является не только женским занятием. В программе SVP 2015 года присутствовал тезис о том, что «мужчины и женщины должны дополнять друг друга»³²⁶, вследствие чего решение о том, кто должен заниматься воспитанием детей, должно исходить из соображений целесообразности, а не по половому признаку. В программе AFD 2021 года также

³²⁵ 144 Présidentiels. 2017.

³²⁶ Party programme of the Swiss People's Party. 2015. P. 96.

указывается, что особое внимание следует уделять вовлечению отцов в воспитание детей³²⁷.

Несмотря на то, что в последние годы в пунктах, посвященных проблемам воспитания детей, обычно используется выражение «один из родителей», тенденция сосредоточения внимания именно на материнстве, а не на родительстве в целом сохраняется. Так, в программе AFD 2017 года пункт 6.5, посвященный проблемам совмещения работы и детей, озаглавлен «Прекращение дискриминации матерей-домохозяек», что явно выдает представления правых в отношении того, кто должен заниматься воспитанием. В данном пункте приведен перечень, согласно которому присматривать за ребенком может любое частное лицо: «и родители, и близкие родственники (в частности, бабушки и дедушки), и няни, и гувернантки», однако ключевая роль остается за родителями³²⁸. В целом, в программе «Альтернативы для Германии» провозглашается поддержка совмещения семьи и трудовой деятельности, однако только при том условии, что трудовая деятельность родителя, а значит и женщины-матери в первую очередь, не ставит под сомнение его как воспитателя, ответственного за ребенка. В то же время, правые готовы поддерживать одиноких родителей в области налогообложения и социального страхования, однако выступают против современной тенденции пропагандировать такую форму семьи как нечто прогрессивное.

Угроза снижения рождаемости представляется для правых популистов одним из главнейших вызовов для европейцев в современности. Суть этой проблемы во многом сводится к тому, что государство, по мнению правых популистов, не создает условий для того, чтобы женщина чувствовала себя достаточной уверенной для рождения ребенка, и таким образом государство «лишает» женщины права на материнство. Снижение рождаемости и отказ от роли матери также связывается правыми и с традиционной угрозой со стороны мигрантов. Так, согласно программе AFD 2017 года, семьи мигрантов, в которых

³²⁷ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 110.

³²⁸ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017. P. 47.

рождаемость выше, чем в немецких семьях, «ускорят этнокультурные изменения в обществе». Для решения этой проблемы, по мнению AFD, необходимо «противодействовать негативной демографической тенденции в Германии... единственным среднесрочным и долгосрочным решением является достижение более высокого уровня рождаемости среди коренного населения путем стимулирования семейной политики»³²⁹.

Одним из способов стимулирования семейной политики для правых популистов является создание для женщин экономических и социальных условий, в которых они будут чувствовать себя достаточно защищенными для того, чтобы стать матерями. «Можно с уверенностью предположить, что значительная часть женщин, работающих вне дома, также хотят иметь больше детей, но из-за нехватки времени они отказываются от этой возможности»³³⁰, писали представители VB в своей программе 2007 года. Правые популисты выступают за то, чтобы вернуть женщинам «реальную свободу выбора», в рамках которой женщина сможет принимать решение хочет ли она оставаться дома с детьми, воспитывать их и заботиться о них, или же она хочет вернуться на работу без финансового давления³³¹. Таким образом, подчеркивается важность выбора женщин и необходимость проведения политики, расширяющей возможности женщин в принятии решений относительно материнства и работы, что свидетельствует о стремлении правых популистов решать проблемы, связанные с семьей, и способствовать формированию более и благожелательного общества по отношению к женщинам, выбравшим для себя материнство.

В годы лидерства Жан-Мари Ле Пена женщины с партийной точки зрения рассматривались только как жены и матери, ограниченные своей ролью рожениц и домохозяек, что находило свое выражение в слогане, предложенном Мари-Франс Стрибуа и Мишель де Ростолан на 8-м Конгрессе FN в 1990 году:

³²⁹ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017.

³³⁰ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 14.

³³¹ Parteiprogramm der FPÖ. 2017.

«Давайте делать французских детей с французскими женщинами»³³². Важными символами для партии в этот период выступали Дева Мария и Жанна Д'Арк, которые воспринимались как «идеалы женственности»³³³. При этом стоит отметить, что несмотря на то, что по теме материнства в политической программе FN при Жан-Мари Ле Пене была четко выработанная позиция, она не особо активно актуализировалась в высказываниях со стороны представителей партии. Это связано с тем, как отмечали К. Лессельер и Ф. Веннер, что эта тема «не нуждалась в подробном обсуждении, поскольку она очевидна в том видении мира, которое видит в различии ролей, приписываемых мужчинам и женщинам, не социальный и исторический конструкт, а факт "природы"»³³⁴.

Если в 1970-е – начале 2000-х гг. FN однозначно придерживался позиции, согласно которой роль женщины исчерпывалась материнством и охранением семейного очага, то с появлением женщины-лидера такая позиция отходит в прошлое. Происходит трансформация женского образа: от «матери нации» в 1990-е гг. до «работающей матери» на современном этапе³³⁵. Женщина, в понимании французских правых популистов, теперь прежде всего не домохозяйка, а работающая мать. Сам образ Марин Ле Пен этому соответствует, активную политическую карьеру она сочетает с воспитанием троих детей.

FPÖ подчеркивает важное значение материнства, характеризуя его как длительное и многогранное занятие, выходящее за рамки простой работы. В FPÖ Барбара Розенкранц, выдвигавшаяся в 2010 году на выборы на пост президента Австрии и занявшая в них второе место, является примером идеальной матери. Помимо роли профессионального политика, Розенкранц может похвастаться тем, что является матерью десяти детей. Ее активное участие в решении семейных вопросов и отстаивание прав матерей является одним из основных пунктов ее политической программы. Своей активностью Розенкранц демонстрирует

³³² Mayer N., Sineau M. Women and the National Front/Le Front national et les femmes : дис. – CEVIPOF, 2002. P. 72.

³³³ Laroche F. Maréchale nous voilà! Le Cercle national des femmes d'Europe //L'extrême droite et les femmes. – 1997. – P. 153-164.

³³⁴ Scrinzi F. Gender and women in the Front National discourse and policy: from 'mothers of the nation' to 'working mothers'? //New Formations. – 2017. – Т. 91. – №. 91. – P. 92.

³³⁵ Ibid.

соответствие личных и политических ценностей, что является символом позиции FPÖ в отношении материнства и семейных отношений. Прежде всего она заостряет внимание на том, что в борьбе за гендерное равноправие за бортом часто остаются те женщины, которые предпочитают материнство карьере: «существует острая необходимость в разработке современного образа женщины, который не противоречит материнству. Сегодня многие женщины твердо стоят на земле обеими ногами и вынуждены часть своей деятельности посвящать работе. Но они также хотят, чтобы их семейный труд признавался и ценился с экономической точки зрения, например, когда дело касается пенсий. Я думаю, что это важный вопрос»³³⁶. Она часто отмечает необходимость расширения финансовых гарантий для молодых матерей, с тем чтобы позволить им дольше оставаться дома и не выходить на работу: «Во время предвыборной кампании я встречаю много матерей с маленькими детьми, которые хотели бы оставаться дома гораздо дольше, но не могут себе этого позволить. Это вполне разумно, это должно быть обеспечено денежными выплатами»³³⁷.

VB также подчеркивает свою приверженность защите прав матерей, выступая за введение всеобъемлющего оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. Партия безоговорочно критикует отсутствие активных действий правительства в этом направлении, рассматривая его как источник неопределенности для будущих матерей. Эллен Самин, видный представитель VB в парламенте, подчеркнула эту озабоченность, заявив, что нерешительность действующей администрации создает обстановку непредсказуемости³³⁸. Кризис COVID-19 еще больше усилил эти опасения, особенно в свете отсутствия законодательных изменений, касающихся декретного отпуска. Кроме того, в

³³⁶ Barbara Rosenkranz: "Der Feminismus ist ein Irrweg" // Die Presse – 2010. 30 March. URL: <https://www.diepresse.com/543751/barbara-rosenkranz-der-feminismus-ist-ein-irrweg> (дата обращения 25.09.2023).

³³⁷ Rosenkranz: "Mütter kleiner Kinder würden gern viel länger daheimbleiben" // Der Standard – 2013. 24 February. URL: <https://www.derstandard.at/story/1361240945616/rosenkranz-muetter-kleiner-kinder-wuerden-gern-viel-laenger-daheimbleiben> (дата обращения 25.09.2023).

³³⁸ Vlaams Belang: "Geef volledige postnatale periode aan moeders in tijdelijke werkloosheid" // Vlaams Belang – 2020. 22 April. URL: <https://www.vlaamsbelang.org/nieuws/vlaams-belang-geef-volledige-postnatale-periode-aan-moeders-tijdelijke-werkloosheid> (дата обращения 25.09.2023).

фокусе внимания VB находятся трагические обстоятельства, в которых оказались родители, пережившие выкидыш. Партия выступает за усиление поддержки, в том числе за увеличение продолжительности отпуска по уходу за ребенком до 10 дней³³⁹, признавая, что родителям, потерявшим детей в результате мертворождения, зачастую приходится нелегко.

Тема материнства и семейных ценностей становится центральным аспектом гендерного равенства для ADR. Для них ядром равенства между женщинами и мужчинами является совместимость семьи и карьеры, что выражается для партии в поддержке «родителей, которые решают посвятить все или часть своего времени воспитанию детей»³⁴⁰. Именно поэтому основные меры по поддержке такого равенства связаны с поддержкой семьи, прежде всего финансовой: расширение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком и больничных по уходу за заболевшим ребенком. Поддержка равенства на рабочем месте также во многом обращена на семейную тематику. Так в этом разделе, помимо упоминания требования равной оплаты за равный труд, внимание в основном сосредоточено на том, чтобы создавать возможности работы для родителей в удаленном формате, а также профессионального обучения и переподготовки родителей, желающих выйти на работу после рождения детей. Касательно равенства перед законом, среди необходимых мер и мероприятий ADR указывают на необходимость поддержки отсутствия гендерной дискриминации в вопросах опеки, обновления законодательства о браке и разводе, решения проблемы домашнего насилия и легализации проституции «для того, чтобы позволить проституткам вести нормальную семейную жизнь»³⁴¹. Еще одной предложенной мерой, является необходимость предоставления заключенным матерям и отцам как можно больше возможностей для общения со своими детьми. В целом, несмотря на наличие широкого спектра общественных сфер, рассматриваемых в

³³⁹«Uitbreiding rouwverlof is een gemiste kans». // Vlaams Belang – 2021. 18 June.
URL:<https://www.vlaamsbelang.org/nieuws/uitbreiding-rouwverlof-een-gemiste-kans> (дата обращения 25.09.2023).

³⁴⁰ Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei.2009. P. 35.

³⁴¹ Ibid. P. 37.

программе, гендерное равенство в основном сводится ADR к правам матерей и отцов.

Особняком в вопросе поддержки прав матерей стоят швейцарские правые. SVP в своем дискурсе не уделяет отдельного внимания проблемам, связанным с женскими правами в целом, и защитой материнства в частности. Так, в 2014 году на презентации истребителей «Грипенов» Ули Мауэр позволил себе пошутить о матерях-домохозяйках следующим образом: «Сколько использованных вещей старше 30 лет у вас еще осталось дома?» Ответ: «У нас их уже немного, кроме, конечно, женщины, которая ведет домашнее хозяйство»³⁴². Такое отношение закреплено для SVP долгой практикой. Еще в 1988 г. в Швейцарии была проведена модернизация брачного законодательства (из него были исключены такие архаичные положения, как т, что муж определяет место жительства супругов и управляет имуществом супругов). Возглавляемая Блохером, ориентированным на семью, SVP восприняла этот сдвиг как угрозу традиционному укладу Швейцарии. Ярким примером их консервативной позиции стал 2003 год, когда 38 из 44 депутатов национального совета SVP выступили против признания изнасилования в браке официальным преступлением. Очевидно, что SVP последовательно проводит работу по ограничению прав женщин, закреплению устаревших гендерных норм и преуменьшению тяжести сексуальных посягательств. Примечательно, что представительницы SVP активно выступают против таких инициатив, как право на телесную автономию (например, в отношении абортов), декретный отпуск, государственная помощь по уходу за ребенком. В 2004 году SVP оказалась единственной партией Швейцарии, выступившей против оплачиваемого материнского отпуска, заявляя, что «беременность ... не нуждается в обогащении новым социальным страхованием» и обращая внимание на то, что «страхование материнства станет тяжелым финансовым бременем для экономики, особенно для малых и средних

³⁴² «Gebraucht-Gegenstand» Frau. // Neue Zürcher Zeitung – 2014. 28 April. URL: <https://www.nzz.ch/schweiz/ueli-maurer-degradiert-frauen-zu-gebraucht-gegenstaenden-ld.787224?reduced=true> (дата обращения 25.09.2023).

компаний»³⁴³. Впрочем, такой же позиции SVP придерживались и касательно дебатов о введении отцовского отпуска в 2017 году, заявляя о том, что «за требованием обязательного отпуска по уходу за ребенком стоит проблематичное понимание государства и общества. Согласно такой точке зрения, государство должно максимально комплексно и от колыбели до могилы заботиться о гражданине и обеспечивать его индивидуальное счастье и благополучие»³⁴⁴, а это по мнению SVP недопустимо. Аналогичным образом, когда партия Зеленых выдвинула в Цюрихе инициативу о предоставлении нерожавшему родителю отдельного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, SVP также выступили против, используя в качестве аргумента финансовую нагрузку на бизнес, которая последует за таким решением и также выступили против «национализации детей»³⁴⁵. SVP в своем дискурсе, таким образом, регулярно обращают внимание на то, что решение о становлении матерью и отцов должно приниматься с учетом личной ответственности, без расчета на расширенную поддержку от государства. Образцом того, какой должна являться швейцарская мать является одна из ярких представительниц Швейцарской народной партии – Магдалена Мартулло – дочь основателя партии Кристофа Блохера. Замужняя мать троих детей подчеркивает, что она не женщина-политик, а прежде всего успешный предприниматель, возглавляющая швейцарскую корпорацию «EMS-Chemie». «Автономия, эффективность и прагматизм – эти основы бизнеса важны и для политики, поэтому я и решила участвовать в выборах в качестве кандидата», – заявляла она, комментируя свое решение о вступлении в партию³⁴⁶. Мартулло воплощает в себе тот образ матери, который пропагандируется SVP, и может самостоятельно финансово содержать свою семью, не прибегая к государственной помощи.

³⁴³ Papi-Zeit ist zu teuer und Privatsache? Das meinte die SVP beim Mutterschafts-Urlaub auch. // Watson – 2017. 26 October. URL: <https://www.watson.ch/schweiz/gesellschaft%20&%20politik/870685921-papi-zeit-zu-teuer-und-privatsache-das-sagte-die-svp-damals-beim-mutterschaftsurlaub-auch> (дата обращения 25.09.2023).

³⁴⁴ Gefährliche Anspruchshaltung. // FuW – 2017. 20 October. URL: <https://www.fuw.ch/article/gefaehrliche-anspruchshaltung> (дата обращения 25.09.2023).

³⁴⁵ VI "für eine Elternzeit (Elternzeit-Initiative). // SVP-Zürich – 2022. 15 May. URL: <https://www.svp-zuerich.ch/wp-content/uploads/sites/23/Factsheet-Elternzeit-Initiative.pdf> (дата обращения 25.09.2023).

³⁴⁶ Blocher's daughter takes the plunge into politics. // Swiss Info – 2015. 20 April. URL: https://www.swissinfo.ch/eng/national-elections_blocher-s-daughter-takes-the-plunge-into-politics/41388954 (дата обращения 25.09.2023).

Тема суррогатного материнства подвергаются критике со стороны правых популистов, уделяющих в своей риторике внимание биоэтике. Так, AFD последовательно выступает против «против коммерциализации материнской утробы через платное суррогатное материнство и против коммерциализации тканей умерших нерожденных детей»³⁴⁷. На схожих позициях стоят представители ADR, последовательно осуждающие суррогатное материнство в своих политических программах. Заявляя, что «ребенок не должен являться товаром»³⁴⁸, они считают, что развитие суррогатного материнства приведет к тому, что «в будущем каждый будет иметь право "заказать" ребенка»³⁴⁹. Суррогатное материнство, по их мнению, угрожает правам женщин, «эксплуатируя их» и способствует «торговле людьми в ее наихудшей форме»³⁵⁰. Суррогатное материнство также представляет угрозу и для прав отцов: «Суррогатное материнство с использованием иностранного донора спермы также становится де-факто универсальным правом, хотя в результате страдают дети: их биологического отца часто намеренно исключают из их жизни»³⁵¹. В программе FPÖ 2008 года, также затрагивающей тему, обозначено, что партия выступает против суррогатного родительства в случае однополых пар³⁵². К. Аукруст обращала внимание на тесные связи Марион Марешаль Ле Пен с LMPT (LA Manif Pour Tous), низовым движением, возникшем в 2012 г. как ответ на легализацию однополых браков. Марешаль-Ле Пен открыто поддерживала движение, выступала на их мероприятиях и их связи стали еще прочнее, когда в 2016 году LMPT выступили против гендерной идеологии и суррогатного материнства. Марешаль Ле Пен в своих речах в поддержку движения обращала внимание на то, что ART и суррогатное материнство являются «цивилизационными проблемами» и представляют угрозу выживанию Франции, связав их с опасностью становления

³⁴⁷ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 109.

³⁴⁸ Wahlprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei. 2013. P. 53.

³⁴⁹ Wahlprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei. 2021. P. 11.

³⁵⁰ Ibid.

³⁵¹ Ibid. P. 11.

³⁵² Parteiprogramm der FPÖ. 2008.

Франции и Исламской Республикой³⁵³. Правые популистские партии высказываются против суррогатного материнства, что обусловлено их озабоченностью этикой, коммерциализацией и возможной эксплуатацией женщин. Часто проблема суррогатного материнства рассматривается правыми в связке с тематикой права на аборт. Они рассматривают суррогатное материнство как практику, вызывающую серьезные этические вопросы и способную подорвать фундаментальные ценности европейского общества и традиционную структуру семьи.

Тесно связанная с семейными ценностями и защитой материнства тема аборта в правопопулистском дискурсе может служить еще одним примером стратегического использования женской темы с целью нормализации и смягчения имиджа партий. Особенно актуальной эта тема становится в условиях того, что «страны Европейского континента сегодня находятся под сильнейшим воздействием депопуляционных процессов»³⁵⁴.

Это ключевое слово встречается в программах западноевропейских правых популистских партий значительно реже (в 10 случаях из 27), что связано с тем, что, как правило, правые силы стоят на традиционалистских позициях отрицания прав женщин на легальный аборт, что может вызвать отторжение у значительной части западноевропейских избирателей³⁵⁵. За пределами политических программ дискурс, связанный с правом женщин на легальный аборт, в риторике правых популистских партий заметно шире и выражен более отчетливо.

Говоря о политических программах правых популистов, следует отметить, что несмотря на общую тенденцию негативного отношения правых к абортам, в целом можно наблюдать различные подходы к этой теме. В программе VB 2007 года аборт признается недопустимым в силу того, что «нерожденная жизнь в

³⁵³ Aukrust K. The Metapolitical Strategy—Towards an Alliance between the Republican and Radical Right in France? //Living Alliances, Leaving Alliances: Interdisciplinary Perspectives – 2022. P. 81-105. P. 87.

³⁵⁴ Рудакова Е. К. Демографический кризис в Европе: типы воспроизводства населения //Власть. – 2020. – №. 5. – С. 247.

³⁵⁵ Так, согласно данным опроса Center for Reproductive Rights, Ipsos 2021 года, 64% населения Нидерландов и Франции, 55% населения Бельгии, 54% населения Германии выступают за право женщины на легальный аборт. URL: <https://www.politico.eu/article/abortion-chart-world-map-europe-law-illegal-roe-v-wade-legislation> (дата обращения 25.09.2023).

зародыше также является человеческой жизнью»³⁵⁶ и осуждают превращение аборта в «банальную процедуру»³⁵⁷. VB не отрицают право женщины на аборт, когда беременность угрожает жизни женщины, или когда она забеременела в результате изнасилования. При этом особое внимание, по мнению VB, следует уделять поддержке нежелательно забеременевшим женщинам, сознательно выбирающим сохранить ребенка вместо того, чтобы сделать аборт³⁵⁸. Схожим образом AFD в программе 2017 года говорит о том, что «приоритетной целью является защита нерожденной жизни»³⁵⁹. Из программы партии следует, что допустимыми формами аборта, на их взгляд, являются аборт по медицинским и криминологическим основаниям, что также характерно и для бельгийских правых. Прерывание беременности по социальным причинам напрямую не осуждается, однако указывается, что аборт является травматичным опытом со множеством негативных последствий. В связи с этим «Альтернатива для Германии» выступает против государственной поддержки абортов. Защита человеческой жизни, по их мнению, начинается со стадии эмбриона, а потому право на аборт не может быть включено в права человека. Такое отношение к абортам сохраняется и в программе немецких правых 2021 года, где в качестве одной из мер на замену аборту они предлагают «расширение института анонимного рождения»³⁶⁰ для женщин, желающих отказаться от ребенка.

Программы австрийской FPÖ демонстрируют пример смягчения риторики в отношении абортов. Так, если еще в программе 2006 года австрийские правые настаивали на запрете абортов, отмечая, что «цель политики общественного здравоохранения является защита жизни»³⁶¹, то в последующих программах напрямую не высказывается идея запрета абортов. Так, в программе 2017 FPÖ говорит о необходимости создания условий, в которых «молодая беременная женщина может чувствовать себя в безопасности, чтобы продолжить свою жизнь

³⁵⁶ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 17.

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Programmaboek Vlaams Belang. 2007. P. 15.

³⁵⁹ AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017. P. 48.

³⁶⁰ Programm der Alternative für Deutschland. 2021. P. 108.

³⁶¹ Parteiprogramm der FPÖ. 2006. P. 10.

и образование родив ребенка»³⁶², а также выступает за «медико-социальное консультирование перед плановыми абортами и поддержку беременных женщин в трудной жизненной ситуации»³⁶³.

В программе 2009 года ADR также прослеживается смягченная риторика в отношении абортов. Так, ADR отмечают, что уроки полового воспитания в школах значительно помогают предотвратить нежелательную беременность. Вместо реформирования законодательства об абортах они предлагали заметно улучшить социальную и материальную поддержку молодых родителей. Конечной целью этих мер, по их мнению, должно быть существенное сокращение числа нежелательных беременностей, в том числе абортов. Подобная линия будет продолжена партией и в дальнейшем. Так, в программе 2013 года ADR, высказываясь против абортов, помимо консультирования перед проведением аборта предлагали как альтернативный вариант для тех женщин, которые хотят отказаться от ребенка и «исключить любую возможность последующего воссоединения семьи»³⁶⁴ использовать окошки для подкидышей.

Самое значительное изменение в отношении проблемы легальных абортов можно наблюдать в программах французского FN. Так, если в программе 2007 года аборт однозначно осуждался и приравнивался к «олицетворению культуры смерти»³⁶⁵, то в программе 2012 года акцент сместился от запрета легальных абортов на создание социально-экономических условий, в которых женщины получают «свободу не делать аборт»³⁶⁶, а в последующих программах эта тема не поднималась в принципе. В очередной раз смена программных установок FN оказалась связана с позициями партийных лидеров по данному вопросу.

Рассматривая позиции представителей FN по проблеме аборта, следует отметить позицию Жан-Мари Ле Пена, во многом определявшую партийную повестку. Проблема абортов вызывала у него однозначную реакцию: вместе с католическими силами он всячески противостоял абортам, называя их

³⁶² Parteiprogramm der FPÖ. 2017.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Walprogramm der Alternativ Demokratisch Reformpartei. 2013. P. 57.

³⁶⁵ Programme Du Front National. 2007.

³⁶⁶ Programme Du Front National. 2012.

«антифранцузским геноцидом»³⁶⁷. В своей позиции Жан-Мари был не одинок: его поддерживала «дочерняя» женская организация «Национального фронта» – «Национальный круг европейских женщин» (*CNFE, Cercle National des femmes d'Europe*), основанная в 1985 г. и являвшаяся образцом «традиционного» взгляда на гендерные вопросы, которым отличалось руководство партией 1980–1990-х годов. Курс на «дедемонизацию» партии под руководством Марин Ле Пен постепенно привел к тому, что тема аборт была исключена из партийной программы, однако из риторики партии эта тема не исчезла. Несмотря на то, что официально проблема аборт не освещается в партийных документах «Национального фронта», Марин Ле Пен не раз заявляла о том, что она полностью поддерживает право женщин на аборт. При этом важно отметить, что если в начале своей политической карьеры Марин Ле Пен выступала за то, чтобы вывести аборт из списка операций, покрываемых государственной страховкой, то постепенно ее позиция эволюционировала до «абсолютной поддержки полностью компенсируемых государством» аборт³⁶⁸. В своей автобиографии «Наперекор волнам» Марин характеризует аборт как «персональную драму, с которой столкнулось огромное количество женщин»³⁶⁹. Она задается вопросом о том, как можно выступать «за аборт» с той точки зрения, что считает необходимым создание таких условий, в которых у женщин не будет необходимости прибегать к этому варианту. Главной причиной, вынуждающей женщин прибегать к аборту, по мнению Марин Ле Пен, является финансовое неблагополучие, проблему которого FN предлагает решить с помощью введения родительского дохода, таким образом, дав женщинам «право не делать аборт»³⁷⁰.

Интересным штрихом к такому изменению позиции по поводу аборт стал самороспуск «Национального круга европейских женщин», открыто раскритиковавшего излишне прагматичные позиции Марин Ле Пен в отношении

³⁶⁷ Marcus J. *The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen*. N.Y. Macmillan Press. 1995. P. 112.

³⁶⁸ De Boni M. VG: Marion Maréchal-Le Pen recadrée par sa tante. // *Le Figaro*. 2016. 5 December. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2016/12/05/35003-20161205ARTFIG00223-ivg-marion-marechal-le-pen-recadree-par-sa-tante.php> (дата обращения 25.09.2023).

³⁶⁹ Le Pen M. *A contre flots*. P. 192.

³⁷⁰ *Ibid.* P. 194.

абортов. Критику подобной позиции поддерживала Марион Марешаль-Ле Пен. В одной из своих речей в Национальном собрании она критиковала французских феминисток, заявляя, что их понимание феминизма устарело и они «в политическом плане являются динозаврами, думающими, что на дворе все еще май 1968 года. Женщины во Франции имеют право голоса, право работать или не работать, выходить замуж и разводиться, использовать средства контрацепции и имеют право на аборт, если они того пожелают»³⁷¹. Марион активно выступает против абортов, продолжая линию своего деда. Близкие к ней представители «Национального фронта» даже подбирают метафоры вполне в духе 1980-х годов. Так, например, Эмерик Шопрад, представлявший партию в Европарламенте, говорил об абортах, как об «оружии массового поражения, направленном против населения Европы»³⁷². Таким образом, в FN существует раскол по вопросу о праве женщины на аборт. С одной стороны, значительная часть организации призывает придерживаться традиционно консервативных позиций в отношении абортов, что позволит организации сохранить традиционный электорат. С другой стороны, лидер организации открыто заявляет о том, что лично она ничего против абортов не имеет, что позволяет сформулировать более открытый к реалиям современного мира образ.

В Бельгии проблема изменения законодательства по поводу абортов является одной из наиболее обсуждаемых социальных проблем в обществе. В 1990 году Бельгия стала одной из последних европейских стран, легализовавших аборт. Начиная с 1990-х гг., в политическом ландшафте Бельгии единственными противниками легального аборта оставались VB. Ими вносились законопроекты об отмене института легальных абортов, члены партии и ее молодежное крыло выходили на улицы, устраивая протесты и сравнивая больницы, проводящие

³⁷¹ Marion Maréchal Le Pen explains why feminists are hypocrites. // Youtube. 2017. 31 January. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cmhFLUesQBs> (дата обращения: 10.10.2020).

³⁷² Un eurodéputé FN s'en prend à l'avortement et au «poison LGBT». // BFM TV. 2015. 13 March. URL: <http://www.bfmtv.com/politique/un-eurodeute-fn-s-en-prend-a-l-avortement-et-au-poison-lgbt-868904.html> (дата обращения: 10.10.2020).

аборты с «фабриками убийств»³⁷³. Как отмечают К.Целис и Дж.Кон, сочетание такой позиции VB в отношении абортс с тактикой санитарного кордона по отношению к VB со стороны других партий «во многом помогла удерживать статус-кво, еще больше склонив остальные партии к защите закона об абортс»³⁷⁴. Сейчас в VB нет единства по данному вопросу. Более консервативное крыло партии, в лице Берта Декарса и Марийке Диллен заявляют, что «левоэкстремистское предложение об абортс — это посягательство не только на права женщин, но и на человеческую жизнь и, собственно, на цивилизацию»³⁷⁵. Более умеренная позиция сформулирована Томом Ван Грикеном: «для VB аборт должен быть возможен, когда жизнь женщины находится в опасности, когда нерожденный ребенок нежизнеспособен и в случае изнасилования»³⁷⁶. Кампании VB направлены скорее не на борьбу с легальными абортс, а на стимуляцию рождаемости.

В Германии закон, усложнявший для женщин доступ к абортс, был отменен в июне 2022 года по инициативе правящей коалиции, состоящей из социал-демократов (СДПГ), Зеленых и Свободных демократов (СвДП) при поддержке крайне левой партии Die Linke. Против отмены выступили консервативный оппозиционный блок христианских демократов ХДС в союзе с ХСС, а также AFD. AFD активно выступает против всех мер, которые по мнению представителей партии могут привести к «тривиализации этого правонарушения»³⁷⁷: это касается не только отмены запрета на рекламу абортс, но и «формального» отношения к

³⁷³ De Vlaams Belang Jongeren voeren actie 'Abortus- kliniek is Moordfabriek'. // VBJ-website. 2009. 20 December. URL: <http://vbj.org/blog/de-vlaams-belang-jongerenvoeren-actie-abortus-kliniek-is-moordfabriek/> (дата обращения: 10.10.2020).

³⁷⁴ Celis K., Coene G. Still a woman's right? Feminist and other discourses in abortion struggles in Belgium // A Fragmented Landscape. Abortion Governance and protest logics in Europe. – Berghahn Books Inc., 2017. –P. 136

³⁷⁵ Vlaams Belang blijft zich verzetten tegen inhumane abortusvoorstel. // Vlaams Belang. 2021. 14 January. URL: <https://www.vlaamsbelang.org/vlaams-belang-blijft-zich-verzetten-tegen-inhumane-abortusvoorstel/> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁷⁶ Nu debat over (versoepeling van) abortus opnieuw oplaait: zo staan CD&V en Vlaams Belang er anno 2022 tegenover. // Belgium Times. 2022. 26 June. URL: <https://belgium-times.com/politiek/nu-debat-over-versoepeling-van-abortus-opnieuw-oplaait-zo-staan-cdv-en-vlaams-belang-er-anno-2022-tegenover/> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁷⁷ Konzept zur Sozialpolitik. // Alternative fur Deutschland. 2020. URL: <https://www.afd.de/sozialkonzept/> (дата обращения: 25.10.2023).

консультированию, и разговоров о возможности расширения допустимых сроков проведения абортов, а также предложений о том, чтобы вывести аборты из сферы уголовного кодекса страны. Во время общественного обсуждения вопроса об отмене 219 статьи уголовного кодекса Беатрикс фон Шторх в частности заявляла, что «Аборт не является правом человека, а то, что является незаконным, не должно рекламироваться»³⁷⁸. При этом нельзя говорить о том, что AFD напрямую является ярким противником абортов. Как заявлял депутат от AFD в Европарламенте Йорг Меунтен, «жесткие меры» не позволят достичь результатов в этом вопросе, вместо этого необходимо использовать «щадящие меры» убеждая женщин оставить ребенка, а также реформировать работу консультационных центров³⁷⁹. Партийный дискурс по этому вопросу носит несколько смягченный характер: основной целью является не запрет абортов, а попытка отговорить женщин от него. Дебаты об абортах позволяют AFD также заявлять о том, что их позиция исходит из цели защиты традиционных христианских ценностей, в результате чего «для консервативных христиан христиане из АдГ становятся единственной альтернативой»³⁸⁰. Отрицание абортов также связывается с необходимостью повышения рождаемости, во многом носящей для AFD ксенофобский характер.

Говоря о позиции FPÖ по теме абортов, можно отметить, что на эту позицию в определенной степени влияла позиция лидера партии. Так, в годы лидерства Хайнца Кристиана Штрахе партия занимала весьма умеренные позиции, поддерживая существующий в стране статус-кво по проблеме аборта. Штрахе придерживался позиции, согласно которой никто «не может ограничивать свободное решение женщины». Единственной же доступной мерой для

³⁷⁸ Von Storch B. Abtreibung ist kein Menschenrecht. // Zeit. 2018. 13 October. URL:

https://www.zeit.de/politik/deutschland/2018-10/beatrix-von-storch-afd-paragraf-219a?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 25.10.2023).

³⁷⁹ AfD will Frauen mit „sanften Instrumenten von abtreibungen abhalten aid. // Rheinische Post – 2019. 21 May. URL: https://rp-online.de/politik/deutschland/afd-will-frauen-mit-sanften-instrumenten-von-abtreibungen-abhalten_aid-38938977 (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁰ Beatrix von Storch: Nicht erst seit dem Muezzin-Ruf in Köln finden konservative Christen ihre neue Heimat in der AfD. // Alternative für Deutschland – 2021. 11 October. URL: <https://www.afd.de/beatrix-von-storch-nicht-erst-seit-dem-muezzin-ruf-in-koeln-finden-konservative-christen-ihre-neue-heimat-in-der-afd/> (дата обращения: 25.10.2023).

противодействия абортам является «всяческая поддержка, чтобы женщина могла принять решение в пользу рождения ребенка»: как экономическая, так и юридическая, обязывающая обоих родителей принимать участие в воспитании ребенка³⁸¹. Гораздо более жесткую позицию занимал Норберт Хофер, чье заявление о том, что «матка – это место с самым высоким уровнем смертности в Австрии» вызвало шквал общественной критики³⁸². Однако следует отметить, что несмотря на осуждение аборт Хофер призывал лишь продлить срок между принятием решения об аборте и самой операцией, а также поддерживал отдельные инициативы, например по запрету аборт после третьего месяца беременности в случае продиагностированной высокой степени рождения ребенка с серьезными отклонениями³⁸³. На современном этапе наблюдается возвращение к умеренной позиции FPÖ по данной проблеме. По мнению Розы Эккер, представительницы FPÖ по вопросам прав женщин, аборт «все еще являются очень деликатным вопросом». До сих пор существующее решение «работало достаточно хорошо». У женщин «конечно, часто есть причины для принятия такого решения», но принимать их следует с осторожностью. Поэтому Эккер также выступает за увеличение количества консультаций перед принятием решения об аборте³⁸⁴.

В Люксембурге, как и в Австрии, в обществе сложилось компромиссное отношение к проблеме аборта и «эта тема не стоит на повестке дня»³⁸⁵. ADR при этом выступает против дальнейшей либерализации в отношении аборт. Так, в июне 2022 года они стали единственной партией, проголосовавшей против

³⁸¹ Heinz-Christian Strache im Wahlforum. // ORF.at – 2008. 16 September. URL: <https://wiev1.orf.at/stories/307819> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸² Stimmen gegen "vorgestriges Frauenbild" von Norbert Hofer. // Der Standard – 2016. 19 May. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000037220272/stimmen-gegen-vorgestriges-frauenbild-von-norbert-hofer> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸³ FPÖ- und ÖVP-Politiker wollen Schwangerschaftsabbrüche erschweren. // Vice – 2019. 13 February. URL: <https://www.vice.com/de/article/43za8w/fpo-und-ovp-politiker-wollen-schwangerschaftsabbrueche-erschweren> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁴ Abtreibungsdebatte: Kaum Rütteln an der Fristenlösung. // Der Standard – 2022. 27 June. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000136956410/abtreibungsdebatte-kaum-ruetteln-an-der-fristenloesung> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁵ Deputies cast symbolic vote protecting abortion rights. // Delano – 2022. 28 June. URL: <https://delano.lu/article/deputies-cast-symbolic-vote-pr> (дата обращения: 25.10.2023).

резолюции о защите права на аборт, так как, на их взгляд, существующее в стране положение вещей «навряд ли можно назвать дискриминирующим»³⁸⁶. Партия исходит из позиции о том, что «аборт не является правом человека», и требует расширения института консультаций³⁸⁷. ADR также настаивает на необходимости создания условий, в которых девушки и женщины будут чувствовать себя достаточно безопасно, в том числе в экономическом плане, для рождения ребенка.

Голландские правые популисты, в отличие от своих коллег по лагерю, не высказываются против абортов, что связано отчасти с настроениями электората PVV: так, по данным опросов 2022 года, только 19% людей, голосующих за PVV, считают существующее законодательство слишком мягким³⁸⁸. Кроме того здесь важен и тренд, в рамках которого PVV придерживается «либертарианского отношения к этическим проблемам»³⁸⁹. Стоит отметить, что проблема абортов вообще не находится для PVV на приоритетном месте, а выработанная партийная позиция по этой теме отсутствует.

Деятельность представителей SVP по вопросу об абортах в основном связана с попытками сокращения количества недель для проведения легального аборта или увеличением срока ожидания после обязательной консультации. Инициаторами таких предложений в SVP, как правило, выступают женщины-члены партии. Так, например, с инициативами «Спасите жизнеспособных детей»,³⁹⁰ направленной против абортов на поздних сроках, и «Утро мудренее»³⁹¹, направленной на введение однодневного ожидания между обращением к врачу и проведением операции, выступали Андреа Гайсбюлер и Иветт Эстерманн,

³⁸⁶ MPs pass resolution in support of abortion. // RTL Today – 2022. 28 June. URL: <https://today.rtl.lu/news/luxembourg/a/1934260.html> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁷ Ofdreiwung ass kee Mënscherecht!. // ADR – 2021. 24 September. URL: <https://adr.lu/ofdreiwung-ass-kee-menscherecht/> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁸ Many right-wing Dutch think abortion laws are too lenient; Over half support current rules. // NL Times – 2022. 30 June. URL: <https://nltimes.nl/2022/06/30/many-right-wing-dutch-think-abortion-laws-lenient-half-support-current-rules> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁸⁹ Осколков П. В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. – 2017. – №. 5 (77). – С. 56.

³⁹⁰ «Für den Schutz von ausserhalb des Mutterleibes lebensfähigen Babys (Lebensfähige-Babys-retten-Initiative)». 2021. 21 December. URL: <https://lebensfaehige-babys-retten-initiative.ch/initiativtext/> (дата обращения: 25.10.2023).

³⁹¹ VOLKSINITIATIVE Einmal darüber schlafen. 2022. URL: <https://einmal-darueber-schlafen-initiative.ch/> (дата обращения: 25.10.2023).

которые, не найдя поддержки у политических партий в парламенте, пытались выдвинуть свои предложения как народные инициативы. Активные меры по инициации ограничений аборт были связаны с волной ограничений репродуктивных прав женщин в США. Диаметрально противоположную позицию занимает Камилла Лотте, возглавляющая цюрихское молодежное отделение партии. Так, она осуждала предложенные инициативы, заявляя что «как женщине» ей непонятно, почему «партия должна добиваться запрета абортов после 12-й недели беременности при угрожающих жизни матери обстоятельствах»³⁹². Таким образом, сложно говорить о единой линии партии в данном вопросе.

В заключение следует отметить, что семейная проблематика и тема защиты материнства в правых популистских партиях служит ядром социальной повестки, позиционируется как стержень существования нации, противостоящий угрозам со стороны мигрантов и общественных трансформаций. Кроме того, эти партии делают акцент на экономической защите семьи и матерей, часто критикуя правящие партии за недостаточную, по их мнению, поддержку семей как важнейшей ячейки общества. Ключевым направлением в защите семьи и материнства является внедрение семейных льгот и пособий как средства не только оказания помощи существующим семьям, но и стимулирования рождаемости среди широких слоев населения.

Парадоксально, но правые популисты, осуждая угрозу традиционным семейным ценностям со стороны «левых идеологий», в то же время готовы расширить концепцию защиты семьи, включив в нее неполные семьи, что свидетельствует об их адаптивном подходе. Такой акцент на защите семьи одновременно способствует изменению общественного мнения об этих партиях, переключая внимание с их обычно жесткой антииммиграционной позиции на их стремление защитить фундаментальные основы европейского общества, заложенные в институте семьи.

³⁹²SVP-Lothe stellt sich gegen Anti-Abtreibungs-Initiative «Als Frau ist es für mich unverständlich». // Blick – 2021. 22 December. URL: <https://www.blick.ch/politik/svp-lothe-stellt-sich-gegen-svp-abtreibungs-initiative-als-frau-ist-es-fuer-mich-unverstaendlich-id17092122.html> (дата обращения: 25.10.2023).

Несмотря на стремление предстать защитниками прогрессивных ценностей и гендерного равенства, правые популисты сохраняют консервативные позиции в отношении главного предназначения женщины. Для них женщина должна оставаться прежде всего матерью, а потому государство должно создавать для нее все необходимые экономические условия, чтобы позволить выбрать материнство, а также обеспечивать должный уровень защиты от мигрантской угрозы (которая в контексте семейной повестки понимается еще и как угроза экономического характера).

Кроме того, опасения правых популистов вызывают и суррогатное материнство и легальный аборт, часто сопоставимые между собой в правопопулистском дискурсе. Оба этих феномена вмешиваются, с точки зрения правых, в естественный ход материнства. Однако, если суррогатное материнство однозначно вызывает критику со стороны правых, апеллирующих к неприемлемости этого феномена с точки зрения биоэтики, то к вопросу о легальном аборте они подходят более инструментально. Если по вопросу допустимости легального аборта в обществе существует раскол, то правые популисты активно используют эту проблематику, апеллируя к ценностям «защиты жизни» (Германия, Бельгия). Если в обществе существует компромисс – то правые не высказываются против аборта напрямую, они делают акцент на стимулировании рождаемости с помощью экономических мер, опираясь на позицию, что при стабильной экономической и социальной ситуации количество абортов сократится (Австрия, Люксембург). Важное значение имеет позиция лидера (Франция, Австрия). Инструментальное отношение особенно проявляется в политической повестке правых популистов Швейцарии и Нидерландов. Особняком стоят Нидерланды – там нет официальной позиции по абортам, но при случае все либеральные достижения европейского человечества, в том числе и право на аборт, противопоставляются мусульманам. В Швейцарии правые, как обычно, используют любую резонансную тему как повод для референдума и как способ напомнить о себе и своих позициях, несмотря на то, что внутри партии нет единого мнения по этому вопросу.

Глава 3. Технологии политического лидерства в правых популистских партиях

3.1. Обновление имиджа лидеров правых популистских партий

Влияние политических лидеров становится ключевой силой, определяющей степень успешности политических движений. С наступлением цифровой эры и всплеска персонализированной коммуникации отдельные политики стали занимать более значимое место, чем традиционные партийные структуры³⁹³. Как отмечает Д. Гарсиа, слияние политических платформ с личностями партийных лидеров стало отличительной чертой современной политики, а «партийные лидеры, похоже, стали наиболее мощным предиктором партийной ориентации электората на индивидуальном уровне»³⁹⁴. Это утверждение особенно справедливо в отношении правых популистских партий, лидеры которых играют важную роль в формировании идентичности и повестки партии в силу харизматического и персонифицированного характера их кампаний³⁹⁵. Имидж, поддерживаемый этими лидерами, служит материальным воплощением принципов партии, отражаясь в общественном восприятии и определяя способность партии привлекать к себе внимание и обеспечивать поддержку различных групп населения.

Общий портрет лидерства правых популистов позволяет говорить об адаптивности и изменчивости этого феномена. Правые популистские партии, традиционно воспринимавшиеся как «мужские партии для мужчин», в XXI веке меняются, что отчетливо проявляется в обновлении имиджа партийных лидеров. Говоря о классическом представлении типичного лидера правых популистов, следует обратиться к портрету, составленному К. Мюдде из следующих ключевых характеристик: «белый (или представитель этнической/расовой

³⁹³ Rahat G., Sheaffer T. The personalization (s) of politics: Israel, 1949–2003 //Political communication. – 2007. – Т. 24. – №. 1. – P. 65-80.

³⁹⁴ Garzia D. Personalization of politics and electoral change. – Springer, 2019. P. 40.

³⁹⁵ Eatwell R. The rebirth of right-wing charisma? The cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovskiy //Totalitarian Movements and Political Religions. – 2002. – Т. 3. – №. 3. – P. 1-23.

принадлежности большинства), мужчина, натурал, пожилой, авторитарный, харизматичный, грубый, жестокий и с военным прошлым»³⁹⁶. Мюдде отмечал и стремление этих лидеров вырваться с периферии политической жизни, для чего они начали все больше копировать лидеров мейнстримных партий: они не только белые мужчины-натуралы старшего поколения, но еще и «профессиональные политики с высшим образованием, прошедшие через партийные организации»³⁹⁷. В числе основных тенденций отклонения от стереотипного образа лидера правой партии К. Мюдде предполагал следующие факторы: растущее количество женщин-лидеров партий, наличие партийных лидеров, в той или иной степени открыто относящих себя к сексуальным меньшинствам, а также появление лидеров, не являющихся представителями этнического или расового большинства³⁹⁸. Углубляя предположения Мюдде, в работе исследуются изменения в структуре лидерства в правых популистских партиях. В ходе анализа подробно рассматриваются изменения в ключевых показателях, выделенных для лидеров, включая этническую принадлежность, возраст, семейное положение, образование и профессиональную деятельность.

Применительно к этнической принадлежности лидеров правых популистских партий в выборке практически отсутствует расовое и этническое разнообразие. Отклонение от типичного портрета лидера правопопулистской партии демонстрирует Марко Кьеца, лидер SVP. Большинство политиков родом из Швейцарии, страны с тремя государственными языками, как правило, принадлежат к немецкоязычному населению. Однако, Кьеца родом из кантона Тичино, где итальянский язык признан единственным официальным языком, что делает его представителем италоязычного меньшинства Швейцарии. Встречаются среди лидеров правых популистских партий и мигранты во втором поколении: мать Герта Вилдерса родом из колониальной Индонезии, родители Жордана Барделлы имеют итальянские корни. Необходимо признать, что эти случаи

³⁹⁶ Mudde C. Op. cit. 2019. P. 65.

³⁹⁷ Ibid. P. 65.

³⁹⁸ Ibid. P. 67.

относительно немногочисленны по сравнению с общей выборкой из 24 лидеров. Некоторые лидеры правых партий состоят в браке или отношениях с мигрантами или потомками мигрантов, что отражает определенное разнообразие в их личной жизни. Например, третья жена Йорга Мойтена родом из России, партнерша Алис Вайдель – цветная женщина, а жена Герта Вилдерса – бывший венгерский дипломат турецкого происхождения. Несмотря на то что представительство этнических меньшинств среди лидеров правых партий весьма ограничено, наличие таких лидеров, как Марко Кьеза, Герт Вилдерс и Джордан Барделла, указывает на определенную степень разнообразия внутри этих партий. Этническая принадлежность, культурный фон и личные отношения лидеров могут влиять (или не влиять) на позицию их партий по вопросам миграции и многообразия. Этническая принадлежность может инструментально использоваться правопопулистскими лидерами для оправдания партийной повестки в отношении мигрантов, как это пытался делать Герт Вилдерс, рассказывая об опыте своей матери, в детстве переехавшей из Индонезии в Нидерланды (впоследствии его брат выступил с официальным заявлением в СМИ, упрекнув его в использовании их матери в политических целях, и сказал, что она его не поддерживает³⁹⁹).

Подавляющее большинство лидеров – мужчины, что свидетельствует о гендерном дисбалансе на руководящих постах в правых популистских партиях. Так, из 24 лидеров за рассматриваемый период лишь 3 женщины-лидера. Наличие женщин-лидеров может свидетельствовать о потенциальном сдвиге в сторону большего гендерного разнообразия, однако их небольшая представленность указывает на необходимость дальнейшего изучения участия женщин в этих партиях.

В последние годы в Европе отмечается тренд на снижение возраста избираемых политиков: хотя средний возраст мировых лидеров во всём мире

³⁹⁹ Geert Wilders' own MOTHER is too embarrassed to vote for the far-right European leader on course to win power in Holland. // Daily Mail. – 2017. 23 February. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4253796/Geert-Wilders-MOTHER-embarrassed-vote-him.html> (дата обращения: 25.10.2023).

увеличился с 1950-х гг., для Европы характерна противоположная тенденция⁴⁰⁰. Медианный возраст лидеров партий при их вступлении на должность (48 лет для мужчин, 43 года для женщин) вписывается в этот тренд.

Таблица 1. Возраст лидеров правых популистских партий

Возраст	21-35	36-45	46-55	56-65	66-76
Количество	3	8	11	0	2
Доля (%)	12,5	33,3	45,8	0	8,3

При этом самые возрастные лидеры представлены в AfD (Александр Гауланд 1941 г.р., Конрад Адам 1942 г.р.), FN (Жан-Мари Ле Пен 1928 г.р.). Самые молодые лидеры – Жордан Барделла из FN 1995 г.р., Том Ван Грикен из VB 1986 г.р., занявшие лидерские позиции в своих партиях до достижения тридцатилетия. Такое разнообразие возрастной представленности лидеров правых партий может иметь значение для их стиля руководства и способов взаимодействия с молодыми и пожилыми сегментами электората. Особого внимания здесь заслуживают Барделла и Ван Грикен, в имидже которых важную роль играет их юношеский образ. И Барделла, и Ван Грикен относительно молоды по сравнению со другими лидерами правых популистских партий, на что неоднократно обращали внимание в СМИ. Это выделяет их среди других и привлекает более молодые слои населения, что очень важно для расширения сферы влияния партий. Своей главной задачей оба сделали нормализацию образа партии. Как заявлял Барделла, «Мы – обычная партия, хотя и не такая, как остальные. Другие ведут бой в окопах. В нашей партии есть форма единства, которую нужно сохранить, это мое желание»⁴⁰¹. Ван Грикен демонстрировал стремление «любой ценой поддерживать имидж "нормального" президента

⁴⁰⁰ Bershidsky L. Europe's Millennial Leaders Are Bucking Politics as Usual. // Bloomberg. – 2019.11 December. URL: www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-12-11/europe-s-millennial-leaders-are-bucking-politics-as-usual?srnd=opinion-politics-and-policy_ (дата обращения: 15.09.2022).

⁴⁰¹ Jordan Bardella, à la tête du Rassemblement National: «Je dois tout à Marine Le Pen». // La Nouvelle République. – 2022. 5 November. URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/a-la-une/jordan-bardella-elu-nouveau-president-du-rassemblement-national> (дата обращения: 25.10.2023).

"нормальной" политической партии»⁴⁰². Они умеют использовать современные средства коммуникации, в том числе социальные сети, для прямого контакта с аудиторией. Это позволяет им обходить традиционные СМИ и более эффективно доносить свои идеи до избирателей. Оба лидера попытались смягчить имидж своих партий, сделав их менее экстремальными и более мейнстримными.

При анализе сексуальной ориентации и семейного положения лидеров правых партий становится очевидным заметное отсутствие многообразия в этом аспекте. Из 24 исследуемых лидеров только Алис Вайдель идентифицирует себя как открытая лесбиянка и состоит в зарегистрированных отношениях со своей партнершей. Остальные две женщины-лидера, представленные в выборке, пережили развод. Такая характеристика также вписывает лидерство правых популистских партий в общий тренд, согласно которому женщины-лидеры партий чаще разводятся, чем их коллеги-мужчины⁴⁰³. Марин Ле Пен дважды разводилась и публично состояла в отношениях, которые впоследствии прекратились. Фрауке Петри, напротив, после развода снова вышла замуж за коллегу по партии. Среди мужчин-лидеров больше половины (17 из 21) состоят в браке, что иллюстрирует поддержку традиционных семейных ценностей. Три лидера официально сожительствуют со своими партнершами, четыре лидера пережили развод, причем двое из них – дважды. Это свидетельствует о сдвиге в сторону признания альтернативных форм отношений в семье, дополняемом ориентацией правых популистов на расширенное понимание того, что подразумевается под семьей. Кроме того, на примере выдвижения в первые ряды AFD Вайдель и Гауланда можно говорить о том, что образ семейного политика потерял для AFD свое значение: имидж Алис Вайдель ориентирован явно не на защитников традиционных семейных ценностей, у Гауланда уже взрослая дочь и его образ «типичного правого радикала» способен сам себя зарекомендовать для типичных сторонников праворадикальных организаций. Тем не менее, в целом большее

⁴⁰² Tom Van Grieken et la discrète "normalisation" du Vlaams Belang. // RTBF. – 2020. 2 December. URL: <https://www.rtb.be/article/tom-van-grieken-et-la-discrete-normalisation-du-vlaams-belang-10644440> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁰³ O'Neill B., Stewart D. K. Gender and political party leadership in Canada // Party Politics. – 2009. – Т. 15. – №. 6. – P. 748.

число женатых лидеров соответствует традиционным семейным идеалам, что может найти отклик у их консервативной избирательной базы.

Лидеры праворадикальных популистских партий имеют различный уровень образования, причем большинство из них (16 из 24) имеют высшее образование. Примечательно, что пятеро из них получили ученую степень, что свидетельствует о компетентности в соответствующих областях.

Таблица 2. Направление образования лидеров правых популистских партий

Направление образования	Количество	Доля (%)
Экономика и менеджмент	7	29,2
Юриспруденция	5	20,8
Профессиональное образование	5	20,8
Гуманитарные науки	3	12,5
Естественнонаучное образование	2	8,3
Нет образования	2	8,3

Что касается специализации образования, лидеры имеют различную профессиональную подготовку. Некоторые лидеры имеют среднее образование именно в той профессиональной области, в которой они работают в настоящее время, например, агрономия, столярное дело, стоматология, инженерное дело. Среди направлений высшего образования наиболее распространенными являются экономика и юриспруденция. Семь лидеров имеют экономическое образование, а пять лидеров изучали юриспруденцию. Вероятно, эти области знаний способствуют пониманию экономических и правовых вопросов, которые часто занимают центральное место в программах правых популистов.

Следует отметить, что все женщины-лидеры имеют высшее образование, причем одна из них – обладатель ученой степени. Здесь стоит принять во внимание отмеченную А. Шафером тенденцию на высокий уровень образования, характерный для представителей немецкого бундестага⁴⁰⁴, что распространяется и на двух представительниц немецкой AFD. Кроме того, женщины-лидеры правых

⁴⁰⁴ Schäfer A. Die Akademikerrepublik: Kein Platz für Arbeiter und Geringgebildete im Bundestag? //Gesellschaftsforschung. – 2013. – №. 2. – P. 8-13.

партий обладают богатым профессиональным опытом в различных областях, включая науку, бизнес и юриспруденцию. Это свидетельствует об их способности участвовать в решении сложных политических вопросов и вносить вклад в развитие своих партий. Другой тенденцией является раннее вовлечение нынешних лидеров в партийные институты. За исключением Вайдель, многие из них были связаны со своими партиями с юности. Вовлеченность в молодежные организации партии предполагает глубоко укоренившуюся приверженность идеологии и принципам, еще больше укрепляя их позиции внутри партии и способствуя их росту в качестве партийных лидеров.

Образованность, наличие профессионального опыта, а также опыта участия в политическом процессе являются важными характеристиками лидерства в правых популистских партиях на современном этапе.

Позиции и стиль лидерства в правых популистских партиях зависит от различных факторов, в том числе от положения партии в более широком политическом спектре. Ассоциируясь с радикальностью и нахождением на политической периферии, такие партии требуют лидеров, демонстрирующих убежденность и умеющих излагать и отстаивать свою повестку перед различными аудиториями, даже в условиях жесткой оппозиции.

Популизм как таковой характеризуется опорой на сильных лидеров, способных воодушевить массы и направить свои партии на проведение кардинальной политики. Как замечал П. Таггарт, популизм требует, чтобы самые необычные люди вели за собой самых обычных людей⁴⁰⁵, что подчеркивает ключевую роль лидерства в популистском ландшафте.

В сфере правого популизма часто преобладает напористый стиль руководства, сопровождаемый антиэлитарной риторикой, которая находит глубокий отклик у сторонников. Такой агрессивный подход, как подчеркивает А. Мерелли, считается обычным явлением в популистских кругах, где от лидеров

⁴⁰⁵ Taggart P. Populism. Buckingham, UK: Open University Press. 2000. P. 1.

ожидают противостояния с устоявшимися элитами и отстаивания интересов простых людей⁴⁰⁶.

К. Мюдде и К. Р. Кальтвассер выделяют различные архетипы, возникающие в рамках этой политической структуры⁴⁰⁷. Центральным в их анализе является представление о том, что популистские лидеры должны убедительно позиционировать себя как представителей чистого «народа» в противовес коррумпированной элите. Популист «сильная личность» воплощает этот нарратив через демонстрацию мужественности, ориентированной на активные действия, используя культурные стереотипы и отстаивая кажущиеся здравыми решения, которые бросают вызов мнению экспертов. В отличие от них, популист «предприниматель» представляет себя как честного, добившихся успеха самостоятельно людей, несмотря на махинации коррумпированных политиков, часто изображая себя неохотно участвующими в политической жизни. Стереотипная «сильная личность», по их оценкам, будет привлекательна для людей в обществах с более традиционной и мачистской культурой, в то время как «предприниматели», вероятно, будут привлекательны в более капиталистических и материалистических обществах.

Признавая, что популизм часто ассоциируется со стигмой, особенно с ее негативной коннотацией, для популистских лидеров становится необходимым принять стратегии и стили лидерства, которые смягчают такое восприятие. Как отмечает Й. Лаhti, это особенно заметно в странах либеральной демократии, где СМИ традиционно довольно критично относятся к популистским политикам и деятелям, поскольку часто считают, что они противоречат фундаментальным ценностям западной либеральной демократии⁴⁰⁸. В результате, для того, чтобы избежать стигматизации, правые популистские партии требуют инновационных подходов к лидерству.

⁴⁰⁶ Merelli A. The state of global right-wing populism in 2019. // Quartz. – 2020. 19 December. URL: <https://qz.com/1774201/the-global-state-of-right-wing-populism-in-2019> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁰⁷ Mudde C., Kaltwasser C. R. Populism: A very short introduction. – Oxford University Press, 2017.

⁴⁰⁸ Lahti Y. D. O. Populism as a battlefield Populist actors and their representation on social and legacy media during the european parliament elections 2019 in Finland, Italy and the Netherlands. – 2022.

В продолжение этой темы А. Линденанд и Б. Кландерманс анализируют стратегии преодоления, используемые ультраправыми активистами, – от принятия своего клейма до отрицания и дистанцирования от негативных ассоциаций⁴⁰⁹, что подчеркивает многостороннюю природу поведения лидеров правых популистов на политическом ландшафте.

В ответ на меняющиеся общественные нормы и ожидания многие партии стремятся обновить свой имидж, участвуя в таких процессах, как дедемонизация и нормализация. Это подчеркивает важность умелого использования риторики, стратегических моделей речи, а также мастерства маневрирования и манипулирования для лидеров в этой сфере. Ключевым аспектом является умение четко и ясно излагать свои мысли, используя эмоционально насыщенные, но логически выстроенные рассуждения, которые находят отклик как у элиты, так и у масс.

Более того, как подчеркивает Л. Бос, легитимность имеет первостепенное значение для лидеров правых популистов, особенно для того, чтобы развеять опасения по поводу угроз демократии и избежать ассоциаций с крайне правыми⁴¹⁰. Кроме того, результаты исследований М. Кивиярви и Т. Такала демонстрируют важность компетентности лидера и его знакомства с актуальными вопросами на политической арене. Для лидеров правых популистов важно использование достоверных источников и аргументов, основанных на фактах, при взаимодействии со СМИ, подчеркивая критическую роль информированного дискурса в формировании общественного мнения⁴¹¹.

Поскольку традиционно лидеры партий были мужчинами, то преобладающим стремлением для них являлось конструирование традиционной маскулинности в своем имидже. Как отмечал Ф. Вирхов, маскулинность для таких лидеров связана с «предпочитаемой ролью "боевого солдата" или "воина",

⁴⁰⁹ Linden A., Klandermans B. Stigmatization and repression of extreme-right activism in the Netherlands //Mobilization: An International Quarterly. – 2006. – Т. 11. – №. 2. – P. 213-228.

⁴¹⁰ Bos L., Van der Brug W., De Vreese C. How the media shape perceptions of right-wing populist leaders //Political Communication. – 2011. – Т. 28. – №. 2. – P. 182-206.

⁴¹¹ Kivijärvi M., Takala T. (De) Stigmatization of Political Leadership: The Case of a Right-Wing Populist Presidential Candidate in the Finnish Media //Open Journal of Political Science. – 2020. – Т. 10. – №. 3. P. 443.

которая ассоциируется с такими характеристиками, как гетеросексуальность, кормилец семьи, непримиримость (нежелание идти на компромисс), твердость, сила, готовность идти на жертвы, бесстрашие, храбрость, служение народу и стране, вплоть до самопожертвования»⁴¹². Однако на примере молодых лидеров правых популистов можно наблюдать отклонение от этой тенденции. А. Хайльманн отмечает, что существуют различные формы мужской самопрезентации в поле правого экстремизма и что есть признаки модернизации в смысле «более гибкой нормализующей адаптации к современным формам гражданской маскулинности»⁴¹³. Том Ван Грикен и Жордан Барделла олицетворяют собой такой «новый» тип мужского лидерства, связанный с переходом к мужчине-интеллекту вместо мужчины-воина, и это бросает вызов традиционному восприятию маскулинности в правых популистских партиях.

Барделла и Ван Грикен олицетворяют собой новый тип лидера правопопулистской партии, особенно в плане их гендерного дисплея. Еще ярче такое обновление имиджа проявляется на примере женщин-лидеров правых популистских партий.

3.2. Женское лидерство в правых популистских партиях Западной Европы

Выборка лидеров правых популистских партий Западной Европы включает в себя трех женщин-лидеров: Фрауке Петри и Алис Вайдель из AFD, Марин Ле Пен из FN. Анализ особенностей самопрезентации женщин-лидеров, а также освещения их в СМИ дает представление о расширении дескриптивной репрезентации женщин в правых популистских партиях Западной Европы.

Фрауке Петри, стоявшая у истоков основания AFD, достаточно быстро закрепила на ведущих позициях в партийной иерархии и политической жизни всей страны. Уже в 2015 году она не только возглавила немецких правых, но и стала второй самой обсуждаемой женщиной-политиком в стране. Алис Вайдель

⁴¹² Virchow F. Tapfer, stolz, opferbereit—Überlegungen zum extrem rechten Verständnis «idealer Männlichkeit» //Rosa-Luxemburg-Stiftung. – 2010. – P. 42.

⁴¹³ Heilmann A. Normalisierung und Aneignung—Modernisierung und Flexibilisierung von Männlichkeiten im Rechtsextremismus //Rosa-Luxemburg-Stiftung. – 2010. – P. 60.

стала той женщиной, ставка на которую партией была сделана сразу после выхода Петри из партии. Важно отметить, что Вайдель последовательно позиционируется AFD как «один из» вариантов лидерства. С 2017 года она является лидером фракции AFD в Бундестаге, однако такую престижную позицию до сентября 2021 года она делила с Александром Гауландом, представляющим крайне-правое крыло партии, а после этого с Тино Хрупалла, на пару с которым она официально является лидером партии с июня 2022 года. Марин Ле Пен, лидер FN с 2011 по 2022 год, остается заметной политической фигурой в СМИ как на внутреннем, так и на международном уровне. Будучи дочерью Жан-Мари Ле Пена, скандально известного основателя Национального фронта (ныне Национальное объединение), Марин Ле Пен фактически унаследовала партию, известную своей ультраправой и националистической идеологией.

Говоря о социальном портрете женщин-лидеров, можно выделить следующие тенденции. Все три женщины-лидера представляют этническое большинство в своих странах, что отражает общую тенденцию среди лидеров правых популистов. Примечательно, что в их окружении есть некоторое разнообразие, например, партнер Алис Вайдель, Сара Боссард, цветная женщина, а крестная мать детей Марин Ле Пен, Югетт Фатна, родилась на Мартинике. Такое разнообразие среди их близкого окружения, активно освещаемое в прессе (так, Боссард сопровождает Вайдель на большинстве партийных мероприятий, где предполагается присутствие супругов; Фатна совмещает тесную дружбу с семьей Ле Пен с высокими позициями в партийной иерархии) можно рассматривать как стратегический ход, направленный на создание более инклюзивного имиджа, как самих женщин-лидеров, так и партий, которые они представляют. С. М. Ланкастер предполагает, что блок поддержки радикальных правых в целом становится менее традиционалистским⁴¹⁴. Это соответствует более общей тенденции, когда цветные люди играют все более заметную роль во всем спектре

⁴¹⁴ Lancaster C. M. Not so radical after all: Ideological diversity among radical right supporters and its implications // *Political Studies*. 2020. Т. 68. №. 3. P. 600-616.

ультраправого активизма⁴¹⁵. В американском контексте ультраправые пытаются расширить свою привлекательность, превратившись из движения, ориентированного только на белых, в движение, которое учитывает многорасовую реальность Америки⁴¹⁶. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в европейском правом популизме, где женщины-лидеры способствуют воплощению этого тренда в жизнь.

Ряд исследователей высказывает предположение о том, что совмещение женщинами-политиками семейной и политической деятельности приводит к более позднему вхождению женщин в политический процесс⁴¹⁷. Приход к власти в относительно молодом для политических лидеров возрасте (Фрауке Петри в 38 лет, Алис Вайдель и Марин Ле Пен в 43 года), однако, согласуется с более широким трендом молодого лидерства правом популистском движении.

Все три женщины-лидера имеют высшее образование: Марин Ле Пен – в области юриспруденции, Фрауке Петри – докторскую степень по химии, Алис Вайдель – по экономике. Несмотря на то, что среди исследователей нет единого мнения о связи между уровнем образования политиков и их работой на посту, можно предположить, что высокий уровень образования среди женщин-лидеров правых свидетельствует о стремлении правого популистского руководства к интеллектуальному авторитету⁴¹⁸. Разнообразный и успешный профессиональный опыт способствует формированию их лидерских качеств. Б. Бич и Д. Джоунс отмечают, что кандидаты часто утверждают, что их опыт работы в бизнесе повлияет на то, как они будут управлять, а избиратели убеждены, что

⁴¹⁵ Allam H., Nakhlawi R. Black, Brown and extremist: Across the far-right spectrum, people of color play a more visible role. // The Washington Post. 2021. 16 May. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/minorities-far-right-visible-role/2021/05/16/e7ba8338-a915-11eb-8c1a-56f0cb4ff3b5_story.html (дата обращения: 25.10.2023).

⁴¹⁶ Gupta A. Why Young Men of Color Are Joining White-Supremacist Groups. // Daily Beast. 2018. 6 September. URL: <https://www.thedailybeast.com/why-young-men-of-color-are-joining-white-supremacist-groups> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴¹⁷ Козлова Н.Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. №2 С. 68-84; Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. №2. С. 57-69.

⁴¹⁸ Carnes N., Lupu N. What good is a college degree? Education and leader quality reconsidered // The Journal of Politics. 2016. № 78(1). P. 35–49.

профессиональный опыт улучшит результаты выборов⁴¹⁹. Сочетание участия в политической жизни и опыта ведения бизнеса, как у немецких женщин-лидеров, и юридической практики, как у Марин Ле Пен, создает образ всесторонне развитых лидеров, способных ориентироваться как в политической, так и в профессиональной сфере.

Таким образом, «военному прошлому» лидера-мужчины, на которое обращал внимание Мюдде, женщины-лидеры могут противопоставить образованность и богатый профессиональный опыт, на который они не стесняются обращать внимание в самопрезентации. Так, основой политической повестки Вайдель является отстаивание экономического либерализма, Петри часто в интервью обращала внимание на свой высокий уровень образования и богатый профессиональный опыт, основные темы, поднимаемые Ле Пен – иммиграция и национальная безопасность.

Различные семейные статусы этих лидеров в сочетании с их ролью матерей создают имидж, который резонирует с семейными ценностями – ключевым аспектом привлекательности правых популистов для широких слоев общества. Следует отметить, что женщины-политики, особенно консервативные, достаточно делают акцент на том, что являются матерями и обращаются к материнскому опыту. Возможно, на это влияет традиционное восприятие женщины как жены и матери, которое накладывает отпечаток на тот образ, который женщины-политики создают для получения электоральной поддержки и который активно использует пресса, размышляя о профессиональных качествах женщины-политика⁴²⁰.

Тот факт, что партию возглавляла не просто женщина, но и многодетная мать, позволил AFD сосредоточиться на консервативной семейной политике, апеллируя к образу Фрауке Петри как образцу идеальной немецкой женщины, находящей время на карьеру и на семью. Главный упор в отношении семейной

⁴¹⁹ Beach B., Jones D. B. Business as usual: Politicians with business experience, government finances, and policy outcomes // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2016. № 131. P. 203.

⁴²⁰ Бурмистрова Е.С., Вершинина Д.Б. Женщины в представительных органах власти в 2017-2021 годах: кросснациональный анализ // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия Политология, социология, международные отношения. В печати.

политики периода лидерства Петри – проблема увеличения рождаемости. Для Петри семейная политика связана, прежде всего, с демографической политикой⁴²¹. Упор здесь в очередной раз делается на угрозе местному населению извне: «немецкая политика обязана обеспечить выживание своего собственного народа, своей собственной нации»⁴²². С такой позицией были связаны также попытки внести в программу партии положения, стимулирующие немецких женщин заводить как минимум трех детей. Дети признаются главной ценностью, а «Альтернатива для Германии» единственной партией в Германии, которая хочет сохранить эти ценности на благо нашего общества. В этом отношении Петри также обращает внимание на то, что является матерью, а потому более заинтересована в создании стабильного и процветающего будущего Германии: «мы выступаем за устойчивую политику, которая всегда учитывает интересы наших детей и внуков, а также будущих поколений в своих действиях ... там, где госпожа Меркель принимает решения в стиле “после нас хоть потоп”, Фрауке Петри, как многодетная мать, всем сердцем борется за будущее страны»⁴²³.

В 2016 году Петри даже заявила о том, что неудачи в политике Меркель связаны с ее бездетностью: «у меня четверо детей, а у Ангелы Меркель нет ни одного. Благодаря детям становится необходимым заглянуть за пределы своего горизонта. А Меркель этого не делает»⁴²⁴. Образ Фрауке Петри как матери оказался важен и для правоориентированных СМИ. Так, на страницах журнала «Compact», неофициального печатного органа немецких правых, Юрген Элсассер, главный редактор журнала, отмечал, что Петри в гораздо большей степени заслуживает эпитет «Mutti», ассоциируемый с Меркель: «в отличие от “мутти”, у

⁴²¹ Kemper A. Foundation of the Nation: How Political Parties and Movements are Radicalising Others in Favour of Conservative Family Values and against Tolerance, Diversity, and Progressive Gender Politics in Europe. Berlin, 2016. P. 44.

⁴²² AfD: Petry will Volksentscheid über Abtreibung. // Neue Osnabrucker Zeitung. – 2014. 21 August. URL: <https://www.noz.de/deutschland-welt/politik/artikel/500073/afd-petry-will-volksentscheid-uber-abtreibung> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴²³ AfD-Wahlkampf: Petry und ihr Baby – ein Tabubruch // Tages Spiegel. – 2017. 23 Juli. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/petry-und-ihr-baby--ein-tabubruch-5258824.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴²⁴ AfD-Chefin Petry hält Merkel Kinderlosigkeit vor. // Stern. 2016. 14 September. URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/frauke-petry--afd-chefin-haelt-angela-merkel-kinderlosigkeit-vor-7056952.html> (дата обращения: 28.05.2021).

нее действительно есть дети, а именно четверо детей, и при этом она не потеряла свежести юности»⁴²⁵.

Апогеем вовлеченности семьи Петри в политику стала предвыборная кампания 2017 года, когда значительный ажиотаж был вызван тем, что на партийных плакатах с вопросом «А какая у вас причина бороться за Германию?» Фрауке Петри держала на руках своего новорожденного сына Фердинанда. Плакат был выполнен в крайне минималистичном стиле – на голубом фоне Фрауке Петри в светлой классической рубашке, из украшений на ней привлекало внимание разве что обручальное кольцо, заботливо держала на руках ребенка, обращенного лицом к камере. Следует отметить, что использование детей в политических кампаниях крайне нетипично, а уж тем более из ряда вон выходящим предстает тот факт, что лицо ребенка на плакате ничем не закрыто. В прессе высказывалось мнение о том, что Петри сначала не решалась использовать своего ребенка в предвыборной кампании, однако она была вынуждена согласиться на этот шаг из-за внутривнутрипартийной борьбы, разгоревшейся накануне выборов 2017 года. Помимо того, что образ Петри всё чаще стали критиковать уже правоориентированные новостные ресурсы, ее репутация пошатнулась после скандала с дачей ложных показаний, а партия отказывалась согласиться с более умеренным курсом, который был ею предложен. В конечном итоге она попыталась сделать ставку на свой классический образ матери и политика, однако ее решение вызвало шквал критики в адрес «Альтернативы для Германии»⁴²⁶. Сразу после успеха партии на выборах, Петри заявила о том, что приняла решение покинуть «Альтернативу для Германии».

Алис Вайдель предстает весьма нетипичным выбором для лидера консервативно ориентированной «Альтернативы для Германии». После окончания университета, в котором она изучала экономику и получила докторскую степень, Вайдель долго время была банкиром, жила за рубежом, в

⁴²⁵ Elsässer J. Die bessere Kanzlerin – AfD vor dem Durchbruch. // Compact. 2016. März. URL: <https://www.yumpu.com/de/document/read/57010589/compact-magazin-03-2016> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴²⁶ Petrys Posterboy. // Spiegel. 2017. 21 July. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/frauke-petry-wahlplakat-zeigt-afd-politikerin-mit-ihrem-baby-a-1159095.html> (дата обращения: 28.05.2021).

том числе, в Китае, занималась фрилансом в области делового консалтинга. Биологических детей у нее нет, однако она воспитывает двух приемных детей в гражданском союзе с швейцарским кинопродюсером Сарой Боссард. В противовес Петри, Вайдель мало говорит о своей частной жизни и «хочет иметь полный контроль над тем, что пишут о ней журналисты»⁴²⁷. Вайдель открыто заявляла о том, что «никогда не собиралась использовать свою частную жизнь в качестве политического инструмента, например, чтобы придать АдГ более современный, либеральный оттенок. А отношения с женщиной впервые стали достоянием общественности благодаря ток-шоу на телевидении»⁴²⁸. В этой связи отдельного внимания заслуживает эпизод во время предвыборной кампании в Фирнхейме, когда Алис Вайдель решила рассказать о своей личной жизни. В сентябре 2017 года она впервые официально заявила о том, что она лесбиянка и после небольшой паузы, наполненной аплодисментами, с улыбкой отметила, что находит «странным то, что никто не высказывается по этому поводу, ведь каждый день она читает о том, что “Альтернатива для Германии” гомофобная партия»⁴²⁹. Вайдель отметила, что она выбрала партию, потому что AFD «выступает за сохранение свободной западной культуры и цивилизации»⁴³⁰.

В конечном счете, сексуальная ориентация стала единственной стороной личной жизни, которую Вайдель использует в политических целях. «Мое избрание и мое высокое признание в партии показывают, что, вопреки общественному мнению, моя партия толерантна», – заявляла Вайдель в интервью «Washington Post»⁴³¹. Вторит этой позиции и ее интервью «Financial Times»:

⁴²⁷ The Right-Wing Path to the Top. // Zeit Online. 2017. 7 September. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/alternative-for-germany-alice-weidel-frauke-petry> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴²⁸ Alice Weidels Problem mit ihrer Homosexualität. // Uber Medien. 2017. 5 May. URL: <https://uebermedien.de/15192/alice-weidels-problem-mit-ihrer-homosexualitaet/> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴²⁹ Weidel outet sich im Wahlkampf. // Frankfurter Allgemeine. 2017. 21 September. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/afd-spitzenkandidatin-weidel-spricht-ueber-eigene-homosexualitaet-15209412.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³⁰ Alice Weidel wagt die Flucht nach vorn. // Frankfurter Allgemeine. 2017. 20 September. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/alice-weidel-steht-zu-ihrer-homosexualitaet-15208786.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³¹ Germany's far right preaches traditional values. Can a lesbian mother be its new voice?. // Washington Post. 2017. 15 May. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/europe/germanys-far-right-preaches-traditional->

«Поддерживать традиционную семью и отрицать другие стили жизни – это разные вещи. Тот факт, что я нахожусь во главе партии, демонстрирует ее толерантность»⁴³². Биография Вайдель и отдельные характеристики ее личной жизни позволяют ей производить впечатление человека, придерживающегося определенных прогрессивных ценностей. А это значит, тот факт, что человек, казалось бы, во всем противоречащий картине мира немецких правых разделяет их точку зрения, может заставить нетрадиционный для «Альтернативы для Германии» электорат задуматься о том, что возможно эта партия не так плоха, как они считали.

Несмотря на заявления Вайдель, что она хочет оставить свою частную жизнь приватной, эта тема по-прежнему остается актуальной. Так, Вайдель заявляла о том, что «не смогла сделать всего этого без своей семьи», и отмечала безусловную поддержку своей партнерши Сары Боссард: «когда в 2016 году я раздумывала, стоит ли мне занять высшую кандидатуру в партии, она сразу сказала да: значит все делается правильно»⁴³³. Боссард, являясь публичной фигурой, также комментировала некоторые политические решения Вайдель. Она открыто выступала против инициативы «брака для всех», заявляя, что эта «кампания не только безвкусна, но и полностью игнорирует реальность нашей жизни», а «многие геи и лесбиянки просто хотели бы, чтобы их оставили в покое»⁴³⁴. Она регулярно посещает партийные мероприятия AFD, и сопровождает Вайдель во время мероприятий, проводимых другими праворадикальными популистскими партиями, как например на 35-й традиционной встрече SVP «Альбисгетли-Тагунг» в Цюрихе в январе 2023 года.

values-can-a-lesbian-mother-be-its-new-voice/2017/05/12/3388e06a-34cc-11e7-ab03-aa29f656f13e_story.html?utm_term=.e8dbc66ec574 (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³² Openly gay leader seeks to soften image of Germany's AfD. // Financial Times. 2017. 11 May. URL: <https://www.ft.com/content/800bc828-357e-11e7-99bd-13beb0903fa3?mhq5j=e1> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³³ Alternative zu Höcke. // Frankfurter Allgemeine. 2017. 2 March. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/afd-politikerin-alice-weidel-ist-alternative-zu-bjoern-hoেকে-14895160-p3.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³⁴ «Viele Schwule und Lesben möchten einfach ihre Ruhe». // TA. 2021. 4 September. URL: <https://www.tagesanzeiger.ch/viele-schwule-und-lesben-moechten-einfach-ihre-ruhe-579283866998> (дата обращения: 25.10.2023).

Тему детей Вайдель в своих речах, интервью и социальных сетях, как правило, не поднимает, предпочитая сосредотачиваться на сфере профессиональных интересов: «Я определенно никогда не стану представителем семейной политики». Тем не менее, говоря о тех изменениях, которые пытается инициировать «Альтернатива для Германии», Вайдель подчеркивает, что делает это ради своих детей и хочет в будущем избежать упреков в том, что она не пыталась что-то изменить⁴³⁵. Однако в целом, Вайдель всё же предпочитает сосредотачиваться на своем опыте в сфере бизнеса и использовать его для решения экономических проблем, стоящих перед Германией.

Марин Ле Пен рассуждает о своей роли матери и женщины, ориентированной на семью, тем самым опровергая представление о лидерах правых популистов как об исключительно агрессивных и жестких. Ее образ вполне соответствует тому типу женщины, которую французские праворадикальные популисты нацелены защищать в своих политических программах: активную политическую карьеру она сочетает с воспитанием троих детей. «Дважды разведенная, эффективная мать-одиночка, живущая с партнером, с которым она не состоит в официальном браке – она может представить себя как кого-то, кто понимает дилеммы женщин, оказавшихся в такой ситуации»⁴³⁶. В политической карьере Марин Ле Пен наблюдается тесная взаимосвязь между ее личной жизнью и публичным имиджем. В своей книге «A contre flots» («Наперекор волнам») Ле Пен откровенно размышляет о своем опыте разведенной матери, выражая беспокойство, присущее этой ситуации. Она задается вопросами, которые волнуют многих родителей: «Удастся ли мне правильно воспитать своих детей? Имею ли я право лишать их сбалансированного воспитания с отцом и матерью? Достаточно ли я уделяю им любви и времени?»⁴³⁷ Эти личные размышления, хотя и были искренними, служили также

⁴³⁵ Alternative zu Höcke. // Frankfurter Allgemeine. 2017. 2 March. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/afd-politikerin-alice-weidel-ist-alternative-zu-bjoern-hoecke-14895160-p3.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³⁶ Serhan Y. How Being a Woman Helped Marine Le Pen. // The Atlantic. 2017. 19 April. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/04/how-being-a-woman-helped-marine-le-pen/522456/> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³⁷ Le Pen M. Op. cit. P. 187.

стратегическим элементом ее политических кампаний. Изображение Ле Пен в образе преданной матери, сталкивающейся с теми же проблемами, что и все остальные родители, позволило ей установить личный контакт с избирателями. Это очеловечивало ее образ, делало его доступным и сострадательным, что, в конечном счете, способствовало росту ее популярности на политической арене.

В ролике, записанном в рамках предвыборной кампании 2017 года, Марин Ле Пен прямо обращает внимание на свой пол: «Я женщина, и как женщина я чувствую, как крайнее насилие и ограничение свобод распространяются по всей нашей стране через исламистский фундаментализм. Я мать, и, как миллионы родителей, я каждое мгновение чувствую беспокойство о состоянии моей страны и мира»⁴³⁸. Такой дискурс позволяет привлечь к партии новый электорат: прежде всего белых француженок из верхней прослойки среднего класса, на которых и ориентирован «феминизм» Марин Ле Пен и чьи права она призывает защищать. А тот факт, что к защите женщин от ислама призывает женщина не позволяет упрекнуть партию в патриархальности.

Особенности презентации женщин-лидеров представляют собой двойственную картину. Размышляя о том, почему женщины-лидеры особенно популярны в правых популистских партиях по сравнению с «рационально-бюрократическим» типом женщин-политиков, которые продолжают бороться за достижение политической легитимности в левой и центристской политике, Д. Гева акцентирует свое внимание на способности Марин Ле Пен воплощать в себе одновременно политическую маскулинность и феминность⁴³⁹. В равной степени такая двойственность может быть отмечена и у Фрауке Петри и Алис Вайдель, объединяющих в своем имидже типичный феминный гендерный дисплей с маскулинными чертами.

Когда Петри начала строить свою партийную карьеру, основной сферой ее деятельности были проблемы иммиграции. Свен Петри, бывший муж Фрауке,

⁴³⁸ Clip de campagne officiel. // Youtube. 2017. 5 February.

URL <https://www.youtube.com/watch?v=FYWnuQc5mYA> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴³⁹ Geva D. A double-headed hydra: Marine Le Pen's charisma, between political masculinity and political femininity // Norma. 2020. Т. 15. №. 1. P. 26-42.

вспоминал, что предлагал ей заняться проблемами семейной политики, сфере гораздо более близкой для «молодой женщины с успешной карьерой и четырьмя детьми». Петри, однако, ответила, что иммиграционная проблема – «важный вопрос, которым к тому же никто больше не хочет заниматься»⁴⁴⁰. Впоследствии именно Петри станет тем человеком, под лидерством которого AfD станет ассоциироваться с антимигрантской политикой. Требования закрытия границ, запрета на ношение хиджаба и строительства минаретов – вот те позиции, которые лежали в основе взглядов Петри и определявшие политическую повестку партии. Своим главным политическим методом Петри называла провокацию как «вынужденный способ привлечения внимания для маленькой партии»⁴⁴¹. Можно говорить, что Петри одновременно играет две роли: с одной стороны – она уверенный политический игрок, выступающий за жесткие ограничения в миграционной политике, с другой – идеальная женщина в праворадикальном представлении.

При этом гендерный дисплей Петри не ограничивается материнством, свойственны ее образу и такие маскулинные черты, как амбициозность, конкурентность, независимость и лидерские качества. Это отмечала и она сама, обращая внимание на свой высокий уровень образования и богатый профессиональный опыт: «На протяжении всей моей карьеры у меня всегда были дети. У меня был маленький ребенок, когда я получала докторскую степень, у меня были маленькие дети, когда я создавала свою компанию»⁴⁴². Не обходили вниманием такие особенности образа Петри и СМИ, обращая внимание на черты ее гендерного дисплея, обычно связываемые с маскулинными качествами: «официальные лица заявляют, что амбициозная 42-летняя химик»⁴⁴³, «несмотря на

⁴⁴⁰ Frauke Petry's Turbulent Path to the Right. // Spiegel. 2017. 13 April. URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/frauke-petry-a-1142901.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴¹ Petry's AfD: Waking ghosts of the past?. // Youtube. 2016. 23 March. URL: <https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=anmDcVeuZwA> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴² Frauke Petry's Turbulent ... URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/frauke-petry-a-1142901.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴³ Delcker J. Leader's walkout stuns German far right after election success. // Politico. 2017. 25 September. URL: <https://www.politico.eu/article/leaders-walkout-stuns-german-far-right-after-election-success/> (дата обращения: 28.05.2021).

напористый стиль руководства, Петри было трудно контролировать ситуацию»⁴⁴⁴, «внутри ее кабинет украшен детскими рисунками, снаружи – портретом Бисмарка. Она способна так завести толпу, что они, вероятно, подожгли бы ближайшую мечеть, если бы она сказала им это сделать»⁴⁴⁵. Можно предположить, что именно для смягчения своего образа, Фрауке Петри активно привлекала свою семью и сосредотачивала внимание прессы и общественности на том, что она, прежде всего, является обычной женщиной и матерью. Начиная с того момента, когда еще в 2013 году на одном из партийных мероприятий она пригласила на сцену своих мужа и детей, и заканчивая интервью для журналов светской хроники. Чем более агрессивной становилась риторика «Альтернативы для Германии», тем сильнее Петри работала над тем, чтобы предстать перед людьми обычной женщиной.

Вайдель, изначально придерживавшаяся более либеральных взглядов, тем не менее, заявила о том, что готова сотрудничать с крайне правыми альтернативщиками, что привело к тому, что Петри, в частности, обвинила ее в «оппортунизме, бессодержательности и необузданных амбициях»⁴⁴⁶. Эти качества, отмеченные коллегой по партии, не соответствуют традиционным стереотипным женским характеристикам, которые обычно связаны с такими качествами, как забота, сочувствие и готовность сотрудничать. Впрочем и сама Вайдель, формулируя свою политическую позицию как «либеральную в экономических вопросах, консервативную в социальных вопросах»⁴⁴⁷, похоже, отдает приоритет политической ориентации над чертами, обычно связанными с женственностью.

⁴⁴⁴ Who is the AfD's controversial Frauke Petry?. // DW. 2017. 25 September. URL: <https://www.dw.com/en/who-is-frauke-petry-the-afds-controversial-co-chair/a-40669970> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴⁵ Frauke Petry's Turbulent ... URL: <https://www.spiegel.de/international/germany/frauke-petry-a-1142901.html>. (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴⁶ The Right-Wing Path to the Top. // Zeit Online. 2017. 7 September. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-09/alternative-for-germany-alice-weidel-frauke-petry> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴⁷ Die Scheingemäßigte. // Frankfurter Allgemeine. 2017. 23 April. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/bundestagswahl/parteien-und-kandidaten/wer-ist-alice-weidel-die-scheingemaessigte-14984572.html> (дата обращения: 28.05.2021).

Алис Вайдель, как правило, занимает более нейтральную позицию или даже склоняется к более традиционно мужскому гендерному дисплею. Она не подчеркивает стереотипные женские черты в своем внешнем виде и риторике. Стиль одежды Алис Вайдель характеризуется профессиональным и консервативным образом, что соответствует ее политическому имиджу. Ее часто можно увидеть в костюмах, пошитых на заказ или в деловой одежде, которые создают ощущение авторитета и серьезности. Такой стиль соответствует ее роли экономиста и тому, что в своей политической платформе она делает акцент на экономических и консервативных ценностях.

СМИ часто заостряют внимание на таких особенностях ее образа, подчеркивая ее уточненный стиль в одежде, характеризуя ее как «всегда элегантно одетого экономиста»⁴⁴⁸. Ее стиль часто подчеркивается в прессе как отличительный аспект ее публичного имиджа, иллюстрируя ее внимание к своей самопрезентации. Кроме того, СМИ постоянно подчеркивают ее неагрессивную и непринужденную манеру поведения, контрастирующую с более воинственными тонами, часто ассоциирующимися с праворадикальной политикой («покидая дебаты, она выглядела непринужденно и ни капли ни агрессивно»⁴⁴⁹). Несмотря на то, что Вайдель изначально была не особо популярной фигурой, ее цели на федеральных выборах привлекли к себе внимание, укрепив ее позиции в качестве заметной и динамичной политической фигуры (так, с разницей в несколько дней в рамках предвыборной кампании 2017 года ее характеризовали и как «малоизвестный экономист Вайдель»⁴⁵⁰ и как «Вайдель заявила о своих амбициозных целях в предстоящих выборах»⁴⁵¹).

⁴⁴⁸ Das erste Leben der Alice Weidel. // Spiegel. 2017. 16 September. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/alice-weidel-die-afd-spitzenkandidatin-erstaunt-fruehere-weggefaehrten-a-1167859.html> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁴⁹ Alice Weidel, the mask of AfD's 'rational voice'. // Digg Magazine. 2017. 28 November. URL: <https://www.diggmagazine.com/articles/alice-weidel-mask-afd> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁵⁰ Delcker J. Op. cit. URL: <https://www.politico.eu/article/leaders-walkout-stuns-german-far-right-after-election-success/> (дата обращения: 28.05.2021).

⁴⁵¹ Germany's Right-Wing Party Sets Sights on Chancellorship and EU Reform. // BNN. 2023. 25 September. URL: <https://bnn.network/politics/germanys-right-wing-party-sets-sights-on-chancellorship-and-eu-reform/> (дата обращения: 25.10.2023).

В СМИ часто подчеркивается напористость и сильные лидерские качества Марин Ле Пен, она позиционируется как уверенная и авторитетная фигура, что соответствует традиционным мужским гендерным ролям в политике. СМИ часто отмечают «агрессивный» тон ее выступлений, как, например, в одном из случаев, когда она «произнесла речь в гораздо более агрессивном тоне»⁴⁵², другом сообщении упоминается, что она сама прокомментировала, что «агрессия стоила мне выборов»⁴⁵³, такой эпитет также использовался Макроном, который заявлял, что «он может покинуть дебаты, если Ле Пен будет вести себя слишком агрессивно»⁴⁵⁴.

Кроме того, часто обращают внимание на напористость, характерную для ее выступлений. Как заметил один из комментаторов: «Слова Марин Ле Пен часто звучат довольно альфа- и напористо – можно даже сказать, что она часто гипер-альфа»⁴⁵⁵, в то время как другой источник СМИ описал ее как «скорее властную и напористую»⁴⁵⁶ персону. Среди качеств, связанных с мужественностью, также отмечается амбициозность Марин Ле Пен, причем в нескольких репортажах ее признают «яростно амбициозной»⁴⁵⁷ и «достаточно амбициозной, чтобы не использовать наследственные притязания в борьбе за высшую должность»⁴⁵⁸.

⁴⁵² Le Pen calls on the 'people of France' to stand up against Macron's 'contempt'. // Le Monde. 2022. 22 April. URL: https://www.lemonde.fr/en/2022-presidential-election/article/2022/04/22/le-pen-calls-on-the-people-of-france-to-stand-up-against-macron-s-contempt_5981302_16.html (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵³ Aggression cost me the election, says Marine Le Pen. // The Times. 2017. 19 May. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/aggression-cost-me-election-says-marine-le-pen-pn6vbx73x> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵⁴ Macron and Le Pen clash on Russia, economy in feisty debate ahead of presidential run-off. // France 24. 2022. 20 April. URL: <https://www.france24.com/en/france/20220420-live-macron-and-le-pen-face-off-in-debate-ahead-of-french-presidential-run-off> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵⁵ Brown J. Nonverbal Communication Analysis №3929: Marine Le Pen and Emmanuel Macron — Alpha and Beta Flux — Body Language and Emotional Intelligence. // Medium. 2017. 5 May. URL: <https://medium.com/@DrGJackBrown/nonverbal-communication-analysis-3929-marine-le-pen-and-emmanuel-macron-alpha-and-beta-flux-5f7538683ea6> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵⁶ Gaffney J. Marine Le Pen's recent detoxification of the Front National has been at the expense of the party's intellectual traditions. // LSE Blogs. 2012. 14 April. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2012/04/14/marine-le-pen-front-national/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵⁷ Marine Le Pen emerges from father's shadow. // The Guardian. 2011. 21 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/21/marine-lepen-defends-republic> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁵⁸ Saint Remy P., Vinocur N. The return of Marine Le Pen. // Politico. 2021. 10 February. URL: <https://www.politico.eu/article/marine-le-pen-return-france-elections-national-rally/> (дата обращения: 25.10.2023).

В средствах массовой информации Марин Ле Пен часто изображают как сильную защитницу французской идентичности, суверенитета и национальной безопасности – качеств, которые обычно ассоциируются с инструментальной ролью лидера. Более того, средства массовой информации подчеркивают решительность Ле Пен в противостоянии угрозе мигрантов, позиционируя ее как лидера единственной партии, готовой выступить против иммиграционного потока. Этот образ подчеркивает ее стремление к решению спорного вопроса во французской политике, используя лидерские качества, которые ставят во главу угла смелые действия и принятие волевых решений.

Марин Ле Пен не только демонстрирует сильные и волевые качества, но и включает элементы традиционно женских черт в свой гендерный дисплей. Например, средства массовой информации изображали ее как «приемлемое лицо крайне правых»⁴⁵⁹, что подчеркивает ее способность обращаться к более широкой аудитории и представлять более доступный образ. Такой стратегический подход к ее гендерному дисплею позволяет ей охватить более широкий круг избирателей, включая тех, у кого могут быть сомнения в отношении политиков правого спектра.

Более того, в медийном имидже Ле Пен часто подчеркивается ее манера поведения в более спокойной обстановке. Например, в одной из публикаций она описывается как «пребывающая в веселом настроении, стоя в окружении мраморных статуй».⁴⁶⁰ Такие изображения предполагают попытку очеловечить и смягчить ее образ, представляя ее как человека, расположенного к публике. Включив элементы жизнерадостности и открытости, она потенциально может бросить вызов традиционным гендерным нормам и ожиданиям, тем самым расширяя свою привлекательность для различных демографических групп избирателей.

⁴⁵⁹ Rise of the 'Devil's daughter'. // The Daily Mail. 2014. 31 May. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2644378/Rise-Devils-daughter-Marine-Le-Pens-seduced-quarter-Frances-voters-presenting-acceptable-face-Far-Right-In-fact-shes-bit-extreme-Holocaust-denying-father.html> (дата обращения: 25.10.2023).

⁴⁶⁰ Marine Le Pen Surges as Macron's Star Fades. // Spiegel. 2023. 28 March. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/the-beneficiary-of-bedlam-marine-le-pen-surges-as-macron-s-star-fades-a-061d85c4-98a6-4efd-836f-5eacd315d5ba> (дата обращения: 25.10.2023).

Фрауке Петри, Алис Вайдель и Марин Ле Пен представляют новый тип женщин-лидеров в популистских праворадикальных партиях. У них есть общие характеристики, которые отличают их от традиционных лидеров этих партий, они пользуются схожими имиджевыми технологиями. Во-первых, стоит отметить значительное преобладание маскулинных качеств в их гендерном дисплее. В прессе и самопрезентации они часто выступают как сильные и уверенные в себе, часто демонстрируя такие характеристики, как уверенность, решительность и напористость. Такое поведение отличает их от более традиционных, пассивных ролей, которые женщины исторически играли в правых партиях. Большое внимание уделяется их профессионализму. Они высокообразованны и имеют профессиональный опыт, который обычно ассоциируется с лидерами-мужчинами, например, в области экономики, права и науки. Такой опыт придает им авторитет в политических дебатах и делает их серьезными претендентами на руководящие роли.

Хотя эти лидеры по-прежнему выступают за правопопулистскую политику, в своих публичных выступлениях они часто используют более стратегический и умеренный тон. Они умеют обращаться к широкому кругу избирателей, отказываясь от крайних позиций и делая акцент на основных проблемах. При этом национализм остается основной темой их выступлений. Они представляют себя защитницами национальной идентичности и культуры, делая эти вопросы центральными в платформе своих партий. Это находит отклик у их сторонников и отличает их от традиционных консерваторов. Фокус на необходимости защиты нации для женщин-лидеров в праворадикальных популистских партиях тесно связан с их семейными и гендерными ролями. Несмотря на сильные личности, они часто подчеркивают свою роль матери и хранительницы традиционных семейных ценностей. Это парадоксальное сочетание силы и заботы рассчитано на консервативные и популистские настроения. Их гендерный дисплей представляет собой необычную смесь. Они демонстрируют качества, традиционно ассоциирующиеся как с мужественностью (сила, напористость), так и с женственностью (воспитанность, ориентация на семью). Такое сочетание

позволяет им привлекать внимание самых разных избирателей и ориентироваться в сложностях гендерных ожиданий.

Заключение

Главными ценностями для правых радикалов, последовательно завоевывавших популярность на протяжении второй половины XX века, являлись позиции, связанные с превосходством собственной нации, критикой политических элит и отказом от либеральных ценностей. Правые популисты в начале XXI века сохраняют это ценностное ядро, но при этом стремятся придать ему более приемлемый вид.

Поставив перед собой задачу включиться в политический мейнстрим, правые популисты поспешили оставить позади ассоциации с радикализмом и сконцентрировались на создании благоприятного имиджа. Одним из главных трендов политического процесса современности является вхождение женщин в политику. Он был взят правыми популистами на вооружение и активно используется ими для того, чтобы нормализовать свои позиции. В результате правые популистские партии перестают быть «мужскими партиями для мужчин» и стремятся расширить свое влияние среди женщин.

Основным инструментом привлечения женского внимания становится расширение содержательной и дескриптивной репрезентации женщин в повестке и деятельности правых популистских партий. Исследователями отмечалось, что только соответствие этих двух типов репрезентаций способствует росту симпатий со стороны женского электората. В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что у правых популистов такое соответствие было достигнуто.

Анализ содержательной репрезентации женской тематики в повестке правых популистов был проведен на основе обращения к их политическим программам и дискурсу. В ходе анализа были выделены три проблемных точки, связанных с использованием женской проблематики: гендерное равноправие, мигрантская угроза, размывание традиционных семейных ценностей. Эти проблемные точки тесно связаны с традиционными «врагами» правых популистов: либеральными ценностями, противоречащими европейской

традиции, мигрантами, угрожающим европейской идентичности, политическим истеблишментом, игнорирующим нужды простых людей. Обновление повестки и использование женской тематики становится инструментом смягчения имиджа правых популистов. Характерную для себя типичную праворадикальную повестку популисты «прячут» за провозглашаемым ими курсом на защиту женских прав.

Правые популисты, признавая равноправие между мужчинами и женщинами одним из столпов европейской цивилизации, заявляют, что оно уже достигнуто, и единственными угрозами этому статус-кво являются мигранты-мусульмане и государственная политика. Парадоксальным образом еще одним «врагом женского равноправия» становится феминизм и то, что правые популисты называют «гендерной идеологией». По их мнению, феминизм угрожает завоеваниям женщин в области равноправия и лишает их реального права выбора, вынуждая женщин, желающих быть исключительно женами и матерями, отказываться от своих стремлений. Правые популисты однозначно выступают против гендерных квот, как в политической, так и в экономической жизни, характеризуя их как свидетельство того, что сторонники «гендерной идеологии» считают, что женщины не способны добиться результатов в ходе честной конкуренции с мужчинами.

Сквозь призму защиты прав женщин рассматриваются и проблемы, связанные с миграцией. Главный фокус антимигрантской риторики смещается на то, что они представляют прямую угрозу не только правам женщин, но и их физической безопасности. Правые популисты в первую очередь комментируют случаи сексуального насилия мигрантов по отношению к женщинам, обращают внимание на то, что правящие партии не желают решать эту проблему. Таким образом, женская повестка становится ключевой в плане нормализации негативного отношения к мигрантам. В антимигрантской риторике правых популистов особое место занимает тема хиджаба как олицетворения угрозы женским правам. Хиджаб одновременно воспринимается правыми популистами и как один из символов ислама, и как символ женского угнетения. Под защиту правых популистов при этом попадают не только европейки, но и мигрантки, чья

свобода оказывается скованной необходимостью носить хиджаб. В рамках этой проблемы для правых популистов характерна некая смычка с феминистками, с которыми они согласны в том, что принятие патриархальной картины мира мигрантов отбросит назад все завоевания женского равноправия; такая позиция в очередной раз демонстрирует адаптивность политической повестки правых популистов.

Тесно связана с использованием женской репрезентации для правых популистов тема семейных ценностей, так как, несмотря на конструируемый ими «прогрессивный» образ, они по-прежнему главную роль в жизни женщины отводят материнству. Главным врагом становится правительство, не создающее экономических условий для реализации одного из «основных женских стремлений» – материнства. Здесь у правых в популистском духе противоречивые позиции: с одной стороны, они отстаивают права женщины на реализацию себя в совмещении семьи и карьеры, с другой, говорят о том, что женщина является центром семейной политики и необходимо создавать все условия, для того, чтобы женщины выбрали материнство.

Особое место в повестке правых популистов, связанной с материнством, занимает тема легального аборта. Анализ партийных позиций по этому вопросу показывает, что тема легального аборта используется правыми популистами инструментально, партийные позиции по этому вопросу оказываются тесно связанными со страновыми особенностями. Правые популисты включаются в полемику по вопросу легального аборта, только если в стране есть силы, готовые их поддержать (Швейцария, Германия, Бельгия). Если в стране существует компромисс по этому вопросу, то правые популисты поддерживают легальные аборт, указывая при этом на необходимость профилактических мер по предотвращению нежелательной для женщины беременности (Австрия, Люксембург).

Таким образом, женская тематика активно используется правыми популистами для «смягчения» критики «гендерной идеологии», мусульманских мигрантов, правящих партий. Кроме того, такая расширенная содержательная

репрезентация женщин позволяет сконструировать портрет женщины, на которую ориентируются правые популисты: замужняя мать нескольких детей, желательно никогда не делавшая аборт, работающая, но не в ущерб воспитанию своих детей, причем работу свою получившая благодаря равным возможностям, существующим в обществе, а не квотам.

Правые популисты чаще всего оцениваются исследователями как партии харизматического типа, поэтому лидерские трансформации имеют большое значение для включения партий в политический мейнстрим.

Одним из главных трендов становится обновление лидерства как важная составляющая нормализации правых партий. В прошлом остаются «мужчины-воины», готовые на всё, чтобы отстоять интересы своей нации. На первый план выходят молодые образованные лидеры с богатым профессиональным опытом, способные предложить взвешенные решения существующих проблем. Олицетворением этого тренда являются представители бельгийских и французских правых популистов: Том Ван Грикен и Жордан Барделла. Создавая образ интеллектуалов, «идеальных зятьёв», апеллируя, в том числе, к женскому электорату, эти молодые лидеры способствуют нормализации имиджа своих партий.

Особого внимания заслуживает и феномен женского лидерства в правых популистских партиях. Несмотря на немногочисленность женщин-лидеров, их успешность позволяет предполагать дальнейшее расширение этого тренда.

В условиях немецкой политической культуры для AFD было необходимо с самого начала своего существования создать имидж, который поможет им дистанцироваться от радикальности. Фрауке Петри, многодетная мать, с постоянной улыбкой на губах, находящая оправдания той жесткой политике, инициатором которой была она сама, на протяжении нескольких лет успешно поддерживала свой нежный и женственный образ. Образ Алис Вайдель, сменившей Фрауке Петри на посту лидера партии, абсолютно нетипичен и несовместим с образом классического правого популиста. Имидж Вайдель свидетельствует о стремлении AFD привлечь к себе молодежь, ориентированную

на карьеру, а не на семью и представителей сексуальных меньшинств, и пытается создать впечатление толерантной партии современного образца.

Лидерство Марин Ле Пен в FN ознаменовало собой переход партии от радикальных позиций к «де-демонизации». Имидж Марин Ле Пен имеет большое значение как для образа женщины, пропагандируемого партией (работающая мать), так и для восприятия партии в целом.

Общим для всех трех женщин-лидеров является их гендерный дисплей, представляющий собой сочетание как традиционно женских, так и традиционно мужских качеств. Женщины-лидеры правых популистских партий вынуждены прокладывать себе путь между традициями и современностью, обращаясь к разнообразному электорату с противоречивыми ожиданиями. Стратегическое включение стереотипных женских черт, например, акцент на материнстве, в их публичный имидж служит механизмом балансирования. Это не только способствует смягчению общего имиджа партии, делая ее более приемлемой для широкой аудитории, но и соответствует меняющейся динамике современного политического процесса.

Однако эти условия ставят женщин-лидеров в сложное положение, когда они вынуждены находиться между следованием традиционным гендерным нормам, ожидаемым электоральной базой партии, и воплощением качеств, которые находят отклик у более разнообразного женского и молодого электората. По сути, успех женщин-лидеров в правых популистских партиях заключается в их способности ориентироваться и гармонизировать эти, казалось бы, противоречивые ожидания, создавая имидж, который одновременно знаком и привлекателен для широкого круга избирателей. Женщины-лидеры выходят за рамки традиционных гендерных ролей, исторически отводимых женщинам в правых партиях, подчеркивая профессионализм и образованность, обычно ассоциирующиеся с лидерами-мужчинами.

Наличие мужских черт в гендерном дисплее женщин-лидеров правых популистов, тем не менее, не противоречит их соответствию тому портрету женщины, что был составлен на основании содержательной репрезентации. Все

они состоят в браке, успешно совмещают материнство и профессиональную жизнь, а также резко критикуют институт квот. Таким образом, наблюдается соответствие содержательной и дескриптивной репрезентации женщин у правых популистов. Женщины-политики артикулируют традиционную гендерную повестку, поэтому сложно становится упрекать партии в патриархальности.

Описанные в работе тренды не дают всей полноты картины трансформации правых популистских партий, но отражают важные моменты изменения программных установок, ценностных и политических ориентаций, целевой аудитории, характеристики и стиля политического лидерства. Исследование дает представление о меняющихся тактиках, используемых правыми популистами для привлечения более широкого электората при сохранении своей основной идеологии. Более того, анализ репрезентации женщин в правых популистских партиях показывает динамику изменения гендерных ролей в политической сфере. Этот аспект подчеркивает сложность включения гендерного аспекта в традиционно доминирующие мужские политические ландшафты, отражая тенденции более широких общественных изменений.

Список сокращений и условных обозначений

ADR – «Партия альтернативных демократических реформ» (Alternativ Demokratisch Reformpartei).

AFD – «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland) .

FN – «Национальное объединение» (ранее «Национальный фронт») (Rassemblement national, ранее Front National).

FPÖ – «Австрийская партия свободы» (Freiheitliche Partei Österreichs).

PVV – «Партия свободы» (Partij voor de Vrijheid).

SVP – «Швейцарская народная партия» (Schweizerische Volkspartei).

VB – «Фламандский интерес» (Vlaams Belang).

Источники

Программы партий

1. Programmaboek Vlaams Belang. 2007.
2. Verkiezingsprogramma Vlaams Belang «Vlamingen Eerst!». 2010.
3. Verkiezingsprogramma Vlaams Belang «Uw Stok Achter De Deur». 2014.
4. Verkiezingsprogramma Vlaams Belang. 2019.
5. Wahlprogramm AFD. 2013.
6. AFD Wahlprogramm Bundestagswahl. 2017.
7. Programm der Alternative für Deutschland «Deutschland. Aber normal». 2021.
8. Parteiprogramm der FPÖ. 2006.
9. Parteiprogramm der FPÖ «Österreich im Wort». 2008.
10. Parteiprogramm der FPÖ «Liebe deine Nächsten». 2013.
11. Parteiprogramm der FPÖ «Österreicher verdienen Fairness». 2017.
12. Parteiprogramm der FPÖ Fair. Sozial. Heimattreu». 2019.
13. Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2009.
14. Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2013.
15. Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2017.
16. Walprogramm der Alternativ Demokratesch Reformpartei. 2021.
17. Programme Du Front National. 2007.
18. Programme Du Front National. 2012.
19. 144 Présidentiels. 2017.
20. 22 mesures pour 2022. 2022.
21. Verkiezingspamflet Groep Wilders / Partij voor de Vrijheid. 2006.
22. De agenda van hoop en optimisme. Een tijd om te kiezen: PVV 2010-2015. 2010.
23. Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma «Hún Brussel, óns Nederland». 2012.
24. Verkiezingsprogramma PVV. 2017.
25. Partij voor de Vrijheid Verkiezingsprogramma «Het gaat om u». 2021.

26. SVP Wahlplattform «Mein Zuhause – unsere Schweiz». 2007.
27. Party programme of the Swiss People's Party «SVP – the party for Switzerland». 2015.
28. SVP Parteiprogramm «Frei und sicher». 2019.

Официальные сайты партий

1. Alternativ Demokratesch Reformpartei [Электронный ресурс] Режим доступа: www.adr.lu.
2. Alternative für Deutschland [Электронный ресурс] Режим доступа: www.afd.de.
3. Freiheitliche Partei Österreichs [Электронный ресурс] Режим доступа: FPÖe.at.
4. Partij voor de Vrijheid [Электронный ресурс] Режим доступа: www.pvv.nl.
5. Rassemblement National [Электронный ресурс] Режим доступа: rassemblementnational.fr.
6. Schweizerische Volkspartei [Электронный ресурс] Режим доступа: svp.ch.
7. Vlaams Belang [Электронный ресурс] Режим доступа: www.vlaamsbelang.org.

Выступления и речи представителей партий

1. Gauland, Alexander [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа:
<https://dip.bundestag.de/suche?term=Gauland%2C%20Alexander&f.typ=Vorgang&rows=25>.
2. Geert Wilders Activities [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vg09llkg6xvb>.
3. Jordan Bardella Parliamentary Activities [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://www.europarl.europa.eu/meps/en/131580/JORDAN_BARDELLA/home.

4. Le Pen M. Presidential Campaign Launch. March 9, 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/09/01/presidential-campaign-launch-march-9-2017/>.
5. Le Pen M. Succession Speech. May 7, 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/09/01/succession-speech-may-7-2017/>.
6. Marine Le Pen [Электронный ресурс] // C-Span. Режим доступа: <https://www.c-span.org/person/?103096/MarineLePen>
7. Marine Le Pen Parliamentary Activities [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/28210/MARINE_LE+PEN/history/8.
8. Petry, Frauke [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/suche?term=Petry%2C%20Frauke&f.typ=Vorgang&rows=25>.
9. Storch, Beatrix [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/suche?term=Storch%2C%20Beatrix%20von&f.typ=Vorgang&rows=25>.
10. Tom van Grieken Parliamentary Activities [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://pace.coe.int/en/members/8136/grieken>.
11. Weidel, Alice [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. Режим доступа: <https://dip.bundestag.de/aktivit%C3%A4t/dr-alice-weidel-mdb-afd/1662840>.

Пресса

1. Die Presse [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.diepresse.com/>.
2. Der Standard [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.derstandard.at>.
3. The Brussels Times [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.brusselstimes.com/>.
4. VRT [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vrt.be/>.
5. De Standaard [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.standaard.be>.
6. DaarDaar[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://daardaar.be/>.

7. De Tijd [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tijd.be>.
8. De Morgen [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.demorgen.be/>.
9. DutchNews [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dutchnews.nl>.
10. BNNVARA [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bnnvara.nl/>.
11. Luxembourg Times [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.luxtimes.lu>.
12. Die Zeit [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.zeit.de/>.
13. Der Spiegel [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.spiegel.de>.
14. Deutsche Welle [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dw.com/>.
15. Frankfurter Allgemeine Zeitung [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.faz.net/aktuell/>.
16. Politico Europe [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.politico.eu/>.
17. L'Express [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.lexpress.fr/>.
18. Le Figaro [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/>.
19. France 24 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.france24.com/en/>.
20. Neue Zürcher Zeitung [Электронный ресурс] Режим доступа:
21. Swissinfo [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.swissinfo.ch>.
22. Tages-Anzeiger [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.tagesanzeiger.ch/>.
23. The Guardian [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international>.
24. The Economist [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.economist.com/>.
25. Bloomberg [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/europe>.
26. The Washington Post [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/>.
27. The Times [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/>.

Опросы общественного мнения и статистические данные

1. Ipsos [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ipsos.com/>.
2. Pew Research Centre [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/>.
3. Manifesto Project [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu/>.
4. Gender Quotas Database [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas-database>.
5. Parties and Elections in Europe [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.parties-and-elections.eu/>.

Автобиографии и мемуары

1. Le Pen J.M. Mémoires : Fils de la nation. 2018.
2. Le Pen J.M. Mémoires : Tribun du peuple. 2019.
3. Le Pen M. À contre flots. 2006.
4. Le Pen M. Pour que vive la France. 2012.
5. Rosenkranz B. MenschInnen. Gender Mainstreaming – Auf dem Weg zum geschlechtslosen Menschen. Ares-Verlag: Graz. –2008.
6. Van Grieken T. Toekomst in eigen handen. 2017.
7. Van Grieken T. En nu is het aan ons. 2020.

Литература

1. Алексеев, А. В., Фомин, И. В. «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения») // Политическая наука. – 2020. – №. 4. – С. 128-156.
2. Алексеенкова, Е. С. Трансформация правого популизма в Италии 2018-2022 гг.: от суверенизма к патриотизму // Современная Европа. – 2022. – №. 7 (114). – С. 42-56.

3. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – Социум, 1989. 502 с.
4. Белинский, А. В. "Восстание против элит": всплеск праворадикального популизма в Западной Европе //Актуальные проблемы Европы. – 2018. – №. 2. – С. 14-36.
5. Белинский, А. В. Введение. Правый лагерь Старого света: от «конца истории» к ренессансу //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 4 (120). – С. 7-17.
6. Бушуева, Н. В. Женское политическое лидерство: гендерные исследования в России //Социология власти. – 2010. – №. 4. – С. 100-108.
7. Вайнштейн, Г. И. Современный популизм как объект политологического анализа //Полис. Политические исследования. – 2017. – Т. 4. – С. 69-89.
8. Великая, Н. М., Берёзкина, Е. Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов //Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. №. 2S. С. 8-23.
9. Вершинина, Д. Б. Женская тематика в движениях протеста в конце XX-начале XXI века: от глобального контекста к национальному опыту (на примере Ирландии) //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 3 (119). – С. 98-116.
10. Грибовский, В. С. Правый популизм: особенности политического феномена //Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2019. – №. 1. – С. 61-64.
11. Гуселетов, Б. П. Выборы 2017 года в странах Евросоюза: общее и особенное //Современная Европа. – 2018. – №. 2 (81). – С. 18-28.
12. Козлова, Н.Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. №2 С. 68-84
13. Козлова, Н. Н., Монахова, Ю. А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. №2. С. 57-69.

14. Лункин, Р. Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях //Современная Европа. – 2018. – №. 1 (80). – С. 102-113.
15. Лункин, Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. –2020. 488 с.
16. Лункин, Р. Н., Филатов, С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния //Современная Европа. – 2018. – №. 3 (82). – С. 102-114.
17. Лушанкин, С. С. Категория "повестка дня" в структуре политического процесса: понятие "политической повестки дня" и модели её формирования //Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 1. – №. 4. – С. 456-465.
18. Маслова, Е. А., Джованни, С. Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы //Современная Европа. – 2020. – №. 4. – С. 37-49.
19. Осколков, П. В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого //Современная Европа. – 2019. – №. 3 (88). – С. 83-91.
20. Осколков, П. В. Правый популизм в Европейском союзе. – 2019. 163 с.
21. Осколков, П. В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе //Современная Европа. – 2017. – №. 5 (77). – С. 54-62.
22. Осколков, П. В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правых популистских партий //Вестник МГИМО Университета. – 2017. – №. 5 (56). – С. 169-182.
23. Осколков, П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала //Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2018. – №. 3. – С. 19-33.
24. Осколков, П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» //Актуальные проблемы Европы. – 2023. – №. 4 (120). – С. 18-37.
25. Погорельская, С. В. "Альтернатива для Германии": без внутренней альтернативы? //Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – №. 1 (13). – С. 40-55.

26. Погорельская, С. В. Введение. Методологические проблемы исследования правого радикализма //Актуальные проблемы Европы. – 2004. – №. 2. – С. 6-15.
27. Погорельская, С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе //Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №. 3. – С. 51-63.
28. Пушкарева, Н. Л. Что такое гендер? Характеристика основных концепций //Гендерная теория и историческое знание. – 2005. – С. 8-20.
29. Рудакова, Е. К. Демографический кризис в Европе: типы воспроизводства населения //Власть. – 2020. – №. 5. – С. 246-253.
30. Рудакова, Е. К. Демографические процессы в Европе: динамика и причины депопуляции //Власть. – 2020. – №. 4. – С. 227-234.
31. Терновая, Л. О. Женское лицо мировой политики //Государственная служба. – 2011. – №. 1. – С. 91-94.
32. Хахалкина, Е. В., Андреев, К. П., Мунько, А. В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС //Вестник МГИМО Университета. – 2020. – №. 6 (75). – С. 99-132.
33. Чикалова, И.Р. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования. Часть 1. Харьков; СПб., 2001. С. 80-106.
34. Шеин, С. А. Ответы европейского мейнстрима на вызовы правого популизма сквозь призму концепции стрессоустойчивости: случай Соединенного Королевства //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – №. 1. – С. 59-70.
35. Шеин, С. А., Аликин, А. А. Глобальное измерение «популистской волны»: возможности дифференцированного анализа //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24. – №. 2. – С. 200-220.
36. Aaldering, L., Van Der Pas, D. J. Political leadership in the media: Gender bias in leader stereotypes during campaign and routine times //British Journal of Political Science. – 2020. – Т. 50. – №. 3. – P. 911-931.
37. Akkerman, T. Gender and the radical right in Western Europe: A comparative analysis of policy agendas //Patterns of Prejudice. – 2015. – Т. 49. – №. 1-2. – P. 37-60.

38. Albertazzi, D., McDonnell, D. Twenty-first century populism: The spectre of Western European democracy. – Springer, 2007. 264 p.
39. Albertazzi, D., Mueller, S. Populism and liberal democracy: Populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland //Government and opposition. – 2013. – T. 48. – №. 3. – P. 343-371.
40. Albertazzi, D., McDonnell, D. Populists in power. – Routledge, 2015. 248 p.
41. Alekseev, A. et al. “Defend your right!” How the populist radical right uses references to rights and freedoms to discursively construct identities //New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. – 2021. – T. 29. – №. 4. – P. 376-416
42. Alekseev, A. Sovereignty in Political Discourses of the European Populist Radical Right: The Right of the People and the Right of the Peoples //Sovereignty in Conflict: Political, Constitutional and Economic Dilemmas in the EU. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – P. 211-243
43. Allen, T. J., Goodman S. W. Individual-and party-level determinants of far-right support among women in Western Europe //European Political Science Review. – 2021. – T. 13. – №. 2. – P. 135-150.
44. Art, D. Reacting to the radical right: Lessons from Germany and Austria //Party Politics. 2007.T. 13. № 3.P. 331-349.
45. Art, D. The organizational origins of the contemporary radical right: The case of Belgium //Comparative Politics. – 2008. – T. 40. – №. 4. – P. 421-440.
46. Arzheimer, K. The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? //West European Politics. – 2015. – T. 38. – №. 3. – P. 535-556.
47. Aukrust, K. The Metapolitical Strategy–Towards an Alliance between the Republican and Radical Right in France? // Living Alliances, Leaving Alliances: Interdisciplinary Perspectives – 2022. P. 81-105.
48. Bakker, R. et al. Measuring party positions in Europe: The Chapel Hill expert survey trend file, 1999–2010 //Party Politics. – 2015. – T. 21. – №. 1. – P. 143-152.
49. Banducci, S. A., Karp, J. A. Gender, leadership and choice in multiparty systems //Political Research Quarterly. – 2000. – T. 53. – №. 4. – P. 815-848.

50. Barker, M. The new racism: Conservatives and the ideology of the tribe. – Junction Books. 1981. 183 p.
51. Beach, B., Jones, D. B. Business as usual: Politicians with business experience, government finances, and policy outcomes //Journal of Economic Behavior & Organization. 2016. № 131. P. 292-307.
52. Benveniste, A., Campani, G., Lazaridis, G. Introduction: Populism: The concept and its definitions //The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and 'Othering'. – 2016. – P. 1-23.
53. Berg, L. Between anti-feminism and ethnicized sexism: Far-right gender politics in Germany. – 2019. P. 79-91.
54. Bergh, J., Bjørklund, T. The revival of group voting: explaining the voting preferences of immigrants in Norway //Political Studies. – 2011. – T. 59. – №. 2. – P. 308-327.
55. Betz, H. G. Radical right-wing populism in Western Europe. – Springer, 1994. 237 p.
56. Betz, H. G. Xenophobia, identity politics and exclusionary populism in Western Europe //Socialist Register. – 2003. P. 193-210.
57. Bird, K. Who are the women? Where are the women? And what difference can they make? Effects of gender parity in French municipal elections //French Politics. – 2003. – T. 1. – P. 5-38.
58. Blee, K. M., McGee Deutsch S. Women of the Right: International and Transnational Perspectives. – 2012. 320 p.
59. Blee, K. Where do we go from here? Positioning gender in studies of the far right //Politics, Religion & Ideology. – 2020. – T. 21. – №. 4. – P. 416-431.
60. Bos, L., Van der Brug, W., De Vreese, C. How the media shape perceptions of right-wing populist leaders //Political Communication. – 2011. – T. 28. – №. 2. – P. 182-206.
61. Brooks, D. J. He runs, she runs: Why gender stereotypes do not harm women candidates. – Princeton University Press, 2013. 240 p.

62. Brubaker, R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. No. 8. P. 1191–1226
63. Cammaerts, B. The mainstreaming of extreme right-wing populism in the Low Countries: What is to be done? // *Communication Culture & Critique*. – 2018. – T. 11. – №. 1. – P. 7-20.
64. Campbell, R., Heath, O. Do women vote for women candidates? Attitudes toward descriptive representation and voting behavior in the 2010 British election // *Politics & Gender*. – 2017. – T. 13. – №. 2. – P. 209-231.
65. Carls, P. Approaching right-wing populism in the context of transnational economic integration: lessons from Luxembourg // *European Politics and Society*. – 2023. – T. 24. – №. 2. – P. 265-283.
66. Carnes, N., Lupu, N. What good is a college degree? Education and leader quality reconsidered // *The Journal of Politics*. 2016. № 78(1). P. 35–49.
67. Celis, K., Coene, G. Still a woman's right? Feminist and other discourses in abortion struggles in Belgium // *A Fragmented Landscape. Abortion Governance and protest logics in Europe*. – Berghahn Books Inc., 2017. – P. 123-144.
68. Chatterjee, P. *Asian American feminisms and women of color politics*. – University of Washington Press, 2018. 320 p.
69. Chueri, J., Damerow, A. Closing the gap: How descriptive and substantive representation affect women's vote for populist radical right parties // *West European Politics*. – 2023. – T. 46. – №. 5. – P. 928-946.
70. Cobb, R. W., Elder, C. D. The politics of agenda-building: An alternative perspective for modern democratic theory // *The journal of politics*. – 1971. – T. 33. – №. 4. – P. 892-915.
71. Coffé, H. Gender, gendered personality traits and radical right populist voting // *Politics*. – 2019. – T. 39. – №. 2. – P. 170-185.
72. Coffé, H., Bolzendahl, C. Same game, different rules? Gender differences in political participation // *Sex roles*. – 2010. – T. 62. – P. 318-333.

73. Coka, D. A., Freier, R., Mollerstrom, J. Gender parity in German politics: Further effort required //DIW Economic Bulletin. – 2017. – T. 7. – №. 37. – P. 365-373.
74. Cranmer, M. Populist communication and publicity: An empirical study of contextual differences in Switzerland //Swiss Political Science Review. – 2011. – T. 17. – №. 3. – P. 286-307.
75. Dahlerup, D. Electoral gender quotas: Between equality of opportunity and equality of result //Representation. – 2007. – T. 43. – №. 2. – P. 73-92.
76. Dahlerup, D. From a small to a large minority: Women in Scandinavian politics //Scandinavian political studies. – 1988. – T. 11. – №. 4. – P. 275-298.
77. Davies, P. The National Front in France: ideology, discourse and power. – Routledge, 2012. 288 p.
78. De Lange, S. L., Art, D. Fortuyn versus Wilders: An agency-based approach to radical right party building //West European Politics. – 2011. – T. 34. – №. 6. – P. 1229-1249.
79. Decker, F. Germany: right-wing populist failures and left-wing successes //Twenty-First Century Populism. Palgrave Macmillan. London. 2008. P. 119-134.
80. Deckman, M. Tea party women: Mama grizzlies, grassroots leaders, and the changing face of the American right. – NYU Press, 2016. 384 p.
81. Doerr, N. The visual politics of the alternative for Germany (AfD): Anti-Islam, ethno-nationalism, and gendered images //Social Sciences. – 2021. – T. 10. – №. 1. – P. 1-15.
82. Eatwell, R. Ten theories of the extreme right //Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century. London: Frank Cass Publishers. 2003. P. 45–70.
83. Eatwell, R. The rebirth of right-wing charisma? The cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovskiy //Totalitarian Movements and Political Religions. – 2002. – T. 3. – №. 3. – P. 1-23.
84. Elomäki, A. Gender quotas for corporate boards: depoliticizing gender and the economy //NORA-Nordic Journal of Feminist and Gender Research. – 2018. – T. 26. – №. 1. – P. 53-68.

85. Ennsner, L. The homogeneity of West European party families: The radical right in comparative perspective //Party Politics. – 2012. – T. 18. – №. 2. – P. 151-171.
86. Ennsner-Jedenastik, L. A welfare state for whom? a group-based account of the Austrian Freedom Party's social policy profile //Swiss Political Science Review. – 2016. – T. 22. – №. 3. – P. 409-427.
87. Evans, J. 'La politique du dehors avec les raisons du dedans': Foreign and Defence Policy of the French Front National //Europe for the Europeans. Routledge, 2016. P. 143-156.
88. Farris, S. In the name of women's right. The rise of femonationalism. – Duke University Press. 2017. 272 p.
89. Finke, D. Collateral damage: do gender quotas undermine party discipline? //The Journal of Legislative Studies. – 2019. – T. 25. – №. 1. – P. 66-87.
90. Funk, P., Gathmann, C. Gender gaps in policy making: Evidence from direct democracy in Switzerland //Economic Policy. – 2015. – T. 30. – №. 81. – P. 141-181.
91. Funke, M., Trebesch, C. Financial crises and the populist right //ifo DICE Report. – 2017. – T. 15. – №. 4. – P. 6-9.
92. Garzia, D. Personalization of politics and electoral change. – Springer, 2019. 137 p.
93. Geva, D. A double-headed hydra: Marine Le Pen's charisma, between political masculinity and political femininity // Norma. 2020. T. 15. №. 1. P. 26-42.
94. Giger, N. et al. The gender gap in same-gender voting: The role of context //Electoral Studies. – 2014. – T. 35. – P. 303-314.
95. Giuliani, G. A. Investigating the radical right's family policy agenda: evidence from six European countries //Italian Political Science Review/Rivista Italiana di Scienza Politica. – 2023. – T. 53. – №. 2. – P. 179-200.
96. Givens, T. E. The radical right gender gap //The Populist Radical Right. – Routledge, 2016. – P. 308-326.
97. Goffman, E. Gender advertisements. – 1979. 94 p.
98. Golder, M. Explaining variation in the success of extreme right parties in Western Europe //Comparative political studies. – 2003. – T. 36. – №. 4. – P. 432-466.

99. Greenlee, J. The political consequences of motherhood. – University of Michigan Press, 2014. 304 p.
100. Hainsworth, P. The Extreme Right in Western Europe. London: Routledge, 2008. 172 p.
101. Hayek, L., Russmann U. Those who have the power get the coverage—Female politicians in campaign coverage in Austria over time //Journalism. – 2022. – T. 23. – №. 1. – P. 224-242.
102. Hunter, J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. 1991. 432 p.
103. Heilmann, A. Normalisierung und Aneignung—Modernisierung und Flexibilisierung von Männlichkeiten im Rechtsextremismus //Rosa-Luxemburg-Stiftung. – 2010. – P. 53-66.
104. Heinisch, R., Mazzoleni, O. Understanding populist party organisation. – Palgrave Macmillan, 2016. 258 p.
105. Hoecker, B. Handbuch Politische Partizipation von Frauen in Europa. – Springer-Verlag, 2013. 403 p.
106. Holtkamp, L., Dressman, R. Women's Underrepresentation in German Politics—Reforms and Reform Needs Based on the Local Level //Open Journal of Political Science. – 2022. – T. 12. – №. 2. – P. 256-275.
107. Htun, M., Weldon, S. L. When do governments promote women's rights? A framework for the comparative analysis of sex equality policy //Perspectives on Politics. – 2010. – T. 8. – №. 1. – P. 207-216.
108. Huber, L. M. Beyond policy: the use of social group appeals in party communication //Political Communication. – 2022. – T. 39. – №. 3. – P. 293-310.
109. Huddy, L., Terkildsen, N. Gender stereotypes and the perception of male and female candidates //American journal of political science. – 1993. – P. 119-147.
110. Ignazi, P. Extreme Right Parties in Western Europe. Oxford: Oxford University Press, 2003. 272 p.
111. Inglehart, R., Norris, P. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. – Cambridge University Press, 2003. 226 p.

112. Inglehart, R. F., Norris, P. Trump, Brexit, and the rise of populism: Economic have-nots and cultural backlash. – 2016. 52 p.
113. Inglehart, R., Norris, P. Trump and the xenophobic populist parties: The silent revolution in reverse //Perspectives on Politics. – 2017. – T. 15. – №. 2. – P. 443-454.
114. Inglehart, R., Norris, P. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. 2019. 564 p.
115. Jenson, J., Sineau, M. Who Cares? Women's Work, Child Care and Welfare. – 2001. 289 p.
116. Kanter, R. M. Men and women of the corporation: New edition. – Basic books, 2008. 416 p.
117. Kanter, R. M. Some effects of proportions on group life: Skewed sex ratios and responses to token women //American journal of Sociology. – 1977. – T. 82. – №. 5. – P. 965-990.
118. Kantola, J., Lombardo, E. Strategies of right populists in opposing gender equality in a polarized European Parliament //International Political Science Review. – 2021. – T. 42. – №. 5. – P. 565-579.
119. Karpowitz, C. F., Mendelberg T. The silent sex: Gender, deliberation, and institutions. – Princeton University Press, 2014. 272 p.
120. Kemper, A. Foundation of the Nation: How Political Parties and Movements are Radicalising Others in Favour of Conservative Family Values and against Tolerance, Diversity, and Progressive Gender Politics in Europe. Berlin, 2016. 83 p.
121. Kivijärvi, M., Takala, T. (De) Stigmatization of Political Leadership: The Case of a Right-Wing Populist Presidential Candidate in the Finnish Media //Open Journal of Political Science. – 2020. – T. 10. – №. 3. P. 428-447.
122. Klammer, C., Goetz, J. Between German nationalism and anti-Muslim racism: Representations of gender in the Freedom Party of Austria (FPÖ) //Gender and far right politics in Europe. – 2017. – P. 79-93.
123. Köpl, R. Gendering political representation: debates and controversies in Austria //State feminism and political representation. – 2005. – P. 20-40.

124. Lahti, Y. D. O. Populism as a battlefield Populist actors and their representation on social and legacy media during the european parliament elections 2019 in Finland, Italy and the Netherlands. – 2022. 248 p.
125. Lancaster, C. M. Not so radical after all: Ideological diversity among radical right supporters and its implications //Political Studies. – 2020. – T. 68. – №. 3. – С. 600-616.
126. Laroche, F. Maréchale nous voilà! Le Cercle national des femmes d'Europe //L'extrême droite et les femmes. – 1997. – P. 153-164.
127. Lawless, J. L., Fox, R. L. It still takes a candidate: Why women don't run for office. – Cambridge University Press, 2010. 231 p.
128. Leijenaar, M. Vom demokratischen Feigenblatt zur Parität. Politische Partizipation von Frauen in den Niederlanden. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 255-273.
129. Leyenaar, M. Political empowerment of women: The Netherlands and other countries. – Brill, 2004. 335 p.
130. Linden, A., Klandermans, B. Stigmatization and repression of extreme-right activism in the Netherlands //Mobilization: An International Quarterly. – 2006. – T. 11. – №. 2. – P. 213-228.
131. Lloren, A. Switzerland: Direct Democracy and Women's Political Participation //The Palgrave Handbook of Women's Political Rights. – 2019. – P. 155-167.
132. Lucardie, P., Akkerman, T., Pauwels, T. It is still a long way from Madou Square to Law Street: The evolution of the Flemish Bloc //Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe. – Routledge, 2016. – P. 208-224.
133. Luther, K. R. The revival of the radical right: the Austrian parliamentary election of 2008 //West European Politics. – 2009. – T. 32. – №. 5. – P. 1049-1061.
134. Manthe, B. Germany: the role of women in radical right terrorism [Электронный ресурс] // OpenDemocracy. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/en/countering-radical-right/germany-role-women-radical-right-terrorism/>.
135. Marcus, J. The National Front and French Politics: The Resistible Rise of Jean-Marie Le Pen. N.Y. Macmillan Press. 1995. 250 p.

136. Mayer, N., Sineau, M. Women and the National Front/Le Front national et les femmes : дис. – CEVIPOF, 2002. 63 p.
137. Mayer, S., Šori, I., Sauer, B. Gendering ‘the People’. Heteronormativity and ‘Ethnomasochism’ in Populist Imaginary // *Populism, media and education: Challenging discrimination in contemporary digital societies*. – 2016. – P. 84-104.
138. Merelli, A. The state of global right-wing populism in 2019. [Электронный ресурс] // *Quartz*. – 2020. 19 December. Режим доступа: <https://qz.com/1774201/the-global-state-of-right-wing-populism-in-2019>.
139. Meret, S. The Danish people's party, the Italian Northern league and the Austrian freedom party in a comparative perspective: Party ideology and electoral support. 324 p.
140. Michel, E. et al. Leader effects and voting for the populist radical right in Western Europe // *Swiss Political Science Review*. – 2020. – Т. 26. – №. 3. – P. 273-295.
141. Mudde, C. Europe's populist surge: A long time in the making // *Foreign affairs*. – 2016. – Т. 95. – №. 6. – P. 25-30.
142. Mudde, C. *The far right today*. – John Wiley & Sons, 2019. 160 p.
143. Mudde, C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester, UK: Manchester University Press, 2000. 225 p.
144. Mudde, C. *The Populist Radical Right in Europe*. - Cambridge University Press. 2007. 405 p.
145. Mudde, C. The populist radical right: A pathological normalcy // *West European Politics*. 2010. 33(6). P. 1167-1186.
146. Mudde, C., Kaltwasser, C. R. Exclusionary vs. inclusionary populism: Comparing contemporary Europe and Latin America // *Government and opposition*. – 2013. – Т. 48. – №. 2. – P. 147-174.
147. Mudde, C., Kaltwasser, C. R. *Populism: A very short introduction*. – Oxford University Press, 2017. 136 p.
148. Nicholas, L., Agius, C. *The persistence of global masculinism: Discourse, gender and neo-colonial re-articulations of violence*. – Springer, 2017. 189 p.

149. Norris, P. *Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 349 p.
150. Norris, P., Inglehart, R. F. Muslim integration into Western cultures: Between origins and destinations // *Political Studies*. – 2012. – T. 60. – №. 2. – P. 228-251.
151. Norris, P., Inglehart, R. *Public opinion among Muslims and the West* // *Framing Terrorism*. – Routledge, 2004. – P. 203-228.
152. Nowotny, H. *Women in public life in Austria* // *Access to power*. – Routledge, 2018. – P. 147-156.
153. Oldersma, J. High tides in a low country: Gendering political representation in the Netherlands // *State feminism and political representation*. – 2005. – P. 153-173.
154. O'Neill, B., Stewart, D. K. *Gender and political party leadership in Canada* // *Party Politics*. – 2009. – T. 15. – №. 6. – P. 737-757.
155. Passari, E. The great recession and the rise of populism // *Intereconomics*. – 2020. – T. 55. – №. 1. – P. 17-21.
156. Pearson, E., Winterbotham, E., Brown, K. E. *Countering violent extremism: Making gender matter*. – Springer Nature. 2021. 348 p.
157. Pető, A. Reproductive rights as battlefield in the new cold war: A historical comparison of illiberal gender politics regarding reproductive rights in Hungary // *Global Contestations of Gender Rights*. 2022. Bielefeld: Bielefeld University Press. P. 227-244.
158. Pilkington, H. *Loud and Proud: Passion and Politics in the English Defence League*. 2016. Manchester: Manchester University Press. 272 p.
159. Pitkin, H. F. *The concept of representation*. Berkeley: University of California Press. 1967. 323 p.
160. Rahat, G., Sheafer, T. The personalization (s) of politics: Israel, 1949–2003 // *Political communication*. – 2007. – T. 24. – №. 1. – P. 65-80.
161. Roy, N. “Women Are Women”: Right-Wing Women’s (Essentialist) Conceptualisation of Sex/Gender in Germany and Austria // *Cultivate. The Feminist Journal of the Centre for Women's Studies*. 2021. № 3. P. 60-66.

162. Sauer, B. Radical right populist debates on female Muslim body-coverings in Austria. Between biopolitics and necropolitics // *Identities*. – 2022. – T. 29. – №. 4. – P. 447-465.
163. Schäfer, A. Die Akademikerrepublik: Kein Platz für Arbeiter und Geringgebildete im Bundestag? // *Gesellschaftsforschung*. – 2013. – №. 2. – P. 8-13.
164. Schild, C. J. Do female mayors make a difference? Evidence from Bavaria. – *IWQW Discussion Papers*, 2013. – №. 07/2013.
165. Scrinzi, F. Gender and women in the Front National discourse and policy: from 'mothers of the nation' to 'working mothers'? // *New Formations*. – 2017. – T. 91. – №. 91. – P. 87-101.
166. Setzler, M. Measuring bias against female political leadership // *Politics & Gender*. – 2019. – T. 15. – №. 4. – P. 695-721.
167. Siri, J. Geschlechterpolitische Positionen der Partei Alternative für Deutschland // *Die Alternative für Deutschland: Programmatik, Entwicklung und politische Verortung*. – 2016. – P. 69-80.
168. Smith, A. D. *National identity*. London: Penguin. 1991. 226 p.
169. Spierings, N., Lubbers, M., Zaslove, A., «Sexually Modern Nativist Voters»: Do They Exist and Do They Vote for the Populist Radical Right? // *Gender and Education*. 2017. № 29 (2). P. 216–237.
170. Spierings, N., Zaslove, A. Gender, populist attitudes, and voting: explaining the gender gap in voting for populist radical right and populist radical left parties // *West European Politics*. 2017. T. 40. №. 4. P. 821-847.
171. Spierings, N., Zaslove, A. Gendering the vote for populist radical-right parties // *Patterns of Prejudice*. – 2015. – T. 49. – №. 1-2. – P. 135-162.
172. Spini, D. *Unveiling Violence: Gender and Migration in the Discourse of Right-Wing Populism* // *Women and migration: responses in art and history*. Ed. by Willis D., Toscano E., Brooks Nelson K. Cambridge. Open Book Publishers. 2019. P. 135-154.
173. Steinberg, J. *Why Switzerland?* Cambridge University Press, 1996. 322 p.

174. Steininger, B. Representation of women in the Austrian political system 1945-1998: From a token female politician towards an equal ratio? // *Women & Politics*. – 2000. – T. 21. – №. 2. – P. 81-106.
175. Stockemer, D. The FN Membership Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen // *The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen*. – 2017. – P. 57-77.
176. Stockemer, D. *The Front National in France: Continuity and Change Under Jean-Marie Le Pen and Marine Le Pen*. Springer. 2017. 120 p.
177. Taggart, P. *Populism*. Buckingham, UK: Open University Press. 2000. 128 p.
178. Van der Brug, W., Fennema, M., Tillie, J. Why some anti-immigrant parties fail and others succeed: A two-step model of aggregate electoral support // *Comparative Political Studies*. – 2005. – T. 38. – №. 5. – P. 537-573.
179. Vandeleene, A. Gender quotas and ‘women-friendly’ candidate selection: Evidence from Belgium // *Representation*. – 2014. – T. 50. – №. 3. – P. 337-349.
180. Virchow, F. Tapfer, stolz, opferbereit–Überlegungen zum extrem rechten Verständnis «idealer Männlichkeit» // *Rosa-Luxemburg-Stiftung*. – 2010. – P. 39-52.
181. Vossen, K. Classifying Wilders: The ideological development of Geert Wilders and his party for freedom // *Politics*. – 2011. – T. 31. – №. 3. – P. 179-189.
182. Wagener, R. *Luxemburg: Verspäteter politischer Einstieg der Frauen*. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 233-253.
183. West, C., Zimmerman, D.H. *Doing Gender // Doing Gender Diversity: Readings in Theory and Real- World Experience*. Taylor and Francis. 2018. P. 3–12.
184. Williams, M. H. The FPÖ Finds a Winning Combination in Leadership and the Third Lager // *The Impact of Radical Right-Wing Parties in West European Democracies*. – New York : Palgrave Macmillan US, 2006. – P. 153-186.
185. Willner, A. R. *The spellbinders: Charismatic political leadership*. – Yale University Press, 1985. 212 p.
186. Wodak, R., Pelinka, A. *The Haider Phenomenon in Austria*. – Transaction Publishers, 2002. 264 p.

187. Wood, C., Finlay, W. M. British National Party representations of Muslims in the month after the London bombings: Homogeneity, threat, and the conspiracy tradition / *British Journal of Social Psychology*. 2008. № 47. P. 707-726.
188. Woodward, A. E. Politische Partizipation in Belgien: Die gespaltene Frau. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1998. – P. 17-39.
189. Xydias, C. V. Inviting more women to the party: Gender quotas and women's substantive representation in Germany // *International Journal of Sociology*. – 2007. – T. 37. – №. 4. – P. 52-66.;
190. Yuval-Davis, N. Ethnicity, gender relations and multiculturalism // *Debating cultural hybridity: multicultural identities and the politics of anti-racism*. – 1997. – P. 193-207.
191. Zaslove, A. Here to stay? Populism as a new party type // *European review*. – 2008. – T. 16. – №. 3. – P. 319-336.